

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
КОСТА ЛЕВАНОВИЧА ХЕТАГУРОВА»

На правах рукописи

Шаипова Амина Мусаевна

**НОВОСТНОЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В СЕМИОТИЧЕСКОМ
И ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ АСПЕКТАХ**

Специальность 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор
Тамерьян Татьяна Юльевна

Владикавказ – 2025

Содержание

Введение	4
Глава 1. Политический нарратив: теоретико-аналитические подходы к описанию	13
1.1. Феномен нарративности	13
1.2. Направления развития политического нарратива	16
1.3. Понятие метанарратива в системе гуманитарных теорий	19
1.4. Ценности как базовая составляющая метанарратива	24
1.5. Структура идеологического поля метанарратива	28
1.6. Контрнарратив в теории политического дискурса	31
1.7. Архитектоника нарратива	35
1.8. Структура политического нарратива	38
1.9. Разновидности политических нарративов и их признаковые характеристики	41
Выводы к главе 1	47
Глава 2. Матрица семиозиса в новостном политическом нарративе	52
2.1. Семиотико-метафорическое пространство новостного политического нарратива	52
2.2. Культурные и политические изоляты как маркёры смыслопорождения в новостном политическом нарративе	60
2.3. Перформатив и перформанс в семиотике новостного политического нарратива	70
2.4. Фрактально-рекуррентная структура новостного политического нарратива	88
Выводы к главе 2	104
Глава 3. Семиотика хрематонимов в новостном политическом нарративе	100
3.1. Метафорический и прецедентный потенциал хрематонимов в	100

новостном политическом нарративе	
3.2. Репрезентация хрематонимов в цифровом пространстве новостного нарратива	118
3.2.1. Лингвокогнитивный образ вооружения «Герань»	118
3.2.2. Лингвокогнитивный образ вооружения «Бал»	120
3.2.3. Лингвокогнитивные образы вооружений «Тишина» и «Буря» в медийном пространстве	133
3.2.4. Лингвокогнитивный образ вооружения «Тополь»	135
3.2.5. Лингвокогнитивные образы вооружений «Буратино» и «Чебурашка»	137
3.3. Культурно-семиотический и фрактальный анализ репрезентации системы вооружения «Периметр»	140
Выводы к главе 3	156
Заключение	160
Список литературы	166
Список словарей	190
Список источников	192

Введение

Неотъемлемой составляющей современной коммуникации является новостной политический нарратив как междисциплинарное направление, развивающееся на стыке политологии, социологии, коммуникативистики, политической лингвистики, социолингвистики и лингвокультурологии. Одной из форм его реализации служит цифровой дискурс как важнейший канал и средство воздействия, влияющий на интерпретацию социально значимых событий и закладывающий паттерны и ориентиры оценки в гражданском обществе. Новостные тексты «формируют информационную картину мира, конструируют образ события, оказывая влияние на индивидуальное восприятие и общественное мнение» [Добросклонская 2016: 13].

В цифровую эпоху медиация как опосредующая процедура в схеме традиционной практики коммуникации, расширенный канал дискурсивного взаимодействия, интегрирует все сферы жизнедеятельности общества, генерируя общую социокультурную коммуникационную платформу: «медиа – это не просто средство для передачи информации, это целая среда, в которой производятся, эстетизируются и транслируются культурные коды» [Кириллова 2006: 22]. Специфика современных медиа обусловлена их многоканальностью, ансамблевой аранжировкой кодов, семиотической плотностью сообщений и полиструктурированностью. Жан Клотье назвал полисинтетический интегративный язык мультимедиа аудиоскриптовизуалом [Cloutier 1994: 42-53].

Новостное сообщение как наиболее распространенный жанр политического цифрового дискурса рассматривается сквозь призму многомерности и комплексности данного коммуникативного феномена, который не только выполняет функцию передачи информации, но и является одним из наиболее действенных средств эффективного воздействия на массовую аудиторию посредством ценностной интерпретации текущих фактов и событий.

Актуальность исследования обусловлена тем, что цифровое пространство служит основной площадкой бытования и развертывания социополитических событий, а новостной политический нарратив является мощным инструментом концептуализации, кодирования и трансляции насыщенных потоков информации целевым получателям. Исследование феномена новостного политического нарратива как семиотического поликодового образования с позиции многоаспектного подхода является новым направлением лингвокогнитивных, лингвoseмиотических и лингвополитических изысканий, требующим **комплексного** описания.

Объектом исследования выступает новостной политический нарратив, реализованный в цифровых массмедиа и других цифровых носителях информации в пространстве российской интернет-коммуникации.

Предмет исследования составляет семиотическая и лингвокогнитивная организация поликодового новостного сообщения в аспекте выявления специфики структуры и содержания нарративного послания.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении герменевтико-интерпретационной прагматики и архитектоники полимодальных репрезентаций семиотических смыслов в российском политическом нарративе и моделировании ключевых компонентов новостной матрицы нарративности.

В качестве основных задач предполагается выявление, декодирование и интерпретация когнитивных моделей поликодовых семиотических конструкторов и раскрытие ряда инструментов и технологий политической семиотики по продуцированию цифровых новостных продуктов. В частности:

- 1) описание доминантных признаков и структуры политического нарратива как дискурсивного образования;
- 2) выявление критериальных показателей дифференциации типов политической наррации;
- 3) обоснование фрактально-рекуррентной архитектоники новостного политического нарратива;

- 4) разработка и описание матрицы новостного политического нарратива;
- 5) выявление когнитивных моделей семиотических нарративных комплексов;
- 6) обоснование механизмов символической и реактивной перформатизации в новостном политическом нарративе;
- 7) представлении перформативной и перформансной моделей новостного политического нарратива.

Материал исследования представлен широкой палитрой поликодовых текстов из 45 цифровых массмедиа, среди которых новостные агентства и платформы, информационно-аналитические и информационные порталы, электронные газеты, ленты новостей, информационные электронные платформы телерадиокомпаний, информационные платформы государственных и международных служб и организаций, новостные платформы Z-сообществ, а также социальные сети. В общей сложности было отобрано 846 поликодовых фрагментов, наиболее ярко репрезентирующих гибридные модели новостного политического нарратива. Основной массив эмпирического материала относится к 2022-2025 гг., отдельные примеры, релевантные для настоящего исследования, датируются 2011-2021 гг.

Многоаспектный характер поставленных задач обусловил выбор комплекса **методов исследования**: лингвопрагматический и семантико-когнитивный подходы, функционально-прагматический, социокогнитивный подходы, культурно-семиотический метод, методы лингвокогнитивного моделирования, когнитивно-матричного моделирования, семиотического, метафорического, метафтонимического моделирования. В работе были применены общенаучные методы наблюдения, описания, классификации. Отбор эмпирического материала осуществлялся методом стратифицированной выборки. Нарративный, контекстуальный, концептуальный и фрактально-рекуррентный анализ послужили основанием для детализированного описания фактического материала.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и

зарубежных учёных в области *теории дискурса* (Seidel 1985; ван Дейк 2000; Макаров 2003; Филлипс, Йоргенсен 2004; Шейгал, 2004; Русакова, Максимов 2006; Wodak 2009; Fairclough 2010; Леонтович 2011; Русакова, Курильченко 2019);

теории нарративности (Prince 1982; Lyotard 1984; Fisher 1985; Барт 1987; Лотман 1992; Женетт 1998; Шмид 2003; Bamberg, Andrews 2004; Shenav 2006; Павлов 2019; Тюпа 2017);

политической нарратологии (Patterson, Kristen 1998; Кириллов 2007; Bamberg, Wipff 2010; Al Raffie 2012; Freeden 2013; Сулина 2014; Чернявская 2014; McLean, Syed 2015; Barthwal-Datta, Krystalli, Shepherd 2022; MacIntyre 2023);

жанра новостного нарратива (van Dijk 1988; Javier 2014; Алгави, Аль-Ханаки 2015; Добросклонская, 2016; Тюпа 2017; Сокрута 2018; Качанов 2020; Алефиренко, Абдельхамид 2022 Bateman 2021);

поликодовой коммуникации (Ейгер, Юхт 1974; Сорокин, Тарасов 1990; Сонин 2005; Holly, Werner 2009; Ворошилова 1913; Рацибурская 2013; Сергеева, Уварова 2014; Тамерьян, Качмазова 2014; Чернявская 2016; Новоспаская 2020; Lazar, Wan 2022; Радбиль, Помазов 2023);

семиотической теории коммуникации (Peirce 1932; Лотман 1992; Laclau 1993; Мамардашвили 1997; Мечковская 2004; Selg, 2016; Mingers, Willcocks 2017; Mihkelsaar, 2018; Selg, 2018; Mikhaeil, Baskerville 2019; Selg, Ventsel, 2019; Zappavigna 2019; Cosenza 2020; Lazar 2022);

теории культурных кодов (Hall 1959; Birdwhistell 1970; Топорков 1985; Johnson 1987; Бюлер 1993; Степанов 1997; Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1998; Маслова 2001; Крейдлин 2004; Гудков, Ковшова 2007; Тамерьян, Дзедаева 2011; Пашкова 2012; Рапай 2015; Савицкий 2016; Бабина 2019; Бабина, Проскурнич 2019);

теории метафоры и политической метафорологии (Fauconnier 1985; Блэк 1990; Лакофф, Джонсон 1990; Кубрякова 1994; Телия 1988; Лакофф, Джонсон 1990; Lakoff 1993; Балли 2001; Kovecses 2002; Tendahl 2009;

Чудинов, Будаев, 2020; Tameryan et.al. 2020; Чудинов, Сегал, Будаев 2024);

лингвистической теории фрактальности и рекуррентности (Рикёр 1998; Bell 1999; Irvine, Gal 2000; Титова 2005; Тюпа 2007; Галушко 2014; Петряков 2017; Сафина 2017; Тюпа 2021; Белокопытова, Чале 2020; Дзюба, Рябова 2022);

теории прецедентности (Караулов 1987; Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997; Золян 2023; Радбиль, Рацибурская 2024; Бабина, Шевырева 2024; Кремнева 2015; Тамерьян 2016; Шимко, Борискина 2020; Нахимова 2011, 2018);

теории перформативности (Остин 1962 (1999); Schechner 1977; Bach, Harnish 1979; Searle, Vanderveken 1986; Derrida 1988; Богданов 1990; Brockmeier 2002; Сухих 2004; Золян 2016; Ильин 2016; Krifka 2024).

Гипотеза. В настоящем исследовании мы исходим из предположения о том, что новостной политический нарратив эксплицируется посредством ивентоцентричной когнитивной матрицы – интегративного семиотического комплекса, обладающего перформативным эффектом. Поликодовый арсенал порождения новостного политического нарратива обеспечивает синергетическую целостность содержания и его реализации по принципу когерентности и аддитивности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Политический нарратив как социальная практика и лингвокогнитивный феномен в рамках политического дискурса транслирует идеологию, позиции, убеждения и мнения политических акторов и их объединений, обеспечивает доступность восприятия идей, охватывает широкий спектр актуальных проблем, представляет интересы различных слоев населения, обладает персуазивной силой и аргументативной обоснованностью, влияет на интерпретацию реальности.

2. Критериальными признаками, делимитирующими метанарратив, альтернативный нарратив и контрнарратив, являются следующие: *идеологическая концепция и контрконцепция; стратегическая значимость;*

социальная значимость; цель построения нарратива; тематика повествования; жанр(ы) повествования; количество повествователей; количество персонажей; количество сюжетных линий; временная соотнесенность; структура нарратива.

3. Антифейковый нарратив представляет собой нарратив, создаваемый для противодействия сфальсифицированным сообщениям, которые как подразделяются функционально и семантически на фактоид и фейк на основе параметра легитимности.

4. Феномен новостного политического нарратива трактуется в контексте когнитивной матрицы полисемантического многомерного образования – интегративного семиотического нарративного комплекса, компоненты которого ивентоцентричны, вариативны, взаимодополнительны, неиерархичны.

5. Матрица новостного политического нарратива манифестируется в виде динамической модели, ядро которой составляет информационное событие, эксплицируемое языками и знаками кодирования в соответствии с когнитивными механизмами обработки информации, транслируемое по каналам коммуникации и распространяемое путем фрактально-рекуррентного взаимодействия через массмедиа, новостные сайты и платформы, средства теле- и радиокommunikации и социальные сети. Полученное поликодовое сообщение проходит этап множественной интерпретации и декодирования в сознании целевой аудитории, запуская процесс перформатизации (интериоризированный на ментальном уровне, экстериоризированный – на социокоммуникативном).

6. Лингвокогнитивные процессы реализуются посредством разрастания семиотических полей политической наррации за счет межпрецедентных интеракций, кластерных интертекстуальных аллюзий, полидоменных моделей метафоризации и метафтонимизации, символической перформатизации.

7. Семиотическое пространство политического новостного нарратива генерируется за счет поликодовой комбинации вербальных, невербальных и

гибридных элементов, включающих политические, военные, дипломатические, технические и социальные термины, специализированные и культурные символы и изображения. Семантические поля кинестетики и соматики потенциально насыщают процессы политических сообщений символическими и образными смыслами.

Научная новизна работы обусловлена тем, что впервые осуществлено комплексное описание семиотики новостного политического нарратива как сложного когнитивно-дискурсивного явления и лингвокультурного феномена с опорой на интеграцию методологических подходов и семиотических концепций. Впервые разработаны критерии анализа разновидностей нарративного политического дискурса, описан фрактально-рекуррентный алгоритм его порождения. Введено понятие антифейкового нарратива. Структурирована матрица новостного политического нарратива как поликодового и полимодального образования. Установлена дивергентность иллюкативных целей одного и того же семиотически заряженного сообщения, адресованного разным аудиториям, и дуративная вариативность их перцепции и интерпретации. Впервые когнитивные модели и семиотико-метафорические механизмы новостного политического нарратива описаны на основе группы хремотонимов, номинирующих российское вооружение.

Теоретическая значимость работы заключается в системном анализе концептуального аппарата теории политического нарратива. Смоделирована матричная структура новостного политического нарратива. Расширены понятия фрактальности и перформативности применительно к данному жанру. Установлена сложная семиотическая организация поликодовых вербально-визуальных сообщений. Применен герменевтико-интерпретационный анализ прагмалингвистики политической коммуникации в фокусе семиотико-культурологического, семиотико-фрактального и социоконтекстуального взглядов на информационное событие. Исследование вносит вклад в дальнейшее развитие лингвосомиотики, политической лингвистики, социолингвистики, нарратологии, дискурсивной лингвистики,

теории коммуникации, медиадискурса, прагмалингвистики, а также лингвокультурологии.

Практическая значимость работы определяется прикладным характером результатов исследования и заключается в возможности их использования в вузовских курсах и семинарах по теории языка, политической дискурсологии, социалингвистики, цифровым коммуникациям, поликодовой коммуникации, языку средств массовой информации и политической коммуникации. Основные выводы исследования служат в качестве практических рекомендаций для журналистов, корреспондентов, блогеров, политтехнологов и специалистов в сфере коммуникации в аспекте реализации и анализа семиотически осложненного дискурса.

Достоверность результатов исследования обеспечивается логическим следованием концепциям, признанным в когнитивной лингвистике, прагмалингвистике, лингвокультурологии и коммуникативистике, аргументированными положениями, вынесенными на защиту, репрезентативностью и значимостью эмпирического материала, использованием лингвистических и междисциплинарных методов анализа, обобщением полученных результатов по основным аспектам исследования.

Апробация теоретических положений и результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационной работы докладывались на заседаниях кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова и на кафедре английского языка № 6 Московского государственного института международных отношений, на международных научных конференциях (Симферополь 2022; Тамбов 2023; Астрахань 2024; Москва 2024) и на межвузовской научно-практической конференции (Москва 2024). Всего по теме диссертации издано 10 работ, 6 из которых опубликованы в научных журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Объём и структура работы. Структура работы обусловлена логикой

исследования и последовательностью решения поставленных задач. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, списка источников материала, а также списка словарей и справочников (всего 282 наименования).

Глава 1. Политический нарратив: теоретико-аналитические

ПОДХОДЫ К ОПИСАНИЮ

1.1. Феномен нарративности

Интерес к концепциям нарративности когнитивно-речевой деятельности, возникший в начале XX века и получивший развитие только в семидесятых годах прошлого столетия, вырос из идей в рамках теории возникновения представлений о модулирующей человеческую природу сущности «иллюстраций»¹.

Нарративный подход постулирует повествовательную природу не только вербальных, но и невербальных объектов. Опыт в данном случае сводится к набору нарративов, история трактуется как последовательность повествований, а сюжет структурируется как последовательность событий и фактов, представленных в каждом пространстве реальности. Социальные интеракции при этом понимаются как сценарии и контексты наррации, а персональные ситуации и биографические истории занимают нишу личных рассказов [Kreisworth 1992]. Концептуальный поворот в гуманитарном знании продемонстрировал потенциал нарративного подхода в изучении природы познания, ментальности и человеческих проявлений сквозь призму повествования, в том числе в практике общественных и гуманитарных наук. Обобщая, констатируем, что в соответствии с философской концепцией Аласдера Макинтайра, нарратив – это наиболее типичная форма социальной жизни, то есть социальная жизнь – это и есть повествование [MacIntyre 1981:

¹ В соответствии с постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 N 842 (ред. от 16.10.2024) "О порядке присуждения ученых степеней" (вместе с "Положением о присуждении ученых степеней") в главе 1 использованы материалы статьи: Тамерьян, Т.Ю., Шаипова А.М. Политический нарратив: концепции, типологии и структуры // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2024. – №1. – С. 16-35.

129].

Ролан Барт определил значимость нарративов для общества следующим образом: «Нарративы мира бесчисленны. Повествование – это прежде всего потрясающее разнообразие жанров, которые сами по себе распределены между различными субстанциями, как если бы любой материал был пригоден для восприятия человеческих историй. [Нарративы] способны передаваться с помощью членораздельной речи, устные или письменные, фиксированные или движущиеся изображения, жесты и упорядоченная смесь всех этих субстанций; повествование присутствует в мифе, легенде, басне, сказке, повести, эпосе, истории, <...> новостях, разговорах. Более того, при этом бесконечном разнообразии форм повествование присутствует в каждую эпоху, в любом месте, в каждом обществе; оно начинается с самой истории человечества, и нигде нет, и не было народа без повествования. <...> Нарратив интернационален, трансисторичен, транскультурен: он просто существует, как сама жизнь» [Barthes 1977: 79].

Нарратив определяется как дискурс, который направлен на создание смысла посредством конструирования социальных реалий, особенно с точки зрения определения субъектов и установления их относительных позиций в системе значений, а также как система взаимосвязанных и последовательно организованных историй [Halverson, Corman, Goodall 2015].

Важным аспектом нарративов является то, каким образом они встроены в социокультурный контекст, на который они стремятся повлиять. С рассматриваемой точки зрения нарративы – «это публичные и личные истории, которые определяют наше поведение. Это истории, которые мы рассказываем себе, а не только те, которые мы непосредственно рассказываем другим людям о мире(ах), в котором(ых) мы живем. Из этого также следует, что нарратив как социальная теория может не прослеживаться в каком-либо конкретном фрагменте текста, но с большей вероятностью будет лежать в основе целого ряда текстов и дискурсов, не обязательно будучи полностью или явно сформулированным в каком-либо из них» [Al Raffie 2012: 16].

М. Бартвал-Датта, Р. Кристалли и Л. Шепард, исследуя влияние нарратива на мышление и его роль в решении социальных, культурных и теоретических проблем, выявили сложные взаимодействия между междисциплинарным нарративным поворотом и современным бумом инструментального повествования, фокусирующегося на разработке приемов анализа на основе текстов художественной литературы с целью научить читателя ориентироваться в современной нарративной среде, в том числе политической, изобилующей фейками и текстами манипулятивного характера [Barthwal-Datta, Krystalli, Shepherd 2022].

Уолтер Фишер разработал новое направление теории коммуникации, названное им нарративной парадигмой. В соответствии с данной концепцией нарратив является наиболее убедительной формой повествования, протекающей в форме рассказа или сообщения о событиях, при которой люди выступают в роли рассказчиков и наблюдателей за повествованиями. В конечном итоге такая стратегия оказывает большее персуазивное воздействие, чем логическая аргументация, поскольку сквозь призму нарративной парадигмы объясняется когнитивная способность восприятия сложной информации через повествование и, таким образом, устанавливается центральное место нарративного подхода в политологическом анализе [Fisher 1985].

Далее в главе рассмотрим труды зарубежных и отечественных исследователей теории нарративности, и политического нарратива в частности, концепции повествовательности и признакообразующие характеристики. Анализ сфокусирован на сравнительном описании концепций политического нарратива и разновидностей данного типа повествования, выявлении типологических характеристик и установлении особенностей повествовательной структуры.

1.2. Направления развития политического нарратива

Термин *политический нарратив* используется в гуманитарных и политических науках для описания того, как повествование может формировать факты и влиять на интерпретацию реальности [Shenhav 2006]. Политический нарратив демонстрирует, как повествование моделирует понимание реальности, формируя соответствующий взгляд на события, трансформирует восприятие фактов и вымысла, влияет на установление иерархии ценностей, вызывает патриотический пафос под воздействием персуазивного эффекта. Таким образом, политический нарратив предстает не только как теоретическая концепция, он применяется в качестве актуального инструмента, используемого в политической деятельности для формирования мировоззрения различных социальных групп.

Молли Паттерсон и Кристен Ренвик Монро рассматривают интегративную концепцию политического нарратива в трех аспектах: с одной стороны, нарратив – это метод, при помощи которого разножанровые тексты изучаются как способ производства знания, особенно в сфере политики и международных отношений; с другой – это инструмент, набор интенционально применяемых техник, предназначенных для достижения определенных политических целей; и, наконец, нарратив предстает как доказательство, информационную базу, из которой черпаются данные при классификации аргументативных доказательств политического свойства [Patterson, Monroe 1998].

Стефан Грот, излагая свой взгляд на политические нарративы, выходит за рамки их узкого понимания, описывая механизмы интерпретации политических нарративов, их модификации и способы конструирования в повседневных коммуникациях. Нарративные практики трактуются им как универсальные способы опосредования политических взглядов. А нарративность объявляется методом, аналитическим подходом к социополитическим реалиям, стратегией для достижения конкретных целей

[Groth 2019].

Сенька Анастасова вводит понятие политической нарратософии для интерпретации философии нарратива, идентификации и дисидентификации. Она обосновывает эпистемологическую необходимость введения политической нарратософии, исходя из определения данного понятия как некой мегахроники, концепции о природе и механизмах мирового сюжета, включающей всю полноту наблюдаемой синреальности. Политическая нарратософия исследует нарратив в процессе (“narrative – in – progress”) и нарративные (не)идентичности (“narrative (non) identities”).

Данное исследование представляет собой переосмысление политического и философского значения нарратива. Автор рассматривает транзитную зону между миром художественной литературы и истории, текста и контекста, идентификации и разотождествления субъектов [Anastasova 2023].

Предложенная С. Анастасовой концепция восходит главным образом к понятию нарративной идентичности Поля Рикёра [Riker 2008], философии субъективности или «герменевтики себя», заключающейся в построении идентичности, вырабатываемой при «прочтении» своей жизни в свете произведений соответствующей культурной среды, выступающих посредниками этого процесса через знаки, символы и тексты. Личность понимается как персонаж повествования, который создается динамикой повествования, а не реальностью собственного опыта. При этом повествование расценивается как деятельность, связывающая текст и жизнь [Anastasova 2023].

В статье «Политические нарративы и политическая реальность» Шауль Шенхав [Shenhav 2006], считая повествование главным инструментом для изучения человеческого мышления, характеризуя его как способ понимания мира и наделения реальности смыслом, утверждает, что политический дискурс в значительной степени опирается на нарративные модели. Хейден Уайт обосновал это человеческой склонностью полагаться на повествование

как на способ понимания мира и наделения его смыслом [White 1985].

В политическом контексте нарративность создается благодаря объединению событий в цепочки, которые согласуются с политической логикой формирования настоящего в свете уроков, извлеченных из прошлого. Это так называемая нарративная диахрония, рассказ о событиях, происходящих во времени. Время в терминах Поля Рикёра называется «человеческим временем», а не абстрактным или «часовым». Это время, значение которого определяется смыслом, придаваемым событиям в его пределах [Bruner 1991: 6].

Доминирующая роль нарративов в политическом дискурсе, по мнению Ш. Шенхава, основывается на его базовой функции выразить мировоззренческие позиции. Нарративность служит эффективным средством упрощения сложных ситуаций до цепочек событий, способствует внедрению повествовательных структур [Shenhav: 224-226]. Ш. Шенхав определяет политический нарратив «как нарратив, который возникает на формальном политическом форуме, например, в парламенте, кабинете министров, партийном собрании или политических демонстрациях, или как нарратив, созданный политиками и государственными должностными лицами в ходе выполнения своих обязанностей» [Там же: 247]; «Политические нарративы не возникают просто так; они создаются в ходе политических действий, процесса, за которым можно следить как на публичных форумах, так и на закрытых» [Там же: 248]. Автором поднимается вопрос о дефиниции политической реальности в широком смысле как политических событий, субъектов или ситуаций, которые реальны или воспринимаются как таковые, т.е. политическая реальность является неким объектом [Там же].

С другой стороны, безусловно, варианты политической реальности конструируются в зависимости от стратегических перспектив и ценностных предпосылок, поскольку конечная цель такого политического нарратива не заключается в том, чтобы обеспечить зеркальное отражение действительности, а послужить средством репрезентации определенного

аспекта политического мира, в зеркале «своей» правоты. Иными словами, степень истинности политического нарратива относительна, а такой показатель, как достоверность, отражает позицию его автора.

Джеральд Принс, рассматривая нарратив как «репрезентацию, по крайней мере, двух реальных или выдуманных событий или ситуаций во временном порядке» [Prince 1982: 4], исходит из того, что политический нарратив должен объединять людей, поэтому при его конструировании необходимо учитывать различные позиции граждан в процессе восприятия и интерпретации обсуждаемой темы, использовать, по меньшей мере, несколько источников информации, применять эффективные инструменты воздействия [Там же].

Генристический подход к определению сущности нарратива применила Е.И. Шейгал, представив его как совокупность разножанровых политических текстов, репрезентирующих то или иное политическое событие [Шейгал 2004].

Итак, подведем некоторые итоги. Политический нарратив – это история, которая формирует общественное мнение и влияет на восприятие людьми политиков и политических проблем. Политические нарративы могут быть основаны на реальных событиях или полностью сфабрикованы. В любом случае они призваны апеллировать к эмоциям и ценностям получателей информации.

1.3. Понятие метанарратива в системе гуманитарных теорий

Политические нарративы играют ключевую роль в общественных процессах. Новости, с одной стороны, как вид нарратива выстраиваются в соответствии с общими принципам организации и по традиционным структурным моделям, как и любой другой тип повествования; с другой стороны, новостные политические нарративы представляют собой особый жанр новостных сообщений; и, наконец, с третьей стороны, новостные нарративы циркулируют в обществе как фактические или фальшивые истории

(информация, дезинформация, слухи) и как социальные мифы наряду с другими формами коммуникации.

Принято считать, что история – это прошлые события в их динамическом развитии, а нарратив – это субъективное изложение события как некой цепочки включенных в него эпизодов, поскольку личностная интерпретация является категориальной основой коммуникативного события [Алефиренко, Абдельхамид 2022: 13].

Сообщение новостной информации представляет собой нарративный акт, поскольку новизна онтологически событийна, а представление чего-либо нового и составляет суть события [Javier 2014].

Рассказывание историй становится формой социальной практики, инструментом завоевания власти для политических акторов, превращается в бесконечное повествование при обсуждении политических новостей и событий. Преобладающее большинство журналистов, корреспондентов и блогеров инициируют повествование в рамках ценностной системы определенной политической партии или группы ее представителей. Таким образом, создание метанарратива, альтернативного нарратива и контрнарратива – не столько интересующее изложение события в динамике его развертывания, сколько его интерпретация в свете идеологической концепции, апологетом которой является нарратор.

Согласно замечанию Поля Рикёра, «предвосхищение этических соображений включено в саму структуру акта повествования», в силу чего политические нарративы априори оценочны [Riker 2008: 144], что и обусловило появление гипержанровых разновидностей политического нарратива. Так, базовым видом политических нарративов, играющим ключевую роль в формировании понимания реальности, становится метанарратив [Barthwal-Datta, Krystalli, Shepherd 2022].

Во второй половине XX века эпоха модерна сменяется эпохой постмодерна, что обусловлено кризисом гуманистических и просветительских теорий, а также современной культуры в целом, потребностью

переосмысления ценностей эпохи модерна – антропоцентризма, просветительства, идей прогресса, базирующихся на представлении о знании как о единственном механизме развития. Старую парадигму социального развития Жан-Франсуа Лиотар назвал периодом великих метаповествований или великих нарративов. Недоверие в отношении метаповествования как системы объяснения мира возникло в результате кризиса метасценариев, великих проектов. Идея модерна была замещена плюрализмом фрагментарного опыта, коллажным стилем мышления постмодерна, транслирующим эпизодические компоненты авторского мировосприятия в пространство общечеловеческого мировоззрения.

Метанарратив в переводе с греческого языка означает «за пределами повествования или рассказа». Термин был введен Ж.-Ф. Лиотаром (фр. *metarecit* «метарассказ») [Lyotard1984: 7-11]. Под метаповествованием Ж.-Ф. Лиотар подразумевал такие системы, скрепляющие буржуазное общество, служащие средством для его самооправдания, как религия, история, наука, искусство и т.п.

Метанарратив имеет ряд синонимичных номинаций, которые в настоящем исследовании будут использоваться как равнозначные термины, – это *мастер-нарратив, большой нарратив, господствующий нарратив, доминантный нарратив, главный нарратив, основной нарратив, глобальный нарратив, тотальный нарратив, сверхповествование, метаистория*. Метанарратив определяется как публичный миф, в котором отражены базовые социальные представления и официальные версии прошлого, настоящего или будущего. Метанарративы предоставляют человеку выработанные символы, образы, толкования и паттерны, которые в ходе социализации становятся основой его мировоззрения. Их содержание, модальность и оценочная шкала обусловлены социальным контекстом, принадлежностью к определенной социальной группе и переживаемому историческому периоду.

В философском осмыслении Ж.-Ф. Лиотар дифференцирует понятия нарратива и метанарратива как концепций, определяющих состояние модерна и постмодерна, соответственно. Для модерна характерно доминирование общезначимых, фундаментальных, больших нарративов (*grands recits*), в то время как постмодерн репрезентируется множеством частных фрагментарных нарративов (*petits recits*). В рамках данной трактовки посредством метанарративов, задающих когнитивный каркас коммуникативных практик, осуществляется тотальное воздействие на формирование мировоззрения социума, утверждение традиций и шаблонов в качестве нормы. В противовес модернизму, в плюралистическом течении постмодерна порождаются разнородные социокультурные и персональные нарративы, поддерживающие многообразие ценностей и политических взглядов. Таким образом, дискурс легитимации социокультурных доминант, своего рода властных установок, сменяется дискурсивной вариативностью.

Эпоха постмодернизма, завершившаяся в конце прошлого века, трансформировалась в так называемый *метамодерн* – культурный процесс, характеризующийся многополярностью идей и взглядов, и проявившийся в виде колебания между концепциями модерна и постмодерна. Этот термин был введен в оборот философом Робин ван ден Аккером и теоретиком медиа Тимотеусом Вермюленом, чтобы продемонстрировать, что культура находится в состоянии маятника, раскачиваясь вперед и назад между модерном и постмодерном, пытается таким образом преодолеть противоречия между ними, и именно в этих колебаниях проявляется специфика состояния данного периода, когда, с одной стороны, происходит отрицание утопических взглядов и всеобщего гуманизма, а с другой – неприятие деструкции и скепсиса, вседопустимости [van den Akker, Gibbons, Vermeulen 2017]. Закономерно, что многовариантность для обозначения разных проявлений данного процесса зафиксирована такими номинациями, как *гипермодернизм*, *постгуманизм*, *сверхмодернизм*, *трансмодернизм*,

неомодернизм, альтермодернизм, перформатизм, реновализм, космодернизм, метамодернизм, автомодернизм, диджимодернизм и т.д. [Павлов 2019].

Метамодернизм как нестабильная структура проявляется в различных моделях мышления и восприятия, что допускает множественность дискурсивных практик, жанров и стратегий для его выражения. Тем не менее, метамодернизм становится доминирующей формой сознания настоящего времени, описываемой через деконструкцию, разрушение стереотипов, концептуальный плюрализм, релятивизм, отсутствие иерархий, стилизацию, множественность интерпретаций, ироничность.

Логике метамодерна в полной мере соответствует культура социальных сетей, виртуальная, иммерсивная и интерактивная онлайн-коммуникация, в которой порождаются нон-стоп нарративы. Мультимедийные полимодальные и многоформатные средства массовой информации становятся создателями и проводниками главных повествований в политической жизни общества. Таким образом, феномен метанарратива перешагнул за рамки эпохи модерна, утвердился в системе социально-гуманитарных наук как средство и способ транслирования гуманистической идеологии и национальной ментальности.

В западной традиции главные нарративы определяются как «истории, разделяемые в культуре, которые направляют мысли, убеждения, ценности и поведение» [McLean, Syed 2015: 323]. Мастер-нарративы транслируют этические и моральные основы поведения в обществе как базис для благополучия и успеха, предоставляют шаблон того, что значит быть частью определенного культурного сообщества. Метанарративы антропоцентричны, они служат для построения и уточнения идентичностей, реконструкции личного прошлого в свете текущих проблем и будущих перспектив [Al Raffie 2012]. Если личные нарративы представляют собой структуру коммуникации, рамки, через которые люди должны взаимодействовать или на основе которых они получают опыт, то мастер-нарративы превосходят индивидуальные нарративы по значимости, поскольку они являются важнейшим элементом или причиной существования определенной социокультуры [Al Raffie 2012:

17].

Предлагая свою структуру главного нарратива, Кейт Маклин и Мойн Сайед выделили пять сущностных характеристик, дали пояснения к ним и обозначили их прагматику [McLean, Syed 2015: 326-328]:

Полезность. Посредством метанарративов предоставляется информация о том, каким человек должен быть и как должны разворачиваться его истории.

Повсеместное распространение. Метанарративы охватывают многие аспекты жизни общества, семейной жизни, социальных институтов, распространяются через средства массовой информации.

Невидимость. Метанарративы считаются естественным способом осмысления и описания реальности.

Обязательность. Предполагается, что большинство членов общества будут придерживаться паттернов метанарратива, хотя существует риск отклонения и одобрения альтернативной версии.

Жесткость. Значимость метанарративов усиливается, поскольку они сопротивляются изменениям, чтобы сохранить существующую систему, т.е. действуют как императив, предупреждающий хаотический распад общества.

1.4. Ценности как базовая составляющая метанарратива

Мастер-нарративу приписываются три ингерентные характеристики – отражение культуры, выражение позиции власти и ограничение свободы выбора действий, поскольку структура метаповествования представляет собой культурную модель, упорядочивающую и объясняющую знания и опыт сообщества. Основная концепция повествования гласит, что динамика социальной власти находится в фокусе анализа, и доминантные нарративы накладывают существенные ограничения на индивидуальное участие в развитии идентичности. Отмечается, что мастер-нарративы не являются идеологически нейтральными, они отражают представления о справедливости и приемлемости, сложившиеся в обществе, укрепляют морально-этические

нормы, установленные теми, кто обладает социальной властью. Главный нарратив фокусируется на оценочных аспектах, поддерживает социальные ориентиры. Интернализация главного нарратива способствует социализации для следующего поколения и маргинализирует тех, кто ему не следует. Идеи и принципы, заложенные в главных нарративах, интернализируются в личные нарративы, чтобы впоследствии применяться для вынесения моральных суждений о себе и других. Отсюда следует, что основные нарративы служат этическими рамками, функционирующими как готовые шаблоны убеждений, поведения, а также как схемы, репрезентирующие определенные ограничения, с помощью которых морально-этические представления принимаются как собственные, при этом допустимо стирание границ между общественной и частной сферами. Таким образом, считается, что в соответствии с принципом невидимости бессознательно усвоенные главные нарративы могут давать ложное ощущение свободы воли, поскольку они воспринимаются как собственный выбор.

Западные и российские концепции национальных метанарративов строятся на различных фундаментах. Западноевропейские идеи постмодернизма, вызванные крахом эпохи великих нарративов (Ж.-Ф. Лиотар), выражали противодействие тоталитарности сознания, мировоззрению и ценностям эпохи модерна в духе демократического культурного плюрализма.

В соответствии с российской концепцией, метанарративы транслируют закреплённые в обществе ценности, формируют мировоззрение, необходимое для поддержания идентичности, выстраивают картину справедливого мира и социального порядка.

Михаил Эпштейн рассматривает метанарратив как целостную всеобъемлющую систему мировоззрения, «которая объясняет все факты истории, все явления бытия, выстраиваясь в стройной линейной последовательности, как некий развивающийся сюжет», поскольку российский постмодернизм нацелен на преодоление авторитарности любого рода тоталитарности сознания [Эпштейн 2006: 11].

Отечественные метанарративы сформировались на основе православных ценностей, в отличие от рационального богословского подхода на Западе. Как полагает М. Эпштейн, модель русской культуры в значительной степени литературоцентрична [Там же].

В.И. Карасик в работе «Нарративное измерение лингвокультурных ценностей», описывая аксиогенные когнитивно-дискурсивные характеристики мира, заключает, что «ценности – приоритеты в понимании и преобразовании реальности – являются концентрированным выражением культуры и поэтому находят множественное и вариативное воплощение в коммуникативной практике. <...> Такие ценностно маркированные и ценностно порождающие когнитивно-дискурсивные характеристики мира выражаются в исторически сложившихся речевых практиках, назначение которых – сохранить и передать современникам и грядущим поколениям наиболее важные результаты жизненного опыта. <...> Многомерность реальности закономерно отражается в многомерности ее ценностных характеристик» [Карасик 2019: 59-60].

Аксиологическая компонента метанарратива, фиксируемая на уровне содержания, в конечном итоге формируется в результате взаимодействия авторской интерпретации общей ценностной картины мира социума и призмы идеологической позиции адресата, обусловленной фоном ценностных парадигм общества.

Национально значимые метанарративы, безусловно, включают религиозные ценности, в которых заключаются особенности менталитета русского народа и откуда берут начало организующие истоки русской идеи. Государственность осмысливается в рамках религиозных традиций, соединяющих веру и отечество. Русский философ И.А. Ильин формулирует это следующим образом: «Когда русский человек верует, то он верует не волею и умом, а огнем сердца. <...> Когда его вера желает, то она желает не власти над вселенною (под предлогом своего правоверия), а совершенного качества. В этом корень русской идеи. В этом ее творческая сила на века. <...>

Россия имеет свои духовно-исторические дары и призвана творить свою особую духовную культуру – культуру сердца, созерцания, свободы и предметности. <...> Если русская духовная культура исходит из сердца, созерцания, свободы и совести, то это отнюдь не означает, что она «отрицает» волю, мысль, форму и организацию» [Ильин 2007: 103-105].

Таким образом, приверженность идеям и ценностям, миссионерство и служение даже ценой собственной жизни составляют основу русского менталитета [Бердяев 1999: 236]. Н.А. Бердяев наиболее ярко продемонстрировал на примере русского национального метанарратива дуалистическую структуру русского сознания, сложившуюся благодаря православным канонам [Там же: 185].

На литературных текстах Ю.М. Лотман продемонстрировал бинарную структуру русской культуры, заключающуюся в построении оппозиции *света и тьмы, святости и греха, реального и потустороннего, правого и левого* и т.п. как примеры неприятия для русской ментальности переходного, нейтрального состояния, свидетельство отрицания срединного пути [Лотман 1992].

Крайности проявлений и оценок, присущие русскому сознанию, проиллюстрируем высказыванием Н.А. Бердяева о русском человеке, «который вмещает в себя несоединимое: жестокость, склонность к насилию и доброту, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически мессианскую религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» [Бердяев 1999: 8].

Из вышесказанного вытекает, что идеология постмодернизма, отразившая отказ от просветительских ценностей и антропоцентризма эпохи модерна, была воспринята неодобрительно, как противоречащая российскому духу.

Итак, идеологию определённой социально-политической группы или общества в целом составляет система идей, понятий, представлений, образующих мировоззренческую парадигму.

1.5. Структура идеологического поля метанарратива

По замечанию Тёна ван Дейка, идеология относится к фундаментальным когнитивным структурам, представляющим собой системы базовых знаний (верований), которые лежат в основе всех видов социального познания групп [ван Дейк 1998].

Политический дискурс в целом и его нарративная разновидность в частности фундируются на продвижении концепций, реализуемых идеологическими концептами. Обратимся к анализу структуры политического дискурса, чтобы выявить причины возникновения кризиса идеологий и обосновать потенциал политического нарратива как механизма обогащения политического дискурса и развития идеологий и идеологических концептов.

Метод морфологического (концептуального) анализа идеологии на микроуровнях как наиболее типичная форма политического мышления был разработан Майклом Фриденом. Он полагает, что микроперспектива позволяет избежать упрощенных обобщений при анализе массивных нарративов [Freeden 2013: 117]. Исследователь исходит из того, что политический концепт «связывает вместе центральные процессы, блага и сведения, обычно используемые в политических практиках, или же создает интерпретацию кластеров политических феноменов через акт их называния» [Freeden 2005: 2].

Концепты внутри идеологического поля рассматриваются в синхронной и диахронной перспективах с позиции многообразия вариантов взаимодействия в рамках предложенной структуры. Ядерные концепты занимают ключевую позицию в идеологической структуре как смыслообразующие компоненты [Freeden 2013: 125]. Автор исходит из того, что идеология не опирается только

на один концепт, а формируется кластерами переструктурирующихся ядерных концептов [Freeden 2005: 2].

Смежные концепты уточняют и конкретизируют ядерные, они «не проявляются и не появляются во всех примерах рассматриваемой идеологии, но они важны в оформлении ядра и закреплении его – хотя бы на время – в более определенном и дезактивированном семантическом поле» [Там же: 125]. Периферийные концепты могут приближаться по содержанию к смежным концептам, включенным в идеологию, или же быть полностью маргинальными [Там же: 126].

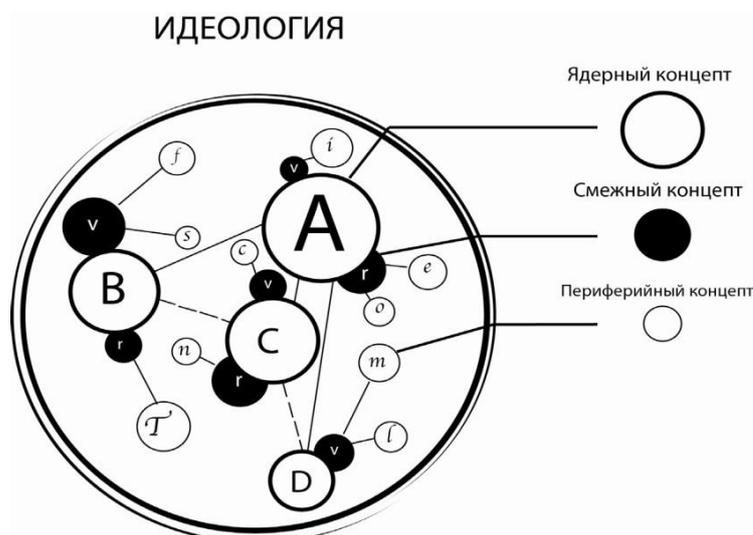

Рис. 1. Структура идеологии.

М. Фриден также выделяет так называемые суперконцепты (или макроконцепты) как комплексные образования и менее сложные концепты, составляющие суперконцепт. Кроме того, он вводит зонтичный термин *семья идеологий*, под которым понимается совокупность идеологий, находящихся под зонтом одних и тех же концептов, т.е. это означает, что разные идеологические концепции могут быть представлены идентичными ядерными концептами, которые, тем не менее, имеют отличающееся смысловое наполнение и экспликации, поскольку их позиции и значимость в идеологических полях дифференсны.

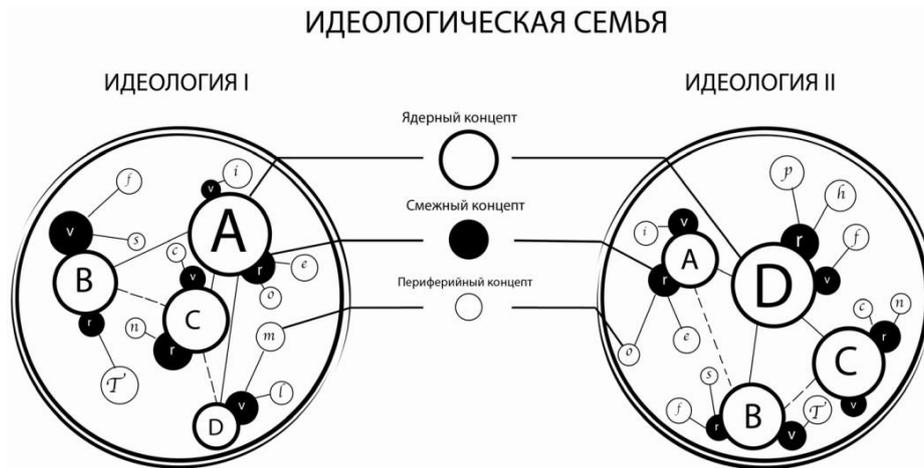

Рис. 2. Семья идеологий.

Концептуальные кластерные образования и фасетные соединения концептов образуют гибкую подвижную структуру внутри идеологических полей макро- и микроуровней (первая ось морфологической структуры), а значимый статус концептов (ядерные, смежные, периферические) составляют вторую ось сложной организации [Freeden 2013: 117; 125].

Морфологический подход М. Фридена демонстрирует сложную стереоскопическую модель комбинаций идеологических концепций и представляющих их политических концептов, варьирующихся в синхронии и диахронии в зависимости от доминирующих смыслов макроидеи, создающей ориентиры политического курса определённой социумной группы.

Значимость научного вклада морфологического анализа М. Фридена для обоснования появления различных типов и подвидов политических нарративов как результатов комбинаций и взаимодействий концептов в рамках одной или различных идеологических семей и их идеологических оппозиций рассматривается и нашем исследовании впервые.

Мы не разделяем позицию ряда авторов, относящих контрнарративы к альтернативам повествования, возникающим в результате мотивированной основными нарративами оппозиции [Bamberg, Andrews 2004]. Метанарратив,

отражающий доминирующую, мейнстримную точку зрения, находится в динамическом взаимодействии с альтернативными повествованиями и контрнарративами.

1.6. Контрнарратив в теории политического дискурса

Контрнарративы осмысляются только по отношению к какому-то другому позиционному нарративу, они представляют собой категорию, находящуюся в отношениях контрадикторности с другой категорией. Однако дефиниция оппозитивного нарратива относительна и проблематична, так как констатация типа нарратива возможна только через установление признаков главного нарратива и его четкой идеологической оценки в рамках дихотомии «доминантный нарратив – контрнарратив».

Анализ структурно-содержательных признаков различных видов политических нарративов проистекает из концепций, проиллюстрированных в теории нарратива и привлекающих в сферу квалификационных дефиниций такие философско-правовые понятия, как «версия правды», реализуемая в альтернативных нарративах и контрнарративах, и так называемая недостоверная информация, для выявления степени легитимности которых в соответствии со статьями уголовного кодекса, например, такими, как дискредитация или экстремизм, требуется специальная экспертиза [Bamberg, Wipff 2010].

С позиций когнитивной лингвистики политический нарратив можно представить как конструкт, квалификация которого как доминирующего, альтернативного или оппозитивного концептуально и интертекстуально обусловлена конкретным пространством и временем, этнической идентификацией, политическим, социальным и культурным контекстом, типом интеракций его продуцентов с действующей властью. Подчеркнём, что аксиогенность нарратива обусловлена позицией акторов по отношению к политическим процессам, полиинтерпретируема и открыта для рефлексии.

Майкл Бамберг и Закари Випфф утверждают, что контрнарративы отличаются уникальной иллокутивной потенцией. Такой подход к контрнарративной практике открывает перспективы стратегического использования данного жанра дискурса для конструирования повествования, способствующего социальным изменениям и противостоянию доминирующим нарративам [Там же].

В политической коммуникации XXI века выделяют несколько мейнстримовых технологий – *жесткая сила, мягкая сила, умная сила и острая сила*. Кроме того, в сфере западной политической деятельности жесткой силой (*hard power*) называют материальную силу или ресурс, такой как экономика, наука и техника, вооружение, который обуславливает все остальные силы.

Собственно контрнарративы, обладающие жесткой силой (*hard power*), можно разделить на: 1) оппозитивные идеологические повествования стратегического характера и 2) антирадикальные повествования тактического характера. При этом контрнарративы первого типа направлены на деструкцию нарративов стратегического характера и их деконструкцию в одной из трактовок Ж. Дерриды, т.е. они направлены не столько на критический анализ ценностных бинарных оппозиций, сколько на их разрушение. Кроме того, практика деконструкции ориентирована на разлом логоцентризма, иерархии и системы, на демистификацию довлеющих фантомов сознания, таких как власть, нормы, социальные институты, расцениваемых как онтологические сущности постструктуралистского мышления [Derrida 2016]. Вторая группа нарративов призвана противодействовать экстремистской идеологии и пропаганде и делегитимизировать ее.

Мы исходим из того, что альтернативные повествования позволяют говорить и слышать «другую правду», видеть одни и те же факты, события под разными углами зрения, отличающимися от позиций, представленных в основном нарративе. Посредством альтернативных повествований предоставляется возможность осмысления и дополнения концепций главного нарратива при сохранении понятийного ядра. Альтернативные повествования

оказывают эффект мягкой силой (*soft power*). Другими словами, в альтернативных нарративах проблемы решаются ненасильственно, переосмысливаются аргументы противников, но при этом авторы придерживаются ценностей и убеждений своей социальной группы.

Если рассматривать эту проблему шире, то под мягкой силой понимается влияние идеологии, культуры, ценностей, общественных систем, моделей поведения, образа жизни и т.д. В сфере новостных медиа мягкая сила как эффективный инструмент направлена на улучшение коммуникативных технологий для расширения собственного влияния и осуществления основной функции направляющей силы – формирование общественного мнения.

Третья группа стратегий получила название умной силы (*smart power*). Умная сила определяется как эффективное сочетание жесткой и мягкой силы, как общая стратегия, сочетающая в себе оба приема (терминология введена в оборот Джозефом С. Найем-младшим) [Nye 2009].

Использовать умную силу при построении нарратива – это значит осуществлять интеллектуальную аналитику, применять гибкие методы и современные приемы коммуникации, демонстрировать национально значимую лидерскую позицию. В данном случае умная сила синонимична дипломатическому ходу, искусно апеллирующему к эмоциям и ценностям для обеспечения «правильного» воздействия, осуществление которого, в первую очередь, требует оценки психологического состояния аудитории и общественных настроений, затем выбора актуальной темы и выполнения контекстуальной аналитики, помогающей определиться с типом целевой аудитории, языковыми регистрами, наиболее яркими публичными примерами, и, наконец, выстроить ориентир на мультимодальные формы и современные возможности СМИ.

Кристофер Уокер, Шанти Калатхил и Джессика Людвиг ввели новое понятие – острая сила (*sharp power*) для обозначения авторитарной мягкой силы, которая «пробивает, проникает или перфорирует политическую и информационную среду» посредством применения цензуры,

манипулирования и отвлечения внимания [Walker, Kalathil, Ludwig 2020: 127]. Поскольку данный термин был создан для того, чтобы защитить концепцию мягкой силы от неправильного использования, Джозеф С. Най сформулировал их основное отличие, заключающееся в том, что резкая сила, использующая информацию во враждебных целях, по сути, является разновидностью жесткой силы. Если под умной силой подразумевается правильное дозирование жесткой силы принуждения и мягкой силы убеждения и привлечения, то резкая сила, трактуется автором как результат неудачного сочетания этих двух составляющих. Более того, термин острая сила было предложено использовать в качестве аналога информационной войны [Nye 2018].

Генри Так и Таня Сильверман в «Справочнике по контрпропаганде» дают определение контрнарратива, приводят его виды, стратегии, тактики, методы, а также делают особый акцент на создании новых авторитетных стратегических нарративов путем апелляции, в первую очередь, к общим ценностям, открытости, свободе и демократии [Tuck, Silverman 2016: 9-10]. Они называют контрнарратив «месседжем, который предлагает позитивную альтернативу экстремистской пропаганде или, напротив, направлен на деконструкцию или делегитимизацию экстремистских нарративов», демонстрирует общие ценности, такие, как непредубежденность, свобода и демократия, свидетельствует о том, «как экстремистская деятельность негативно влияет на людей», и обличает «лицемерие экстремистских групп» [Там же: 4].

С другой стороны, контрнарратив создается не только в качестве разоблачительного контента, он может быть направлен на создание позитивного нарратива в отношении народов и стран для эффективной оппозиции экстремизму, которая может способствовать продвижению демократических ценностей, поскольку, как показали исследования, именно идентичность занимает центральное место в процессе радикализации [Houriya, Stuart 2009: 122]. С учетом секьюритизации, являющейся

центральным мотивом антитеррористических нарративов, они способны осуществлять перформативный эффект, очерчивая для аудитории основные векторы приоритизации: военный, политический, экономической, общественной и экологической безопасности².

Исследование контрнарратива как эмоционально насыщенного, драматически острого повествования, предлагающего противоположный взгляд на экстремистскую пропаганду, дестабилизирующую основное, доминантное повествование, позволяет закрепить за контрнарративом роль одного из значимых инструментов противодействия терроризму и экстремизму.

1.7. Архитектоника нарратива

Структурные подходы к повествованию опираются на теоретико-методологические подходы, в которых учитывается вертикальная уровневая структура нарративных актов или же их горизонтальная последовательность, иллюкативные и онтологические границы, линейная и нелинейная структура нарратива [Genette 1988: 227-231].

В композиции нарратива обязательными являются две позиции, называемые нарративными границами – позиции начала и конца повествования, поскольку нарратив – это акт рассказывания, представляющий собой последовательность событий, в которой описываются действия персонажей в определенный промежуток времени. События в нарративе связаны кульминацией и другими элементами сюжетной структуры. Нарратив – это способ рассказывать истории, представляющий последовательность событий, разворачивающихся действий персонажей в рамках сюжета и фабулы.

² International approaches to preventing and countering violent extremism. – Текст: электронный. – URL: <https://www.unodc.org/e4j/zh/terrorism/module-2/key-issues/international-approaches-to-pve-and-cve.html> (дата обращения: 20.02.2022).

Нарратив строится по принципам градуальной трихотомии «непрерывность – встраивание – прерывание» повествования. Непрерывный нарратив выстраивается линейно от лица нарратора путем непрерывного рассказывания одной истории, его границы четко очерчены. Как замечает В.Б. Шкловский, такой нарратив строится по принципу нанизывания мотивов [Шкловский 1982].

Архитектоника нарратива может быть сформирована повествованием, встроенным в другое повествование в рамках уже начатой истории. Его называют рамочным нарративом, фреймингом или обрамлением (В. Б. Шкловский), когда один сюжет обрамляется другим сюжетом. Таким образом, встроенным повествованием называется отдельная история внутри уже начатого повествования. Встроенный нарратив не прерывает историю, в которую он встраивается, разворачивается внутри первоначального сюжета, в его рамках.

Прерывающийся нарратив – это повествование, прерывающее предыдущее повествование. Прерывающиеся нарративы включаются тогда, когда одно повествование прерывается идущим вслед за ним повествованием, то есть история замещается другой историей. В прерывающемся нарративе одна история останавливается и начинается другая, то есть начинается другой нарратив, который находится снаружи рассказанной до этого истории [Eisenberg, Finlayson 2019].

Временные сдвиги в повествовании получили название «флешбэк» и «флешфорвард». Флешбэк восходит к английскому *flashback*, обозначающему короткую часть фильма, рассказа или пьесы, которая возвращает к событиям прошлого, а также внезапное, ясное воспоминание о прошлом событии или времени³. Флешбэк – это элемент встроенного или прерывающегося повествования, приём, применяемый для ознакомления с предыдущей

³ Flashback. Cambridge Dictionary. – Текст : электронный. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/flashback>(дата обращения: 20.02.2022).

историей, или ретроспективная вставка в текущее повествование, реминисценция. В свою очередь, флешфорвард – смещение событий по временной оси в будущее, от английского *flashforward*, – это сдвиг повествования из текущей точки истории в сторону ожидаемых, прогнозируемых или предполагаемых событий в будущем⁴. Переход от повествования в прошлом или будущем во временную точку настоящего получил название «флешреальности» (англ. *flash reality* «вспышка реальности»).

Жерар Женетт систематизировал существовавшие представления о встроенных компонентах нарратива и иерархически структурировал их, выделив нарративные уровни и нарративные (речевые) акты [Genette 1988: 84].

Нарративные уровни возникают, когда персонаж истории начинает рассказывать свою собственную историю, что создает дополнительный повествовательный акт внутри базового повествовательного акта, поэтому смена говорящего – основная и обязательная характеристика нарративных уровней, на которых для каждого повествовательного акта на определенном уровне происходит смена говорящего. Встраивание нарративов составляет нарративные акты, поскольку повествовательные акты не могут рассматриваться вместе с вертикальными уровнями (с учетом горизонтальных вкраплений), повествовательные уровни и повествовательные акты четко дифференцируются.

Мари-Лора Райан описывает смену говорящих как иллокутивную границу, которая пересекается, когда новый голос или персонаж рассказывает историю на втором уровне в рамках прямого речевого акта. Кроме того, высказывания персонажей, представленных рассказчиком в форме косвенной речи или репрезентации их мыслей, рассматриваются как фактически пересеченная иллокутивная граница [Ryan 1991: 176]. Более того, появление новых уровней происходит не только при смене говорящих, но и при введении новой системы реальности, определяемой как пересечение онтологической

⁴ Flashforward. Educalingo. – Текст : электронный. – URL: <https://educalingo.com/ru/dic-en/flashforward> (дата обращения: 25.02.2022).

границы.

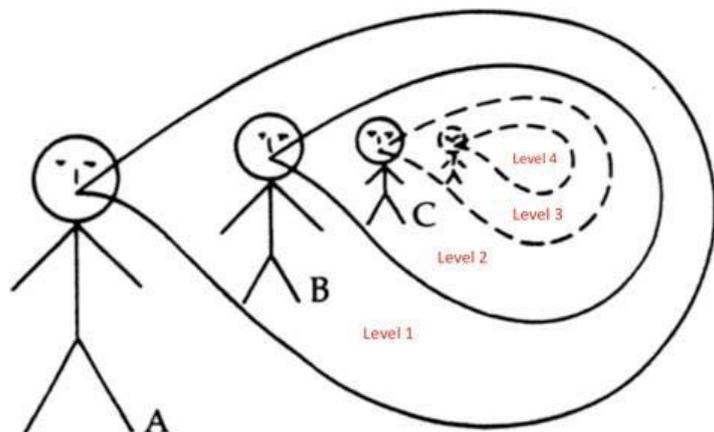

Рис. 3. Структура нарративных уровней в сочетании с речевыми актами по теории Ж. Женетта.

1.8. Структура политического нарратива

Политический нарратив как социальная практика в рамках политического дискурса призван транслировать идеологию, позиции, убеждения и мнения политических акторов и их объединений, настроенных на борьбу за власть. В связи с этим конструирование политического нарратива должно удовлетворять ряду универсальных требований, обеспечивающих доступность восприятия идей, охватывать широкий спектр актуальных проблем, представлять интересы различных слоев населения, обладать персуазивной силой, нести эмоциональный заряд и иметь аргументативную обоснованность.

Построение политического нарратива служит мощным инструментом передачи сложных идей и концепций, формирующих общественное мнение, с одной стороны, и способом манипулирования массами, с другой. Нарратив может выстраиваться в положительном или отрицательном ключе в зависимости от цели поддержать или опорочить субъекта, принять или раскритиковать ситуацию, разрешить или усугубить проблему, находящиеся в

фокусе рассмотрения. Но при выборе любой модальности политический нарратив должен быть информативным и убедительным.

Эффективность политического повествования обеспечивается при условии его актуальности, наличии аргументативной базы (даже в случае ложного нарратива), ориентации на ценности, получении эмоционального резонанса и конкретного решения проблемы.

В постправдивом мире, как утверждает Филипп Серджент, обращение к эмоциям людей оказывается гораздо более эффективным, чем рациональные аргументы, поэтому самым мощным инструментом для манипулирования эмоциями является захватывающее повествование [Seargeant 2020].

Термин *постправда* или *постфакт*, введенный Стивом Тесичем в 1992 году, описывает состояние, когда различие правдивой и ложной информации, а также добросовестности и нечестности стало наиважнейшей проблемой общественной жизни.

Данная позиция обусловила новые подходы к освещению событий в СМИ, при которых намеренно игнорируется фактчекинг, когда объективные факты становятся менее значимыми, чем манипулирование эмоциями и убеждениями, чтобы любыми средствами оказать влияние на общественное мнение.

Инструменты и приемы политического повествования, риторические и коммуникативные стратегии используются не только для создания убеждающего повествования в процессе формирования персонального понимания политического мира, но также выходят за пределы нарративной цели, концентрируясь на оспаривании нарративов с противоположными концепциями, или же на противодействии негативным повествованиям оппонентов.

Итак, для успешной реализации политического повествования требуется четко сформулировать целевое послание, определить целевую аудиторию, выбрать узнаваемых персонажей и убедительный сюжет.

Ключевыми элементами политического нарратива служат следующие

элементы:

Главный герой (персонаж). Персонажем политического повествования может быть как отдельный политический актор, так и политическое образование, этнос или нация.

Сюжет. Сюжет политического повествования, рассказываемый от лица главного героя или автора нарратива, включает серию событий, составляющих определенную историю, в соответствии со структурными закономерностями нарративной теории. Сюжет должен продемонстрировать преимущества и сильные стороны персонажей, мотивировать и вдохновлять.

Сеттинг. Время, место и обстоятельства, в которых развиваются события и разворачивается история.

Конфликт. В политическом повествовании столкновение или же конкуренция имеет место между двумя кандидатами, социальными группами или между правительством и гражданами страны.

Разрешение. В политическом повествовании развязкой может быть победа или поражение одной из сторон, не исключен также компромисс в качестве разрешения конфликта. При этом обязательным признаком нарративности является допустимость продолжения истории [Kiran 2020].

Одним из самых мощных инструментов манипулятивной политической стратегии современности является тактика «спиннинг» или «раскручивание», при которой умышленно преувеличиваются позитивные аспекты сообщаемой информации и скрываются («закапываются») негативные, – таким способом внедряется дезинформация. Стандартным приемом спиннинга является переворачивание полюсов оценки путем предвзятой интерпретации затронутой проблемы с использованием различного рода полимодальных аттракторов и свитчеров для переключения внимания общественности.

В качестве наиболее популярного приема данной политтехнологии применяется «черри пикинг» (англ. *cherry picking*) – практика выборочного представления фактов и результатов для ложного обоснования желаемого результата, последствием которого является искажение реальной картины

происходящего. В арсенале манипулятивных инструментов распространена тактика «неотрицание отрицания» (англ. *non-denial denial*) или отрицание без отрицания – это прием, при котором негация какого-либо утверждения или обвинения на первый взгляд представляется недвусмысленной, но при детальном анализе становится очевидной допустимость иной интерпретации сообщения. Сообщение строится таким образом, что предполагается его декодирование в буквальном смысле при поверхностном восприятии и вскрывание пластов подтекста при глубинном анализе.

Появление приема «газлайтинг» связано с названием пьесы «Газовый свет» Патрика Гамильтона (англ. *Gas Light*). Он обусловлен психологическими техниками манипулирования, в результате которых человек не доверяет собственному восприятию реальности, формируя сниженный порог критической оценки тезисов продуцента нарратива. Газлайтинг положен в основу создания фальшивых новостей и троллинга.

Коммуникативная техника «мертвого кота» или «дохлой кошки» (англ. *dead cat strategy*) активно применяется в процессе спиннинга в качестве вводной отвлекающей темы, часто шокирующей, для переключения внимания от проблем. Привычка «хоронить плохие новости» (англ. *bury the bad news*) – это один из самых старых медийных трюков, позволяющих не доводить до общественности важную информацию негативного плана и тем самым оставаться в желательной парадигме повествования.

1.9. Разновидности политических нарративов и их признаковые

характеристики

Концепция метанарративов обеспечивает платформу для понимания природы взаимодействия человека и общества. Центральной категорией политической нарратологии является идеологическая перспектива нарратора. Отталкиваясь от трактовки Ж. Женеттом фокализации как модуса наррации

или способа регулирования нарративной информации [Женетт 1998: 204], мы устанавливаем типологию политических нарративов – мастер-нарративов, альтернативных нарративов и контрнарративов – на основе идеологической фокализации.

Мастер-нарративы являются частью идеологической структуры общества, они разделяемы большинством его членов, составляют культурный каркас социума. Динамика связей метанарративов с альтернативными и личными нарративами формирует базу для понимания и развития идентичности в контексте определенной культуры.

Индивидуальные нарративы переплетаются с главными и потенциально возможными альтернативными нарративами. Это значит, что персональное повествование каждого человека в значительной степени зависит от его встраивания в основное повествование и его отношения к альтернативному повествованию.

Попытки классификации типов повествования не всегда обусловлены единым критериальным отбором. Так, Кейт Маклин и Моин Сайед при разработке подходов к анализу метанарративов выделили три типа главных нарративов с учетом разнородных признаков: биографические, последовательные и эпизодические [McLean, Syed 2015].

Во внутренней и международной политической коммуникации сложилась концепция ведущего метанарратива как стратегического. С помощью стратегического нарратива, служащего призмой для понимания значений событий, происходящих в собственной стране и мире, конструируется общее видение прошлого, настоящего и будущего. Стратегический нарратив служит платформой для разработки концепции позитивного позиционирования как одного из центральных компонентов коммуникационной стратегии. Посредством стратегического нарратива формируется и транслируется по разным каналам коммуникации ведущий дискурс национальной политики [O'Loughlin, Miskimmon, Roselle 2017].

Концептуально-стратегический нарратив как когнитивный продукт

является некой структурой, конденсирующей общезначимые смыслы, предназначенные для достижения желаемых перлокутивных целей. Стратегический сторителлинг апеллирует не столько к логическим аргументам, сколько к архетипам культуры, мифам и историческим аналогиям, ценностям и эмоциям.

Стратегические нарративы являются инструментом, с помощью которого государство формулирует и реализует свою идеологию, а политические элиты и их лидеры взаимодействуют с широкими массами населения. В нарративе идентичности раскрывается содержание политического курса посредством методов и технологий, используемых для достижения целей [Roselle 2007]. Таким образом, стратегический нарратив можно определить как совокупность взаимосвязанных историй, формирующих определенные образы прошлого, настоящего и будущего, предназначенные для управления восприятием целевых аудиторий.

Построение альтернативного нарратива, как нами отмечалось выше, призвано разработать альтернативу доминирующему нарративу. Политические силы и субъекты, вовлеченные в альтернативные нарративы, эксплицируют частичное неприятие основного нарратива, которое, с одной стороны, может позиционироваться как легитимизация альтернативной идеологической концепции, а с другой – как желание усилить, улучшить и укрепить основной нарратив. Из этого следует, что в нашей трактовке альтернативное повествование понимается как не критично девиантное, дополняющее, уточняющее или редактирующее в собственной версии главный нарратив, в противовес контрнарративу, который рассматривается как оппозитивный главному, противодействующий ему, несущий «иную истину», другие социальные установки и идеалы.

Одной из составляющих контрнарративного сторителлинга является встроенная дезинформация, фальсификация, или же просто вымысел в виде фейка (от англ. *fake* «подделка, подлог, обман»). В качестве маргинальных версий фейка выступают ложное мнение, заблуждение, не являющееся

умышленным деянием, ненамеренное искажение информации вследствие неосведомленности. Фейк представляет собой целенаправленно распространяемую ложную информацию, продвигаемую в различных жанрах и модусах коммуникации.

Фейки не составляют исключительно тактику политического нарратива: ложная информация используется во многих типах дискурсов, циркулирующих в медиапространстве. Фейковые истории, мимикрируя под правдивые сообщения, как правило, от анонимного источника, вносят деструктивный компонент в контекст текущих политических событий.

Понятие фактоида было введено Норманом Мейлером для обозначения маскируемого вымысла, имитации правдоподобной информации в СМИ. В.И. Карасик предлагает «выделить два функциональных типа тиражирования фактоидов в медийном дискурсе, отражающих базовые ориентиры коллективистского либо индивидуалистского социума. Первый тип базируется на противопоставлении своих и чужих, второй тип – на антитезе возбуждения интереса и страха» [Карасик 2017: 21]. При этом автор функционально и содержательно объединяет понятия фактоида и фейка как имитацию фактов в массмедиа.

Для анализа политической коммуникации обязательным является выделение такого параметра, как легитимность, влекущего уголовную ответственность за распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложных сведений. Борьба с фейковыми нарративами осуществляется в правовом поле, поскольку диапазон влияния и распространения сфабрикованных новостей простирается от личной сферы до государственных и международных масштабов. Одним из способов избежать ответственности за предоставление недостоверной информации служит прием неопределенной эвиденциальности, формой которой является отсутствие ссылки на источник фактуальной информации или введение ложной пресуппозиции путем отсылки к непроверенным источникам.

Фейки как продукты медиа и сетевого пространств приобретают

различные форматы и множатся. В визуально-аудиальном поле распространяется «дипфейк» (англ. *deepfake* «видео- или звукозапись, заменяющая лицо или голос другого человека таким образом, что он кажется реальным: фальшивые видео с помощью замены лица одного человека на лицо другого с помощью специальных программ»⁵) как методика синтеза и наложения изображения и звука при помощи нейросети для создания фальшивого контента. В этом же ряду находится и фото-фейк как разновидность фотомонтажа и мокьюментари (англ. *mockumentary* «фильм или телепередача, снятая в стиле документального фильма, чтобы придуманные события выглядели реальными»⁶) – псевдодокументальный фильм, имитирующий документальную съемку.

Среди провокационных приёмов, применяемых в цифровой среде для привлечения внимания и дезориентации аудитории, – сенсационного заголовка, необычной картинки или мема – техника кликбейта (англ. *clickbait* «Интернет-рассказ, заголовок, изображение и т.д., призванный привлечь внимание и побудить людей перейти по ссылке»⁷).

Как видно из приведенных выше приемов формирования и распространения фейков, главной особенностью фальсифицированных новостей является среда их бытования – медийное сетевое пространство. Именно в медиа-вебсреде создаются и функционируют все типы фейковых новостей: от рекламы продукта до политической провокации.

Противодействие сфальсифицированным сообщениям в информационном пространстве осуществляется посредством антифейковых нарративов, предостерегающих о последствиях принятия за правду такого

⁵ Deepfake. Cambridge Dictionary. Текст : электронный. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/deepfake> (дата обращения: 20.02.2022).

⁶ Mockumentary. Cambridge Dictionary. – Текст : электронный. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/mockumentary> (дата обращения: 25.02.2022).

⁷ Clickbait. Cambridge Dictionary. – Текст : электронный. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/clickbait> (дата обращения: 25.02.2022).

рода продуктов и обучающих их распознавать в соответствии с предлагаемыми инструкциями. Угроза, исходящая от фейковых нарративов, обусловлена, прежде всего, особенностями психики субъекта восприятия: ложь быстрее распространяется и внушает больше доверия.

Для комплексного описания метанарративов, альтернативных и контрнарративов и их подвидов нами разработан ряд взаимообусловленных критериев, объединяющих признаки, комбинации которых могут быть применены при нарративном анализе политического дискурса:

По *идеологической концепции и контрконцепции*: демократический нарратив / антидемократический нарратив, либеральный нарратив / антилиберальный нарратив, коммунистический нарратив / антикоммунистический нарратив, националистический нарратив / контрнационалистический нарратив, гуманистический нарратив / антигуманистический нарратив, утопический нарратив / антиутопический нарратив и т.д.

По *стратегической значимости*: патриотический нарратив / антипатриотический нарратив, космополитический нарратив / антинациональный нарратив, милитаристский нарратив / пацифистский нарратив, террористический нарратив / контртеррористический нарратив, нарратив единства / нарратив дезинтеграции, нарратив идентичности /нарратив различности и т.д.

По *социальной значимости*: личный нарратив (биография, мемуары, свидетельства) / метанарратив, одиночный личный нарратив / встроенный в метаповествование личный нарратив.

По *цели построения нарратива*: пропагандистский нарратив / контрпропагандистский нарратив, агитационный нарратив / контрагитационный нарратив, нарратив обвинения / нарратив опровержения, нарратив обвинения / нарратив контробвинения, нарратив позитивного позиционирования / нарратив дискредитации и т.п.

По *тематике повествования*: однотемный нарратив / политемный

нарратив.

По жанру(ам) повествования, составляющих его историй, встроенных и обрамляющих его частей: институциональные жанровые формы (указы, законы, партийные программы, политические заявления, официальные встречи, международные переговоры, обращения к народу, политическая аналитика и др.) / междискурсивные жанровые формы (новости, конференция, интервью, слоган, плакат, реклама).

По количеству повествователей: монологический / полинарративный (автор, автор + персонаж, автор + персонажи).

По количеству персонажей: монопереоноажный / полиперсонаажный.

По количеству сюжетных линий: моносюжетный / полисюжетный.

По временной соотнесенности с прошлым, настоящим или будущим: флешбэк, флешреалити и флешфорвард.

По структуре нарратива: линейная / нелинейная (разорванная или фреймированная композиция).

Выводы к главе 1

I. При рассмотрении феномена нарративности мы исходили из трактовки нарратива как вида дискурса, репрезентирующего систему взаимосвязанных и последовательно организованных историй, направленных на создание смысла посредством конструирования социальных реалий и установления позиций субъектов в системе значений в рамках сюжета и фабулы.

II. Нарративный подход используется в гуманитарных и политических науках в качестве актуального инструмента, применяемого в политической деятельности для формирования мировоззрения у различных социальных групп, для описания того, как повествование может создавать факты и влиять на интерпретацию реальности, трансформировать восприятие событий и вымысла, обуславливать установление иерархии ценностей, вызывать

патриотический пафос под воздействием персуазивного эффекта.

Наррация представлена в исследовании в узком и широком смыслах:

1. Политические нарративы применяются как метод, теоретико-аналитический подход к описанию социально-политических реалий и коммуникативных явлений.

2. Политические нарративы применяются как стратегия, то есть намеренное использование повествования для достижения конкретных целей.

3. Политические нарративы применяются как формат повествования, потенциально способствующий оказанию влияния на ментальность людей и формирование общественного мнения.

4. Нарративы в политических и повседневных контекстах служат универсальными способами передачи политических взглядов, предлагают различные точки зрения на практику и онтологию (метанарративы, альтернативные нарративы и контрнарративы).

III. Установлена роль метанарратива эпохи постпостмодерна в системе социально-гуманитарных наук как средства транслирования гуманистической идеологии, национальной ментальности и формирования идентичности. Метанарратив рассматривается как публичный миф, отражающий базовые социальные представления и официальные версии прошлого, настоящего или будущего, символы, образы, значения и паттерны, которые в ходе социализации становятся мировоззренческой скрепой общества.

Полезность, повсеместное распространение, невидимость, обязательность, жесткость отмечены в качестве сущностных характеристик метанарратива.

IV. Метанарратив фокусируется на оценочных аспектах, поддерживает социальные ориентиры, отражает представления о справедливости и приемлемости, сложившиеся в обществе, укрепляет морально-этические нормы, установленные теми, кто обладает социальной властью. Метанарратив транслирует этические рамки, которые функционируют как готовые шаблоны убеждений, поведения, и как схемы. Его ингерентными свойствами являются:

отражение культуры, выражение позиции власти и рестриктирование выбора действий.

Архитектоника идеологического поля метанарратива формируется кластерами ядерных, смежных и периферийных концептов гибкой структуры, обладающих синхронной и диахронной перспективой.

V. Нами рассмотрены теории контрнарратива и выдвинуты авторские критериальные признаки дифференциации контрнарратива и альтернативного нарратива.

Контрнарратив представляет собой конструкт, аксиогенность которого полиинтерпретируема и обусловлена позицией акторов по отношению к политическим процессам. Нарратив квалифицируется как доминирующий, альтернативный или оппозитивный в зависимости от политического, социального и культурного контекстов, хронотопа, этнической индентификации, типа интеракции его продуцентов с действующей властью, а также концептуально и интертекстуально обусловлена.

Контрнарративы как жесткая сила (*hard power*) подразделяются на 1) оппозитивные идеологические повествования стратегического характера и 2) антирадикальные повествования тактического характера. Контрнарративы первого типа направлены на деструкцию нарративов стратегического характера, на разрушение иерархии и системы, на демистификацию власти, отрицание социальных нормы и социальных институтов. Вторая группа нарративов призвана противодействовать экстремистской идеологии и пропаганде и делегитимизировать ее.

Альтернативные повествования, оказывая эффект мягкой силой (*soft power*), позволяют говорить и слышать «другую правду», видеть одни и те же факты, события под разными углами зрения, переосмысливают концепции главного нарратива, видоизменяя и дополняя, но не отвергая их.

VI. Архитектоника нарратива опирается на две позиции, называемые нарративными границами – позиции начала и конца повествования. События в нарративе связаны кульминацией и другими элементами сюжетной

структуры. Общая структура нарратива рассматривается с учетом нарративных уровней и нарративных актов. Нарратив строится по принципам градуальной трихотомии «непрерывность – встраивание – прерывание» повествования.

Композиционно нарратив может формироваться повествованием, встроенным в другое повествование в рамках уже начатой истории (рамочный нарратив, фрейминг или обрамление). Встроенный нарратив не прерывает историю, в которую он встраивается, он разворачивается внутри первоначального сюжета. Прерывающийся нарратив – это повествование, прерывающее предыдущее повествование.

Для построения политического нарратива отправным моментом служит выбор модальности повествования, обусловленной аксиогенной направленностью сообщения – поддержать или опорочить субъекта, принять или раскритиковать ситуацию, разрешить или усугубить проблему, находящуюся фокусе интересов. Успешная реализация политического повествования требует четкой сформулировки целевого послания, определения целевой аудитории, выбора узнаваемых персонажей и убедительного сюжета, определения коммуникативных стратегий.

Ключевыми составляющими политического нарратива служат такие элементы, как *главный герой (персонаж), сюжет, сеттинг, конфликт, разрешение*.

Выявлены наиболее эффективные инструменты актуальной манипулятивной стратегии политического сторителлинга – тактика *спиннинга* или раскручивания позитивных аспектов сообщения, и техники применения спина – *черри пикинг, газлайтинг, неотрицание отрицания, фейкинг* и другие.

Выявлено, что фейки не составляют эксклюзивную тактику политического нарратива: ложная информация используется во многих типах дискурсов, циркулирующих в медиапространстве и сети Интернета. Фейковые истории, мимикрируя под правдивые сообщения, как правило, от анонимного источника, вносят деструктивный компонент в контекст текущих

политических событий.

Введено понятие *антифейкового нарратива* как нарратива, создаваемого для противодействия сфальсифицированным сообщениям, предупреждающего от последствий доверия непроверенным повествованиям, а также дающего инструкции по распознаванию фейковых медийных продуктов, тиражируемых в информационном пространстве.

Предложен критерий легитимности как основной параметр для дифференциации функционально и содержательно схожих явлений фактоида и фейка.

VII. Критериальными признаками, делимитирующими метанарратив, альтернативный нарратив и контрнарратив являются следующие: *идеологическая концепция и контрконцепция; стратегическая значимость; социальная значимость; цель построения нарратива; тематика повествования; жанр(ы) повествования; количество повествователей; количество персонажей; количество сюжетных линий; временная соотнесенность; структура нарратива.*

Глава 2. Матрица семиозиса в новостном политическом нарративе

2.1. Семиотико-метафорическое пространство новостного политического нарратива

Глубинные смыслы и ценностные ориентиры политического нарратива выявляются посредством интерпретации влияния результатов вербальных или невербальных действий в процессе декодирования семиотической связи между означаемым и означающим⁸. В соответствии с концепцией Никласа Лумана об обществе как о смыслозамещающей системе, «смысл присутствует как референция к миру во всем, что актуализируется» [Luhmann 2012: 21].

Основной целью политической семиотики является осмысление и описание политической действительности с помощью семиотических инструментов, установление на основе дискурсивных практик спектра разнокодовых значений, включая традиционные образы и символы кодирования, а также раскрытие логики присвоения данных значений в свете социополитических задач.

Понятие матрицы в когнитивных исследованиях имеет многопрофильное применение: оно используется для обозначения такого сложно структурированного интегративного знания в системе языка, как многозначность [Арнольд 1966], конфигурация когнитивных оснований значения языковой единицы [Langacker 1987: 147], полидоменная и поливербальная репрезентация [Croft, Cruse 2004: 25] и контекстуальная полифункциональность [Болдырев, Куликов 2006; Болдырев 2007, 2009; Болдырев, Алпатов 2008].

⁸ В соответствии с постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 N 842 (ред. от 16.10.2024) "О порядке присуждения ученых степеней" (вместе с "Положением о присуждении ученых степеней") в главе 2 в подразделах 2.1. использованы материалы статьи: Тамерьян Т. Ю., Шаипова, А.М. Семиотика мануальной соматики в политическом новостном нарративе // Политическая лингвистика. – 2024. – № 5 (107). – С. 166–177.

Феномен новостного политического нарратива представляется в виде когнитивной матрицы полисемантического многомерного образования – интегративного семиотического нарративного комплекса. Компоненты когнитивной матрицы нарратива ивентоцентричны, вариативны, взаимодополнительны, неиерархичны. Через их посредство открывается доступ к полимодальным источникам содержания когнитивной матрицы, и конструируются ментальные пространства новостного нарратива.

Новостной политический нарратив разворачивается на основе значимого события, информационного повода, порождая в соответствии с коммуникативными интенциями различные смыслы, транслируемые посредством текста, который «является социологическим событием, семиотическим перекрестком, где происходит обмен конституирующими социальную систему значениями» [Halliday 1978: 141]. Событие выступает референтным основанием нарратива, источником рекурсии и порождения дополнительного смысла, который эксплицируется в каждом массмедийном сообщении [Шмид 2003: 15]. По мнению В.И. Тюпы, категория новости составляет одну из нарративных ценностей высказывания [Тюпа 2017: 40].

Изучение феномена поликодовости в лингвистике находится в центре внимания исследователей со второй половины XX века. Согласно Умберто Эко, «код – это структура, представленная в виде модели, выступающая как основополагающее правило при формировании ряда конкретных сообщений, которые именно благодаря этому и обретают способность быть сообщаемыми. Все коды могут быть сопоставлены между собой на базе общего кода, более простого и всеобъемлющего» [Эко 1998: 67]. При этом вариабельность кодов и синергетический эффект от их взаимодействия в концепции отправителя и получателя многообразны, то есть У. Эко полагает, что поликодовое сообщение может быть «некой пустой формой, которой могут быть приписаны самые разнообразные значения» [Эко 1998: 73].

Под поликодовым или мультикодовым текстом в настоящем исследовании понимается текст, в котором сообщение закодировано

семиотически разнородными средствами – вербальными, графическими, изобразительными, колористическими, символическими, кинестетическими и прочими кодами. Поликодовость трактуется как интегративность языков кодирования, а полимодальность как множественность каналов по которым передается сообщение (вербальный, визуальный, аудиальный), формируя целостную коммуникативную структуру.

В рамках исследования значима специфика как массмедийных кодов, так и особенности регуляторных кодов профессиональной политической коммуникации. Конвенциональность кодов может быть ограничена культурным своеобразием, профессиональной средой, сферой коммуникативного взаимодействия, возрастными и гендерными особенностями, вместе с тем проявляются и универсальные характеристики кодирования. С семиотической точки зрения как сборка кодовых реализаций в сообщение, так и их декодирование имеют многофакторную обусловленность, поэтому диапазон их распаковки варьируется от поверхностного прочтения до многовариантной интерпретации.

Мультимедийный формат подачи новостных сообщений обусловлен динамикой информационных потоков, актуальное прохождение которых обеспечивается электронными средствами массовой информации. Наиболее значимые для социума сведения манифестируются посредством синкретических кодов. «Нарратив позволяет производить декодирование скрытых дискурсивных смыслов, поскольку нарратив порождается дискурсом» [Алефиренко, Абдельхамид 2022: 14]. В свою очередь результат интерпретации поликодовых текстов потребителем информации определяется наличием или отсутствием в его лингвокогнитивной картине мира соответствующего сценария, социологической установки или коммуникативного кода.

Политическая семиотика ориентирована на использование культурной семиотики в анализе политического дискурса/нарратива [Mihkelsaar 2018]. Синтез культурной семиотики и дискурс-анализа направлен на создание

междисциплинарного подхода, который является основой для интерпретации моделей более сложного уровня [Selg 2016; Selg 2018].

В настоящем исследовании мы опираемся на культурно-семиотический подход, расширяющий возможности интерпретаций как Михаила Лотмана, так и Эрнесто Лакло. Внутренняя неоднородность объектов описания допускает множественность интерпретаций в процессе анализа взаимодействия разнотипных кодов и пересекающихся структур. Данный подход демонстрирует диапазон резервов значений, порождающих новые смыслы в рамках определенных концепций, культур и онтологий. Межтеоретический принцип, соединяющий онтологический и методологический уровни, эксплицирует онтологические основания культурной семиотики, значительно повышая герменевтический потенциал дискурса власти [Selg, Ventsel 2019]. Таким образом, культурно-семиотический подход позволяет осуществить множественность интерпретаций осложненного семиотического комплекса с учетом неоднородности внутренней и внешней структуры каждого объекта анализа с точки зрения разных ментальностей.

В фокусе нашего внимания находится синестезия вербальных и невербальных коммуникативных единиц и комплексов метафорико-семиотического характера, функционирующих в коммуникативных актах.

Обладая семантической многоплановостью, метафора концентрирует квинтэссенцию смыслового содержания новостного политического нарратива, формируя у читательской аудитории зашифрованное адресантом представление о политическом персонаже, ситуации или событии в стране и мире, апеллируя к социокультурной и политической пресуппозиции и национальной специфике менталитета.

Исходя из широкого толкования феномена политического дискурса, анализируемые в настоящем исследовании концептуально-семиотические модели представляются нами как эффективные инструменты для реализации прагматики сообщения в политической сфере коммуникации на

разножанровом материале рассмотренных в Главе 1 типов политического нарратива – мастер-нарратива, альтернативного нарратива и контр-нарратива, функционирующих в российских новостных СМИ.

Метафора представляет собой один из видов семиологических знаков, обладающих поликодовым потенциалом, в силу чего метафорические образы эксплуатируют вербальную и невербальную символику семиотического континуума. Ключевыми структурными и семантическими функциями метафоры в композиции новостных текстов являются: репрезентирование концепта политического дискурса; конденсирование смысла в качестве заголовка, разворачивание аргументативного и доказательного и аффективно-аттрактивного блока сообщения; обобщение смысла статьи в форме заключения; экспликация и/или импликация оценки; формирование эмоционального тона излагаемого материала и отсылка к культурной или универсальной символике.

Активное развитие метафорологии началось во второй половине XX века. За этот период сложилось несколько теорий метафоры, послуживших основаниями для создания ряда классификации по различным параметрам.

Принято выделять несколько типов метафор. Рассмотрим некоторые из них. Экспрессивная метафора, используемая как стилистический прием, отражает очевидные признаки, придавая новый смысл известной языковой единице. Художественная метафора представляет собой уникальное явление, служащее для создания авторской эстетики текста [Вардзелашвили 2002: 66-77]. Когнитивная метафора – это ментальная операция, способ и механизм познания и структурирования знаний и опыта об одной концептуальной области через другую.

В.Н. Телия выявляет индикативные, предикативные, оценочные, эмотивные и образные метафоры, образование которых в ряде случаев приводит к формированию нового значения: в индикативной метафоре сходство преобладает над тождеством; в экспрессивно-образной метафоре сходству придается вид тождества; в экспрессивно-оценочной метафоре,

применяемой для экспликации непредметных сущностей посредством предметных посредством подмены реального сходства сходством с идеальными понятиями [Телия 1988: 193].

Сходные взгляды на природу метафоры высказывал Ш. Балли: «Мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомить с ними других < . >. Метафора – это <...> сравнение, в котором разум под влиянием тенденции сближать абстрактное понятие и конкретный предмет сочетает их в одном слове» [Балли 2001: 89-90].

Н.Д. Арутюнова кроме языковой номинативной метафоры, при которой одно значение заменяется другим, и образной метафоры, создаваемой в результате перехода идентифицирующего значения в предикатное, предлагает выделить генерализующую метафору как стимул для развития логической полисемии, при которой стираются границы лексических значений и логического порядка [Арутюнова 1998: 366]. Таким образом, были предложены такие аспекты для анализа метафоры как сугубо языкового феномена, как номинативный и предметный, формально логический, психологический и лингвистический [Скляревская 1993: 5].

В меньшей степени распространено определение метафоры в рамках гносеологии Х. Ортега-и-Гассет: «Метафора нужна нам не только для того, чтобы, благодаря полученному наименованию, сделать нашу мысль доступной для других людей; она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли. Метафора не только средство выражения, метафора еще и важное орудие мышления» [Ортега-и-Гассет 1990: 71].

М. Блэк предложил рассматривать метафору с позиций интеракционистского подхода, введя параметр интеракционистских характеристик. Его суть заключается в том, что к главному субъекту прилагается система ассоциируемых импликаций, связанных со вспомогательным субъектом [Блэк 1990: 168].

Образы, возникающие в сознании, обусловлены психофизическими

особенностями перцепции, памятью, воображением, интуицией, опытом человека. «Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека» [Лакофф, Джонсон 1990: 390].

Дж. Лакофф и М. Джонсон в рамках когнитивной семантики предложили теорию концептуальных метафор, которые могут образовывать согласованные концептуальные структуры более глобального уровня – когнитивные модели.

С позиции когнитивной лингвистики метафора определяется как одна из основных ментальных операций, как способ познания, репрезентации и хранения знаний в рамках восприятия, категоризации, классификации, оценки и осмысления мира [Кубрякова 1994: 34].

Метафоризация служит механизмом перекатегоризации известных феноменов и существующих представлений, способом преобразования когнитивной и языковой картин мира. В метафорической репрезентации пространств содержится колоссальный креативный, людический и эстетический потенциалы. Дж. Лакофф полагает, что «локус метафоры находится вовсе не в языке, а в том, как мы концептуализируем одну ментальную область в терминах другой области. Словом «метафора» стали обозначаться отображения ментальных областей в пределах нашей концептуальной системы» [Lakoff 1993: 203].

Золтан Кёвечеш классифицирует концептуальные метафоры с позиции конвенциональности по функциям, способу образования и степени генерализации на структурные, онтологические и ориентационные метафоры [Kovecses 2002: 29].

Метафоризация в когнитивном освещении представляет собой взаимодействие двух структур знаний – когнитивной структуры источника (*source domain*) и когнитивной структуры цели (*target domain*). Данный процесс предполагает, что отдельные области цели структурируются по образцу домена источника, то есть осуществляется метафорическая проекция

или когнитивное отображение. Когниции в области источника организованы в виде схем-образов – когнитивных структур, постоянно воспроизводящихся в процессе взаимодействия человека с действительностью. Таким образом, новое знание возникает благодаря профилированию некоторых свойств источника, не представленных или скрытых в области цели. Концептуальные метафоры способны образовывать концептуальные структуры более сложного уровня – когнитивные модели, близкие по признаковой структуре к гештальтам.

Таким образом, сущность когнитивной метафоры предполагает категориальный сдвиг и заключается в постижении явлений одного рода через явления другого рода. При метафорическом переносе одна концептуальная область отображается на другую (или, другими словами, проецируется в нее). При этом, как правило, отображается не отдельно стоящий концепт, а целая концептуальная структура – фрейм или сценарий. Этот процесс западные исследователи обозначают термином *маппинг* (англ. *mapping* «картографирование; отображение»). Ж. Фоконье, в частности, определяет его как отношение между двумя наборами концептуальных компонентов, по которому каждому компоненту из первого набора назначается соответствие из второго [Fauconnier 1985: xxv]. Проекция одной концептуальной структуры в другой, определяемая как отношение между двумя наборами концептуальных компонентов, когда компоненты из первого набора находят соответствия во втором, получила название *mapping* [Там же] Такого рода проекции являются фиксированной частью концептуальных соответствий, которые существуют между составляющими элементами исходного и целевого доменов [Kovecses 2002: 12].

М. Тернер и Ж. Фоконье предложили расширить двухдоменную модель метафоры (*two-domain model*) несколькими пространствами (*manyspace model*), вводя в исследование когнитивной метафоры два промежуточных пространства (*middle spaces*). Таким образом, в отличие от двух концептуальных доменов в теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, предлагается

рассматривать четыре ментальных пространства: два исходных пространства (*input spaces*), общее пространство (*generic space*) и смешанное пространство (*blended space*) или бленд (*blend*). Количество исходных пространств, соотносимых со сферой-источником и сферой-целью, не ограничено. Общее пространство содержит роли, фреймы и схемы, присущие каждому исходному пространству, т.е. выступает основанием метафоризации на самом абстрактном уровне. Бленд составляет новую концептуальную структуру, обладающую собственными потенциями к развитию [Чудинов, Будаев 2007: 54-56].

В нашем исследовании мы исходим их концепции полидоменной метафорической структуры как алгоритма для бесконечного порождения смыслов.

2.2. Культурные и политические изоляты как маркёры

смыслопорождения в новостном политическом нарративе

Языковые и неязыковые семиотические системы тесно взаимосвязаны: действия познающего субъекта и наблюдение за поведением других индивидов конструируют его действительность посредством проявлений человеческого опыта, фиксируемого в коллективном и персональном сознаниях как когнитивная картина мира⁹. Ментальные репрезентации,

⁹ В соответствии с постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 N 842 (ред. от 16.10.2024) "О порядке присуждения ученых степеней" (вместе с "Положением о присуждении ученых степеней") в главе 2 в разделах 2.1, 2.2. и 2.4. использованы переработанные и дополненные материалы статей: Тамерьян, Т.Ю., Шаипова А.М. Семиотика мануальной соматики в политическом новостном нарративе // Политическая лингвистика. – 2024. – № 5 (107). – С. 166–177; Тамерьян, Т.Ю., Шаипова, А.М. Культурно- семиотический подход к анализу новостного политического нарратива / Т. Ю. Тамерьян, А. М. Шаипова – Текст: непосредственный // Вестник МГЛУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2024. – № 11(892). – С. 105–111; Шаипова А.М. Педулярные соматизмы в новостном политическом нарративе // Казанская наука. – 2024. – № 9. – С. 341-344; Шаипова А.М. Мультиmodalная метафора в политическом нарративе // Материалы V международной научной конференции «Язык. Культура. Перевод. Коммуникация», 2024 г. – Выпуск 5. – С. 217-220; Шаипова А.М. Невербальный код политической коммуникации // Слово о Слове:

возникающие на основе телесно-двигательного, корпорального опыта, составляют содержание когнитивных структур, служащих моделями, фреймами или сценариями, отображающими и фиксирующими индивидуальный и социальный опыт, на основе которых информация кодируется, декодируется и интерпретируется в эмоционально-оценочном спектре [Fauconnier 1985; Fauconnier, Turner 1998; Damasio 1999; Lakoff, Johnson 1999].

Нарратив позволяет производить декодирование скрытых дискурсивных смыслов, поскольку нарратив порождается дискурсом» [Алефиренко, Абдельхамид 2022: 14]. Классический феноменологический подход отражает модель конструирования реальности на основе телесно-двигательного опыта, перцептивных эталонов и структур упорядочивания знания, поскольку телесность рассматривается как неотъемлемая составляющая культуры. Отталкиваясь от идей М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского о знаке и символе и теории знаковых систем А.А. Реформатского, Г.Е. Крейдлин исследовал кинестические стороны коммуникации, интегрируя вербальные и невербальные единицы семиотики общения [Крейдлин 2004].

Основатель науки о жестах, жестовых процессах и системах американский антрополог Рэй Бердвистел создал «лексику и грамматику» невербального поведения человека исходя из концепции о том, что каждое движение имеет определенное значение. Иерархическая система начинается с *кина* – наименьшей вычленимой единицы движения. Однотипные повторяющиеся движения (*кины*) составляют *кинему* – минимальную смыслоразличительную единицу движения. Кинемы как разнофункциональные элементы составляют *кинеморфы*. Набор взаимозаменяемых кинеморфов образует *кинеморфему* [Birdwhistell 1970].

Сообщение, составленное на кинестетическом коде, считывается визуально и декодируется посредством конвенционально закрепленных

смыслов, выполняющих регулятивную функцию в коммуникации на социально-статусном, возрастном, гендерном, профессиональном, этикетном, межличностном, национальном и прочих уровнях. Релевантные, дистингируемые смыслы в определенной культуре, транслируемые посредством кинестетических репрезентаций – поз и жестов – были названы Эдвардом Холлом *изолятами* [Hall 1959:52].

В теоретических построениях Э.Холла изоляты культурно обусловлены. Предпринимаемый нами подход допускает расширение концептуальной области понятия изолятов исходя из их прагматических характеристик – функционирования в качестве ритуально и ситуативно конвенционализированных актов политической коммуникации, маркирующих следование протокольным прескрипциям или их нарушение [Бредихин, Бургакова 2020]. Данное положение демонстрируется на примерах межкультурных сопоставлений и интерпретаций в настоящем параграфе. Таким образом, в фокусе описания находятся культурные и политические изоляты как когерентные явления.

Синтагматика кинестетических сообщений строится по социокультурно установленным паттернам и дивергентным моделям, содержание которых проявляется через нарушение традиционных норм, или является нейтральным. Кинестетическое сообщение может быть репрезентировано кинеморфом, и составлять семантически неразложимую ситуацию, или иметь более сложный синтаксис, членимый на синтагмы по дифференциальным признакам.

Когнитивные механизмы современной поликодовой коммуникации действуют в условиях новой парадигмы, постулирующей синестезию кодов, модусов и каналов общения. Возникновение кодов культуры связывается с древнейшими архетипическими представлениями о мире, роли, месте и пребывании человека в нем. Синкретичность кодов, формирующихся на вербальной, предметной и акциональной платформах, зародившаяся еще в фольклорных обрядовых традициях, наиболее ярко манифестирована в когнитивно-коммуникативной канве цифровых массмедиа и социальных

сетей.

Для дешифрования вербально-кинестетической репрезентации соматизмов в новостном политическом нарративе привлекаются социокультурный и политический контексты с позиций когнитивного подхода, в рамках которого языковые факты и явления изучаются сквозь призму познавательной деятельности, поскольку за «процессами языкового воспроизводства и креативности стоят общие когнитивные процессы деривационного характера, имеющие аналоги в культуре в целом, т.е. процессы концептуальной деривации, связанные с развитием концептуальной системы и формированием общей и языковой картин мира» [Болдырев 2021: 57-58].

В телесном коде заключен значительный герменевтический потенциал для исследования языка, культуры, и общества. Континуальный семиозис языкового знака в рамках антропного соматического кода демонстрирует динамику восприятия образа мира. Рефлексия над телом, его частями, формами, строением, признаками и функциями служат источником концептуализации мира и структурирования пространства в целом [Гудков, Ковшова 2007: 72]. Мотивационно-архаическое мировидение организовано топически, что обусловлено первичностью визуального восприятия.

Ноги представляют собой хтонический символ, обозначающий связь человека с землей и природной энергией в космогонических мифах о сотворении мира. В архаичном членении мира *ноги* репрезентируют низ, нижние миры: «универсальная черта кинесики ног – их отношение к хтоническим силам земного плодородия. Направленность ног к земле и связь с растительным миром сообщают им хтонический характер» [Чеснов 1989: 125]. Функционально нижние конечности, ноги, символизируют опору, устойчивость и движение. Прагматика фразеологизмов с компонентом-соматизмом *нога* в политической коммуникации сводится к реинтерпретации, деактуализации компонентов фразеологизма, усложнению способа указания на денотат [Баранов 2008: 30-31].

Специфичные позы акционального кода могут быть аксиологически маркированы или передавать нейтральную семантику в каждой культуре.

Привычка *класть ноги на стол* у американцев связывается с временами Дикого Запада, когда ковбоям, находившимся длительное время в седле, необходимо было разгрузить ноги, нормализовать кровоток в нижних конечностях и, кроме того, это была возможность продемонстрировать свой статус, похвалиться дорогими сапогами. Нравы Нового Света, не отличавшегося излишним морализаторством, сохранились в конвенциональном поведении американцев.

Стол в русской традиции связан с обрядовыми действиями, он имеет сакральный статус. В народной традиции *стол* уподоблялся церковному престолу, считался ладонью Божьей, дающей хлеб, рукой Богоматери, протянутой людям. *Стол* – это центр семейного очага, ритуализированное место семейной трапезы, сопровождающееся молитвой и благодарностью Господу. Поведение за столом и отношение к столу связано с приметам и поверьями. Поверхность стола и пространство под ним трактуются в соответствии с архаичной картиной миропонимания и оценочной квалификацией мироустройства как верх–низ, святость – греховность [Топорков 1985: 223–242]. Таким образом, в русской православной традиции и народных верованиях стол олицетворяет сакральный центр жилища, составную часть модели мира.

Итогом вышеприведенного культурологического экскурса становится вывод о том, что *стол* для русских представляет объект и локус, концентрирующий духовные ценности, отраженные в ритуальном поведении. Поэтому закономерно появление поговорки *посади свинью за стол, она и ноги на стол*, которая передает нарушение норм поведения, низкий уровень воспитания, и кроме того, проявляет человека, злоупотребляющего чужим благорасположением, поступающего исключительно в корыстных целях [БФСМ. https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/8221/посади].

Близкая к русской семиотика стола имеет место и в восточной традиции,

где поза с ногами на столе представляет собой невербальное утверждение статусного превосходства, неуважения, принижения [ЭС 2007: 319].

В то время как в американском кинестетическом коде *ноги на столе* не являются прагматически маркированной фраземой, поскольку стол в американской ментальности и системе ценностей не рассматривается в качестве особого локуса. Такого рода культурные расхождение при несоблюдении дипломатического этикета американской стороной неоднократно вызывали международные скандалы. Так, например, экс-президент США Барак Обама был неоднократно запечатлён с запрокинутыми на стол ногами:

Так, Израиль был оскорблен фотографией Барака Обамы, сделанной во время его телефонного разговора с премьером Израиля Биньямином Нетаньяху. На ней президент США, чей госдепартамент не стесняется хамить другим странам мира, снят в откровенно барской и оскорбительной позе – он откинулся на кресле и положил ноги на стол, показывая Израилю свои подошвы (<https://newsland.com/post/2925451-obama-oskorbil-polmira-nogami-na-stole>).

Официальный представитель Министерства иностранных дел полагает, что в США вернулись к ковбойским временам периода дикого Запада на международной арене, где соблюдение правил, традиций, формальностей, отношение к символике отошли на второй план. Отношение Америки к существующим нормам и традициям характеризуется фразой *take it or leave it* «соглашайся или уходи» (CD. <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/take-it-or-leave-it>), т.е. они требуют принимать их такими, какие они есть. Они действуют по принципу удобства и функциональности для себя.

Отметим, что в английской идиоматике спортивного происхождения более высокое положение ног по отношению к земной поверхности, т.е. по оси «низ–верх», означает преимущество над кем-либо: *to get a leg up, to have a leg up on someone* (CD. <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/have-a->

leg-up-on):

В последнее время США отказались от традиционной формы поведения во внешней политике и положили ноги на мировой стол (https://www.gazeta.ru/politics/2019/12/31_a_12893198.shtml).

Согласно древнейшему метонимическому отождествлению части и целого *ноги* как неотделимые части тела замещают человека во всей совокупности его проявлений.

В метафорико-семиотическом комплексе *США положили ноги на мировой стол* на основе двойного олицетворения как частного случая метафоры по модели «*ноги* → *человек* → *США*» формируется субъект действия, предикатом которого является фразема *положили ноги на стол*. Метафорическое высказывание разнополярной оценочности, конкретизирующее образное определение *мировой*, демонстрирует масштаб и сферу оскорбляющего другие страны поведения, ассоциирующегося для США с авторитарностью, которую они проявляют, приписав себе роль абсолютного мирового лидера.

В ходе Петербургского международного экономического форума Президент РФ ответил на вопрос модератора дискуссии Мегин Келли об отношениях России и США следующим образом:

С ногами забрались в нашу внутреннюю политику, на голову нам сели, ноги свесили и жвачку жуют. Развлекаются просто. Это систематическое на протяжении многих лет грубое, абсолютно бесцеремонное, в том числе на уровне дипломатических ведомств, вмешательство прямо в нашу внутреннюю политику (<https://www.business-gazeta.ru/news/347709>).

Кинестетическая семиотика фраземы *забраться с ногами куда-либо* основана на акциональной метафоре, которая означает нарушение этикета в общественном месте.

Образный оборот *сесть на голову* отсылает нас также к культурному коду соматизма *голова*, связанному с управлением телом, деятельностью,

поступками индивида. Туловище обычно ассоциируется с телесной, физической составляющей, а голова – с разумом, сознанием. Главенствующее социокультурное понимание головы в структуре соматического целого – это господство, преобладание, могущество, сила и власть, при этом не имеет значения на чьей стороне – добра или зла. В.А. Маслова фиксирует современные представления о голове, которые указывают на оперативные способности человека перерабатывать информацию [Маслова 2001: 132].

Таким образом, *сесть на голову* означает «взять верх над кем-либо, подчинить своей воле» [МФС. <https://classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ-term-73273.htm>]. *Сесть на голову* и при этом *свесить ноги*, устроившись поудобнее, выражает намерение США заставить мировое сообщество, в том числе и Россию, осуществлять американские политические цели и удовлетворять амбициям глобального доминирования. Завершает сложный образ жевание жвачки как символ хамства, бескультурного поведения и вседозволенности.

Как известно, США стали супердержавой благодаря успехам в экономике, которые во многом были обеспечены изобретателями-эмигрантами или американскими предпринимателям, освоившим чужие изобретения. Так произошло и с жевательной резинкой.

Кусочки смолы хвойных деревьев или пчелиного воска с древних времен служили доступными средствами для очищения полости рта. Племена майя использовали в качестве жевательной резинки застывший сок гевеи – чикл, он дает натуральную камедь, известную как каучук. Из привезенного на продажу в Америку из Мексики сока каучуконосного растения и была «сварена» жвачка, запатентованная в 1869 году. Из многих видов жевательной резинки можно выдувать пузыри, что и дало название *bubble gum*, то есть «резина для пузырей» (СД. <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/bubble-gum>).

Если для детей и подростков употребление жевательной резинки является развлечением, обозначает принадлежность к определенной группе,

то жевание резинки в общественных местах взрослыми расценивается как невоспитанность. Вместе с тем социальные психологи отмечают, что употребление жвачки, безусловно, являющееся проявлением дурного тона, с одной стороны, расслабляет и успокаивает при состоянии повышенной нервозности, с другой, – приводит к проявлению агрессии.

Трансформация первой части поговорки посади свинью за стол... и имплицитное опускание второй в материале «Посади Обаму за стол...» о его посещении Индии подтверждает оценку его психологического состояния и поведения:

*Ну да, как тут не нервничать, когда перед тобой идет техника твоего «злейшего партнера»? Хотя журналисты считают, что Обама является просто «неадекватным эгоистом»: ведь он **обжевывается жвачкой** на всех важнейших мероприятиях!* (<https://big-rostov.ru/posadi-obamu-za-stol/>).

У присутствовавшего в Индии на параде ко Дню Республики экс-президента США Барака Обама сдали нервы, когда ему пришлось наблюдать за масштабом российской техники, стоящей на вооружении в Дели. Парад начался с пролёта российских военных самолётов и появления жёлто-зелёных танков Т-90 российского производства. Кроме того, Обама напомнили, что индийский авианосец «Викрамадитья» является бывшим российским крейсером «Адмирал Горшков».

Редактор газеты “Hindustan Times” Сонал Калра предположила, что у Обамы сдали нервы, поскольку жевание жвачки, как полагают психологи, снижает уровень тревожности:

Во время прямой трансляции мероприятия было показано, как глава Соединенных Штатов жевал жвачку даже во время исполнения гимна Индии. Может быть, он нервничает? (<https://matveychev-oleg.livejournal.com/1906046.html>).

Вечно жующий жвачку во время международных встреч и переговоров, даже во время саммита G20, экс-президент США снова оскорбил не только тысячи индийцев, но и возмутил своих соотечественников:

<...> ранее мир шокировало поведение президента США на торжествах в честь 70-летия высадки союзников в Нормандии – оно оскорбило французов, британцев и россиян. Тогда всю церемонию Барак Обама ... **жевал жвачку**. Откровенно так, даже показно – двигая челюстями и только что не выдувая пузыри (<https://newsland.com/post/2925451-obama-oskorbil-polmira-nogami-na-stole>).

Джо Байден уверен, что американский политический истеблишмент должен сам решать с кем сотрудничать – «идти и жевать жвачку» – *walk and chew gum* «делать несколько дел одновременно» (FD. <https://idioms.thefreedictionary.com/walk+and+chew+gum>), устанавливая свои правила как во внутренней, так и во внешней политике:

*«Есть такое старое выражение **идти и жевать жвачку одновременно**. Так вот, есть сферы, в которых работать вместе в наших общих интересах. Вот почему я согласился продлить договор СНВ-3. <...> продление договора было, в первую очередь, в интересах человечества»* – сказал Джо Байден в интервью ABC News (<https://www.vesti.ru/article/2538041>).

Продолжая тему американского мирового правительства, генерал-лейтенант в отставке Кит Келлогг-столь во время слушаний в Сенате по Вооруженным силам Конгресса США заявил следующее:

*Лучше, если мы будем бороться с заокеанским противником без привлечения американских войск. Украине, кстати, наши солдаты не нужны. Все, с кем я говорил, уверены, что страна способна выиграть эту борьбу самостоятельно при наличии всех необходимых инструментов. Американскому народу нужно сказать: вы же **можете одновременно идти по улице и жевать жвачку**, вот и нам необходимо решать проблемы как внутри Соединенных Штатов, так и за рубежом* (<https://www.vesti.ru/article/3234102>).

А вот по отношению к простому американскому народу выражение *chew gum* «жевать жвачку» приобретает иной смысл: ни о чем не задумываться,

жить асоциальной жизнью, поскольку мнение народа американская аристократия не учитывает вовсе:

Дело низших слоев — жевать жвачку и голосовать на выборах за кого скажут (<https://iz.ru/news/607404>).

В проанализированных выше примерах проявляется не только нейтральная для американцев бихейвиористская семантика жевания жвачки, но и ее позитивная ассоциация с какими-либо занятиями (*walk and chew gum*).

Итак, комплексные семиотические образы политиков в новостном политическом нарративе создаются акциональными, контекстуально и культурно маркированными метафорами в составе фразем с компонентами телесно-двигательного кода, репрезентируя широкий диапазон дистинктивных поведенческих знаков, закрепленных фреймами и сценариями этносоциумов.

2.3. Перформатив и перформанс в семиотике новостного политического нарратива

Вторая половина XX века ознаменовалась не только нарративным, но и перформативным поворотом в культуре и обществе, которое характеризуется как «общество спектакля» [Debord, 2001] или «перформативное общество» [Kershaw, 2003]. Именно общество спектакля в конце двадцатого века сформировало глобальный социум, живущий в соответствии с шекспировской метафорой «весь мир — театр / сцена, а люди в нем актеры», когда перформативная парадигма рассматривается как инструментальный арсенал медиативизации.

Поскольку перформативный поворот в культуре и обществе обусловлен стремительным ростом средств массовой информации, цифровых информационных и коммуникационных технологий, Чил Каттенбельт

предложил путь к пониманию интермедиальности как модусу перформативности, выполняющему посредническую функцию представления реальности [Kattenbelt, 2010]. Иными словами, по выражению Жана Бодрийяра, медиатизированное общество находится в гиперреальности симуляций и симулякров, сама реальность вытесняется представлениями о ней, приписываемыми объектам, которые приобретают большую реальность, чем сами объекты [Бодрийяр, 2015: 170].

Понятие перформативности восходит к теории речевых актов Дж. Остина, рассматривавшего речевую деятельность на трех уровнях, реализуемых взаимосвязанными актами, – локутивным, иллокутивным и перлокутивным. В рамках данной теории перформативными являются высказывания-действия, которые в отличие от констативных высказываний не репрезентируют события, а совершают их.

Дж. Остин, изначально дифференцируя констативные и перформативные высказывания, эксплицирующие процесс речедействия, пришел к пониманию отсутствия четкой границы между ними и строгих оснований для их разграничения [Остин 1999: 53-55,72]. Поскольку именно проявление интенций, т.е. иллокутивных целей, обуславливает проявление доминирующих признаков определенного типа речевого акта.

В рамках концепции динамической семантики Манфреда Крифки предполагается, что в репрезентативных (констативных) речевых актах слова следуют за миром, тогда как в декларативных (перформативных) речевых актах мир следует за словами [Krifka 2024: 13]. Смысл высказывания моделируется в результате динамической конъюнкции добавочного перформативного значения, которое каузирует информативное обновление сообщения [Там же: 49].

Перформативная семантика проявляется в коммуникативно-прагматическом аспекте, предполагающем интеракцию референтных, лингвокогнитивных и социокультурных факторов, актуализирующихся контекстуально. При этом как явная, так и скрытая перформативность,

реализуемая в каждом конкретном коммуникативном акте, функционально-ситуативно и дискурсивно обуславливается [Derrida 1988; Bach, Harnish 1979], из чего следует, что признаковые характеристики речевых актов дивергентны и функциональны.

В трактовке Дж. Остина перформативность может выражаться не только вербально, но и посредством реальных действий как эквивалентов речевых актов. Карл Брюлер установил перформативные потенции слова, исходя из того, что «Каждое фразеологическое и нефразеологическое выражение можно интерпретировать как человеческий поступок, ведь каждое конкретное высказывание связано с другими сознательными действиями данного человека. Оно стоит в одном ряду с поступками и само является поступком» [Бюлер 1993: 53]. «Констатация – это язык, показывающий вещи такими, какие они есть, называющий уже существующие вещи. Перформатив – это риторическая операция, языковой акт, использующий лингвистические категории дескриптива для создания чего-то нового, не для описания мира, а для его реорганизации. Такое соотношение перформатива и констатации можно считать “апорией”» [Каллер 2006: 115].

Йенс Брокмейер выделяет три уровня в качестве особых форм смыслового построения нарратива – лингвистический, семиотический и перформативный или дискурсивный [Brockmeier 2002: 33-38]. В каждом контексте элементы разных уровней формируют новую смысловую структуру, а отдельные элементы приобретают особые значения благодаря интеграции в повествовательную модель. В соответствии с данным подходом нарратив трактуется не только как способ коммуникации и символической медиации, не только как продукт – рассказ, но и как процесс – повествование, не только как ментальная структура, но и как презентация нового смысла, и, наконец, не только как описание действия, но и само действие. А язык, соответственно, расценивается как деятельность или дискурсивная практика [См., напр.: Bamberg 1997].

Отсюда вытекает более широкое представление о перформативности как

об имманентном свойстве потенциальной акционарности, присущем коммуникативным, социокультурным и политическим практикам, что сближает перформатив с перформансом.

С.Т. Золян представляет прагмасемантику политического дискурса как перформатив, считая перформативность «существенной характеристикой политических событий», креативным процессом создания новых реальностей и эффективным способом их осмысления [Золян 2023: 25-27]. «Действенность политики выражается в перформативности политических дискурсов, т.е. в способности фактического самоосуществления того, о чем идет речь, что предписывается и утверждается» [Ильин 2016: 267]. Развертывание политического семиозиса по принципу накопления перформативности получило название воронки перформативности, когда перформативное высказывание, перформативный акт и перформативное событие разворачиваются как вложенный перформатив, перспективирующий цепные реакции масштабирования исходного перформатива на основе причинно-следственных связей в процессе развития политических событий [Ильин 2016: 268].

Принципиальным для данного подхода является выделение реактивных перформативов как результата интерактивной перформатизации. Поскольку политика и политическая коммуникация, в частности, направлены на осуществление политических целей и эффективную реализацию идеологических задач, то инициальное вербализованное, кинестетическое или поликодовое высказывание, выраженное эксплицитно или потенциально наделенное перформативными свойствами, способно продуцировать последующие социополитические действия и события.

Новостные политические нарративы, безотносительно их идеологической и иллюкутивной направленности, оказывают причинно-следственный перформативный эффект, проявляясь латентно на ментальном уровне в результате аксиологизации полученной информации, или же непосредственно в виде физических действий или последующих

речекоммуникативных актов. При этом независимо от первоначального кода высказывания (вербального, изобразительного, кинестетического, символического, графического и др. или поликодового) как первичный перформатив допускает вторичную перформатизацию, порождая вложенную когнитивную модель, так и высказывание с изначально неперформативной семантикой потенциально допускает перформативное расширение на фоне социополитического контекста.

Инновационный подход к толкованию перформативности политической коммуникации позволяет с позиции мультимодального ракурса осуществить анализ перформативного высказывания или акта как когерентного другим типам речевых и кинестетических актов феномена. Культурно-семиотический ракурс герменевтико-интерпретационного анализа позволяет интерпретировать семиотику ритуально и ситуативно конвенционализированных коммуникативных актов, маркирующих следование протокольным предписаниям или их нарушение.

Рассмотрим перформативные трансформации коммуникативных актов в жанре новостного политического нарратива на базе экспликации кинестетического кода с соматическими компонентами *нога* и *рука*.

Физиологически ноги связаны с передвижением, опорой и устойчивостью. В анатомическом атласе ноги как нижние конечности человека уравниваются верхними конечностями – руками, в то время как в координатах пространственной оппозиции «верх – низ» включается культурно маркированное противопоставление «голова – ноги». Архетипическим топосом верха является небо и область сакрального, а низа – земля и телесно-материальные сущности [МНМ 1980: 192-194]. Символически они означают твердость, успешность, процветание [ЭС 2007: 2017].

Идиома *вытирать о кого-либо ноги* [ФСРЛЯ. https://universal_en_ru.academic.ru/searchall.php?SWord=вытирать+о+кого-либо+ноги+&from=ru&to=xx&did=universal_en_ru&stype=] восходит к архетипическим оппозициям «верх – низ» и «чистый/святой – грязный/

грешный», в которых противопоставление строится на пространственном расположении участников ситуации, когда победитель или властитель занимает верхнюю позицию, побежденный или унижаемый человек находится внизу, на уровне его ног. Жесты превосходства и низвержения врага изначально реализовались физически агрессивно: древнейший образ победителя запечатлевается в момент, когда он ставит ногу на спину поверженного врага, символически закрепляя его покорение, или же хозяин и владыка бьет ногами и затаптывает своего слугу и подчиненного.

Пыль и грязь на подошвах символически соотносятся с нравственной нечистотой человека, таким образом, намеренное унижение, демонстрация пренебрежения и превосходства над другим человеком уподобляются процессу пачканья его грязью, вытиранию об него ног. Такого рода проявления на языке жестов в духовном коде многих культур оцениваются как низменные поступки.

Следовательно, фраза *вытирать о кого-либо ноги* содержит метафору, основанную на символической функции ног как средства морального унижения и психологического подавления. Так, например, как сообщает новостное агентство RT, президент России Владимир Путин, считая отношение США к Евросоюзу оскорбительными и унижительными для объединения европейских государств, заявил,

*что нынешние экономические трудности, с которыми сталкивается Европейский союз, и недружественное отношение к нему США являются прямым следствием слабости ЕС. В результате Евросоюз превратился в того, кто позволяет Соединенным Штатам **вытирать о себя ноги*** (<https://dzen.ru/a/Y5w99f0YpUIASs3X>).

Данный пример манифестирует символический перформатив хумилиации (от лат. *humilitas* «деградация, унижение, принижение; незначительность, неважность») [ED. <https://www.etymonline.com/search?q=humility>], призванный зафиксировать статус кво в рассматриваемом секторе международных взаимодействий.

Словосочетание *вытирать ноги обо что-то* в повседневной коммуникации передает нейтральную коннотацию. В политической коммуникации невербальным актом оскорбления представляется жест вытирания ног о флаг самопровозглашенной, но уже признанной Россией и рядом других стран (до вхождения в состав РФ) Донецкой народной республики. Флаг представляет собой чёрно-сине-красное полотнище, где чёрный цвет означает плодородную землю Новороссии и уголь Донбасса, синий – дух народа и воды Азовского моря, красный символизирует кровь, пролитую за свободу народа.

На видео, размещенном в сети, украинская делегация на приеме в конгресс США вытирает ноги о флаг ДНР. Глава комитета Госдумы по международным делам Леонид Слуцкий эмоционально-оценочно прокомментировал эту акцию такими словами:

Украинские отморозки устроили омерзительный перформанс на потеху в конгрессе США. Вытерли публично ноги о специально перевезенный через океан флаг ДНР (оказывается, американская таможня пропускает) (<https://interkomitet.ru/blog/2022/12/08/ukrainskie-otmorozki-publichno-vyterli-nogi-nogi-o-spetsialno-perevezennyj-cherez-okean-flag-dnr/>);

«Этот флаг очень хорош для полировки обуви», – заявил украинский актер, возглавлявший делегацию, демонстрируя со смехом, как он вытирает флагом туфли и бросает его под ноги. А затем делегация из шести человек старательно топчется, позируя для видеосъемок и фотографий (<https://www.tvc.ru/news/show/id/255839>).

Вопиющий пример неуважения к свободному выбору людей американские высокопоставленные лица никак не осудили: представители конгресса смеялись и радостными возгласами одобряли происходящее.

Стилистика невербальной коммуникации в политической сфере обусловлена не столько психофизиологическими особенностями ее участников, сколько мотивацией выбранных стратегий и средств их воплощения. Разыгранное представителями украинской власти представление

в конгрессе США представляет собой бииллокутивный перформанс, интерпретируемых по-разному в зависимости от аудитории, для которой он предназначался: по отношению к населению ДНР – это речекинетический инвективный акт, в то время как театральная демонстрация лояльности властям США в надежде получить очередной пакет военной помощи являлась актом инграциации.

Итак, рассмотренная выше ситуация, эксплицированная символическими перформативными актами и реализованная в форме перформанса, манифестирует многовариантность смыслового потенциала поликодового высказывания и векторов его интерпретации, что обусловлено, в первую очередь, полицелевым ракурсом отправителя коммуникативного акта, двусторонней адресной направленностью сообщения, и, соответственно, ожиданием различного перформативного эффекта от каждого типа адресатов. В качестве ключевых инструментов технологии перформанса использована символика флага как указание на объект хумилизации и ноги (вытирание ног) как способ ее реализации.

Стоять на ногах означает «быть самостоятельным, независимым, жизнеспособным, не нуждаться в чьей-либо поддержке; занимать твёрдое служебное, общественное и т.п. положение» [ФСРЯ. <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/14311-стоять%20на%20ногах>].

В рассматриваемых ниже фрагментах новостного нарратива первичен кинестетический акт, вводимый в информационно-телекоммуникационное пространство Интернета посредством визуальных каналов, и затем редуцируемый и по вербальным каналам как прецедентный символический перформатив:

Президент США Джо Байден не устоял на ногах, когда поднимался на сцену для выступления. Он не сразу смог подняться на сцену в Филадельфии и преодолеть пять ступеней. Американский лидер дважды споткнулся, но смог удержаться, ухватившись за перила (<https://www.1tv.ru/news/2023-10-14/463232->

prezident_ssha_dzho_bayden_ne_ustoyal_na_nogah_kogda_podnimalsya_na_stse
nu_dlya_vystupleniya).

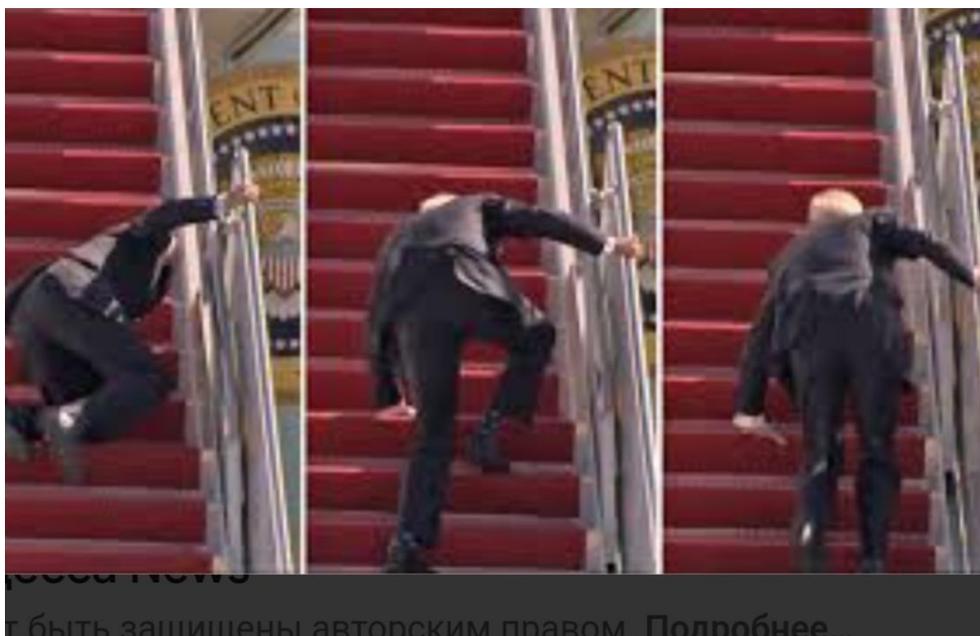

Рис. 4. Байден трижды споткнулся

(<https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6054def39a79470fe811aa1f>).

*Президент США Джо Байден **чуть не упал**, спускаясь по трапу самолета в Детройте <...>. Байден **не в первый раз** попадает в подобную ситуацию* (<https://ria.ru/20230926/bayden-1898825572>);

*В июне этого года Байден **совершил падение** во время торжественной церемонии выпуска курсантов академии военно-воздушных сил США в штате Колорадо, споткнувшись о стоявший у его ног ящик* (<https://ria.ru/20230926/bayden-1898754464.html>).

Когда в Белом доме попытались объяснить падение Байдена на трапе самолета сильным ветром, сын Дональда Трампа прокомментировал падение президента Джо Байдена следующим образом: *“It wasn’t the wind folks”*. «Люди, это был не ветер» (<pic.twitter.com/jYc01dBZCe>). Он также опубликовал в Твиттере дискредитирующую имидж Байдена гифку (GIF), изображающую, как Трамп, играя в гольф, запускает мяч, попадающий в Байдена, в результате

чего последний спотыкается и почти падает на трапе (https://vk.com/video-67991642_456260317).

Рис. 5. “It wasn’t the wind folks” (pic.twitter.com/jYc01dBZCe).

Рис. 5. «Люди, это был не ветер» (pic.twitter.com/jYc01dBZCe).

Инциденты с падениями вызвали требования импичмента и проверки состояния здоровья Байдена в американском обществе. Возмущенный отчетом спецпрокурора, в котором говорилось, что американский президент имеет «проблемы с памятью», Джо Байден заявил на пресс-конференции, что он «поднял США на ноги»: “*I raised the USA to its feet*” (<https://topwar.ru/235953-ja-podnjajal-ssha-na-nogi-dzho-bajden-otricaet-nalichie-u-nego-problem-s-pamjatju.html>; <https://en.topwar.ru/235953-ja-podnjajal-ssha-na-nogi-dzho-bajden-otricaet-nalichie-u-nego-problem-s-pamjatju.html>).

Трагикомизм падений недееспособного президента и самооценка вклада в развитие США обыгрывается соматическими контрастивными метафорами падения и подъема в фраземах «не устоять на ногах (упасть)» – «поднять на ноги», когда по шкале «снизу – вверх» (Bottom-Up Estimating) Байден позиционирует свои заслуги по асцендентному, а социум по десцендентному вектору (Top-Down Estimating).

Ведущий американского информационного канала Fox News (Fox News Channel) Брайан Килмэйд счел падения президента США Байдена «символом политики страны». Он увидел в этих событиях важный знак и назвал

спотыкающегося президента олицетворением политики США: *«Мы спотыкаемся на всей мировой арене, да так, что мне – да и вам, наверное, тоже – за всю жизнь подобного видеть еще не приходилось»* (<https://ria.ru/20230227/signal-1854485528.html>).

Инфериорность Джо Байдена на кинестетическом языке политической коммуникации сигнализирует о потере авторитета политика, публичной дискредитации. Многочисленные случаи его падения приобретают статус прецедентной перформативной ситуации и являются хумилитативным знаком падения авторитета и значимости США. Кинесика унижения, хумилиации, выраженная позой неустойчивости, интерпретируется как явный и латентный перформативы, то есть как падение пожилого человека, свидетельствующее о физической и когнитивной деградации, и как кризисное положение в стране, манифестированное несостоятельностью ее президента. В последнем случае контекстуально и дискурсивно обусловленный кинестетический коммуникативный акт достигает перформативного символического эффекта.

Понятие перформанса в широкой трактовке определяется как вид деятельности, характеризующийся событийностью. Данная концепция, выдвинутая Ричардом Шехнером, обусловлена такими перформативными практиками, как обряды, церемонии, ритуалы, театральные и иные художественные представления, и в том числе театральность повседневной жизни. Аналитический подход Р. Шехнера основывается на постулате о перформансе как о способе деятельности, объединяющей искусство, этнофольклорную традицию, все виды дискурсивных практик и систем социального и эстетического позиционирования [Schechner 2013: 28].

Джудит Батлер, трактуя перформативный акт в гендерном ключе как перформанс тела, выдвигает в качестве положения, делимитирующего перформативного акт и перформанс, наличие интенционально действующего субъекта [Butler, 1988]. Уточним, что перформанс в большинстве случаев представляет собой стратегически обоснованные действия, направленные на достижение конкретных задач, осуществляемых в соответствии со

сценарием. Неподготовленные перформансы, реактивные или импровизированные, граничат с хеппенингом, что наглядно демонстрируется во время социокультурных или социополитических мероприятий и акций, вовлекающих аудиторию. Вместе с тем цель и смысл перформативного акта, перформанса и хеппенинга в том, чтобы вызвать реакцию и воздействовать социум.

В качестве способов реализации перформанса Дж. Батлер рассматривает маскарад, пародию и имитацию [Там же]. Данный перечень может быть значительно расширен за счет других, главным образом, гибридных, форм акционизма, восходящих не только к театральным, телевизионным или разговорным жанрам, и даже к жанрам изобразительного искусства в качестве отдельных элементов. Таким образом, тенденция к размыванию границ перформативности обусловлена ее толкованием как процесса осуществления любого персонального, культурного, социального или политического акта, оказывающего воздействие на аудиторию. В этой связи современные политические перформансы представляются новыми театрализованными технологиями реализации власти, что акцентирует растущую значимость перформанса в современном мире.

Понятие перформанса в широкой трактовке определяется как вид деятельности, характеризующийся событийностью. Данная концепция, выдвинутая Ричардом Шехнером, обусловлена такими перформативными практиками, как обряды, церемонии, ритуалы, театральные и иные художественные представления, в том числе перформативность повседневной жизни [Schechner 2013: 28]. Тенденция к размыванию границ перформативности обусловлена ее толкованием как процесса осуществления любого политического или социокультурного акта, оказывающего воздействие, как перформативного. Такое понимание применимо ко многим практикам в социуме.

Политические перформансы соответствуют современному контексту коммуникации, в то время как массмедиа служат сценой развертывания

событий, где разыгрывается социальная или политическая драма [Русакова, Русаков 2008: 136]. Перформанс рассматривается как процессуальный коммуникативный акт, который посредством вербальных и невербальных форм общения оказывает усиленное воздействие на социум по всем каналам. «Благодаря «перформансной» модели осуществляется контакт между участниками коммуникации, в процессе которого происходит кодирование и декодирование знаковых символов, представленных в текстах, речах, жестах, позах, кинетике, звуках и образах» [Там же: 139].

Перформансная модель в политических коммуникациях предполагает интерактивность, которая присуща протольно-ритуальным приветствиям официальных лиц на публичных мероприятиях. Рукопожатием, являющимся инструментом соблюдения протокольной нормы на официальных встречах, демонстрируется проявление почтительности и уважения.

Рукопожатие как символ согласия и мирных намерений уходит корнями в древнюю историю, когда раскрытая ладонь руки свидетельствовала об отсутствии оружия и агрессивности намерения во время переговоров [ЭС 2007: 278-280].

Профайлеры с интересом комментируют манеру приветствия Дональда Трампа, выискивая в ней особые знаки расклада мировой политики. К странностям относят панибратские похлопывания по плечу, захват, перетягивание и удержание руки оппонента обеими руками (<https://www.kp.ru/daily/26684/3708659/>). В рамках Саммита G 20 в Японии в 2019 Д. Трамп, как обычно, попытался провести стратегии доминирования посредством тактики перформанса, с силой перетягивая руку Владимира Путина во время протокольного рукопожатия буквально до соприкосновения со своим телом, что демонстрируется на рис. 6. Однако В. Путин, не позволяя сохранить позу перевеса и преобладания, перевел рукопожатие в сторону паритетного равновесия (рис. 7). Из этого следует, что протокольный кинестетический перформатив приветствия приобретает значение символического перформатива дипломатического паритета.

Рис. 6. Дональд Трамп демонстрирует доминирование (https://www.rbc.ru/politics/10/11/2024/67310d5f9a7947842b280573).
 Рис. 7. Владимир Путин восстанавливает паритет (https://www.rbc.ru/politics/10/11/2024/67310d5f9a7947842b280573).

В новостных изданиях было зафиксировано, как показалось на первый взгляд, нарушение протокола, когда отметили отсутствие рукопожатия Путина и Си Цзиньпина. Однако такие действия при встрече международных лидеров были заранее согласованы в условиях пандемии коронавируса и обоснованы желанием избежать опасности заражения и последующих осложнений:

В таком жесте нет никакой политики, речь идет об антиковидных мерах, заявил руководитель протокола президента РФ (https://tass.ru/politika/13630057);

Наши китайские коллеги попросили обойтись без рукопожатия. Мы не нашли в этом ничего криминального. И согласились на это (https://rg.ru/2022/02/06/putin-i-si-czinpin-oboshlis-bez-rukopozhatii-iz-za-pandemii.html);

<...> при визите экс-канцлера ФРГ Ангелы Меркель в Москву <...> от ее протокола также поступала просьба обойтись без рукопожатий. Обычно подобные вопросы решаются разными способами – в случае с

Меркель из ситуации вышли, подарив ей букет (<https://rg.ru/2022/02/06/putin-i-si-czinpin-oboshlis-bez-rukopozhatiia-iz-za-pandemii.html>).

Таким образом, в рассмотренных выше примерах протокольному кинестетическому перформативу пытались приписать значение символического.

Жест вице-президента США Камалы Харрис во время переговоров с президентом Южной Кореи Мун Чже вызвал скандал: сразу после рукопожатия с лидером дружественной для США страны она вытерла руку о штанину брюк. Такая ситуация была расценена как акция проявления неуважения, пренебрежения и политического превосходства, неподобающее дипломатическому ритуалу и статусу официального представителя поведение. Более того, в комментариях отметили, что

<...> она боится заразиться коронавирусом, однако другие напомнили, что Харрис уже давно прошла вакцинацию, а также усомнились, что вирус можно смахнуть с ладони, вытерев ее об штанину (<https://mir24.tv/news/16460672/amerikancy-zametili-neuvazhitelnyi-zhest-kamaly-harris-vo-vremya-peregovorov>).

Рассмотренный фрагмент демонстрирует псевдотрактовку несоблюдения протокольного этикета Камалой Харрис, исходя из оценки ее персональных поведенческих характеристик, как символического перформатива хумилиации и дисресpekта.

Продолжая тему протокольных рукопожатий политических лидеров, вернемся к кейсам, связанных потерей ориентации в пространстве Джо Байденом:

Байден пожал руку воздуху во время выступления в Сиэтле. На опубликованных кадрах отчетливо видно, что позади американского президента никого не было. После этого Байден с улыбкой повернулся к публике и поблагодарил всех собравшихся за внимание (<https://tvzvezda.ru/news/2022423857-h8by1.html>);

Президент Джо Байден «остался с пустыми руками» после

выступления в университете Северной Каролины <...>. Бывший врач Белого дома, член палаты представителей Ронни Джексон заявил, что когнитивные способности президента США Джо Байдена ухудшились до такой степени, что стали **«проблемой национальной безопасности»** (<https://rg.ru/2022/04/15/video-bajden-protianul-dlia-pozhatia-ruku-vozduhu.html>);

Байден снова пожал руку человеку-невидимке. Байден завершил поездку по стране речью о предлагаемых реформах, и когда он попрощался со зрителями, то обернулся с протянутой для рукопожатия рукой. Позади никого не было. Президент США сделал еще четверть оборота, вновь протянул руку пустоте. После этого президент США с улыбкой обернулся к публике и поблагодарил собравшихся за внимание (<https://www.vesti.ru/article/2711391>);

Наш президент обернулся и попытался пожать руку буквально никому (<https://life.ru/p/1487084>).

Рис. 8. Невидимый друг президента
(<https://tvzvezda.ru/news/2022423857-h8by1.html>).

Реакция американцев на прострацию Байдена была полярной: с одной стороны, она варьировалась от ироничной метафорической оценки (*пожал*

руку человеку-невидимке), персонификации пространства (пожал руку воздуху) и языковой игры (остался с пустыми руками), с другой, произошло осознание хумилитативной символики перформативных актов президента, повлекшее реактивное разворачивание ответного перформатива, о чем заявила американская конгрессвумен Марджори Тейлор Грин:

Это невероятно стыдно, и он руководит нашей страной! Уже достаточно! Импичмент Байдену!» (<https://life.ru/p/1487084>).

Однако после выбывания Д. Байдена из президентской гонки произошел повторный анализ всех странностей его поведения, слов, мимики, жестов и действий как руководителя страны в русле ловко разыгранного перформанса:

Байден часто изображает дурачка, чтобы уйти от ответственности

(<https://russian.rt.com/inotv/amp/2024-06-18/NYP-Bajden-chasto-izobrazhaet-durachka>);

Байден не так прост, как кажется. Он ведёт себя, как слабоумный, внешне больше напоминает восковое изваяние и ходит, как робот. Однако у него есть невероятная способность превосходить ожидания, если это имеет политическое значение (<https://russian.rt.com/inotv/amp/2024-06-18/NYP-Bajden-chasto-izobrazhaet-durachka>);

Байден регулярно ведёт себя как слабоумный или зомби, это видит каждый нормальный человек, констатирует The New York Post (<https://russian.rt.com/inotv/amp/2024-06-18/NYP-Bajden-chasto-izobrazhaet-durachka>).

Последнее обращение Байдена к нации назвали чудесным воскрешением, поскольку он шутил, был логичен, говорил связно и излучал энергию и напористость во время выступления:

Он был бодр и даже весел, сверкал ослепительной улыбкой и не произносил глупостей, не читал по бумажке. Стремительно вылечился от деменции, которую ему приписывали в последние годы. У пользователей соцсетей возникло сомнение, а не притворялся ли 81-летний Байден всё это

время? (<https://aif.ru/politics/world/v-upavshuyu-v-vodu-sobaku-ne-brosyat-kamen-starik-bayden-okazalsya-hitrovanom>);

Действующий президент США Джо Байден мог намеренно изображать симптомы деменции во время своих публичных выступлений для достижения секретной политической цели. Сторонники этой теории полагают, что Байден в последние годы специально разыгрывал публику, чтобы спасти США. По их мнению, американский президент специально создал образ человека с проблемами со здоровьем, чтобы «убрать» Харрис из политической игры (<https://aif.ru/politics/world/v-seti-predpolozhili-cto-bayden-mog-namerenno-izobrazhat-simptomy-demencii>);

Фальсификация слабоумия? <...> пока еще действующего президента США Джо Байдена в имитации деменции. Поводом стало обращение политика к избирателям после завершившихся выборов, где он был бодр и четко формулировал мысли. В Сети тут же родилась версия, что политик якобы притворялся больным ради собственной выгоды (<https://www.m24.ru/articles/politika/11112024/742042>);

Точно не известно, какие именно трюки и манипуляции задействует его окружение в процессе подготовки нынешнего главы Белого дома к дебатам. Но можно быть совершенно уверенным, что 27 июня на трибуну выйдет совсем другой Джо, чем тот, которого недавно видели в Европе, бродящим как бракованная кукла (<https://russian.rt.com/inotv/2024-06-18/NYP-Bajden-chasto-izobrazhaet-durachka>).

В новостных политических нарративах прошла новая волна обсуждений состояния здоровья Джо Байдена со ссылкой на заявления официального представителя Белого дома Карин Жан-Пьер о том, что президент на протяжении трех лет проходил медосмотры, на которых подтверждалось полное отсутствие заболеваний, в том числе, болезни Паркинсона (<https://sputnik.by/20240708/nevrolog-baydena-ne-nashel-u-nego-priznakov-skleroza-ili-bolezni-parkinsona-1087892062.htm>). В связи с этим поведение Байдена начали характеризовать как политический перформанс, для

разыгрывания которого был выбран имидж старого больного человека в прежнем политическом сценарии:

Нынешний президент очень изворотлив и может попытаться сыграть на жалости народа к почтенному старику. И тем самым в очередной раз уйти от ответственности (<https://www.m24.ru/news/politika/26112024/746696>).

Подвижность оценки кинестического акта как символического перформатива или перформанса обусловлены размытостью дефинитивностивных признаков рассматриваемых понятий. Так, иллюзия беспомощности от болезней и почтенного возраста умело поддерживалась Байденом для реализации собственных целей и задач во внутренней и международной политике, и даже во избежание судебной ответственности. В течение длительного периода аудитория не считывала подтекста такого перевоплощения. Только тогда, когда Байден сбросил за ненадобностью маску недееспособного старика, аналитики прокомментировали, *что он ловко вышел сухим из воды, умея выкручиваться каждый раз*, когда ему грозила опасность, намеревались объявить импичмент или предъявить обвинение в неправильном обращении с секретными документами, но данные действия не были предприняты, поскольку «когнитивно неполноценный человек» не способен предстать перед судом.

2.4. Фрактально-рекуррентная структура новостного политического нарратива

Онлайн политические нарративы являются наиболее актуальным жанром, транслирующим обширные новостные сведения и доносящие их ценностную направленность до различных социальных групп. Новостные веб-каналы функционируют в мультимедийном формате, передавая гибридные сообщения с вербальными, визуальными, аудиальными семиотическими

элементами – полимодальные тексты, в западной терминологии синкретические [Cosenza 2020: 100].

В связи с тенденцией к использованию языка в разных регистрах с различными тактико-стратегическими приемами убеждения и оценки принято рассматривать политический нарратив, с одной стороны, как социальное явление, включающее серию коммуникативных событий между отправителем персуазивного сообщения и реципирующей его аудиторией [van Dijk 2006], и как лингвокогнитивный феномен, направленный на манипулирование и контроль эмоций, убеждений и реакций аудитории, с другой [O'Keefe 2002].

Исходя из того факта, что политический нарратив применяется в качестве актуального инструмента достижения целей в политической деятельности, новостной политический нарратив квалифицируется нами как дискурс, направленный на создание новых смыслов посредством конструирования оценочных характеристик социально значимых реалий. Механизмы медийного воздействия ориентированы на убеждение и формирование общественного мнения, что способствует внедрению в медиа новой коммуникативной формы воздействия – персуазивности.

Семиотическое пространство новостного политического нарратива составляет поликодовая палитра вербальных, невербальных и гибридных элементов, включающих, как правило, политические, военные, дипломатические, технические и социальные термины, специализированные невербальные и культурные символы и изображения.

Политическая семиотика направлена на осмысление и описание политической действительности с помощью семиотических инструментов, установление на основе различных дискурсивных практик спектра разнокодовых значений, включая традиционные образы и символы кодирования, раскрытие логики присвоения данных значений в свете задач власти. Данное научное направление ориентировано на использование культурной семиотики в анализе политического дискурса/нарратива

[Mihkelsaar 2018]. Синтез культурной семиотики и дискурс-анализа направлен на создание междисциплинарного подхода, который является основой для интерпретации моделей более сложного уровня [Selg 2016, 2018].

В настоящем исследовании мы опираемся на культурно-семиотический подход, расширяющий возможности интерпретаций как в концепции семиотики культуры Михаила Лотмана, так и в концепции политического дискурс-анализа Эрнесто Лакло – Шанталь Муффа с опорой на ключевые концепты, знаки и мифы, формирующие социальное пространство [Лотман 1992; Laclau, Mouffe 1985; Laclau 1993]. Внутренняя неоднородность объектов описания допускает множественность интерпретаций в процессе анализа взаимодействия разнотипных кодов и пересекающихся структур. Данный подход демонстрирует диапазон резервов значений, порождающих новые смыслы в рамках определенных концепций, культур и онтологий. Межтеоретический принцип, соединяющий онтологический и методологический уровни, эксплицирует онтологические основания культурной семиотики, значительно повышая герменевтический потенциал дискурса власти [Selg, Ventsel 2019]. Таким образом, культурно-семиотический подход позволяет осуществить полиинтерпретативность и полизнаковость осложненного семиотического комплекса с учетом неоднородности внутренней и внешней структур каждого объекта анализа с точки зрения разных ментальностей.

Неисследованной областью изучения синкретики вербальных и невербальных структур являются фрактальные схемы поликодовых текстов. Фрактальный подход к семиотическому анализу поликодовых когнитивных образований, созданных по принципу редупликации, позволяет устанавливать фрактальные модели, декодировать элементы когнитивных структур и выявлять домены-источники.

Обращение к методу фрактального моделирования обусловлено не только применением его как приема организации семиотических блендов на базе различных кодов, но и как способа разворачивания новостного

повествования в политическом дискурсе.

Концепцию фракталов в зарубежных гуманитарных исследованиях впервые применили Джудит Ирвайн и Сьюзан Гал при описании семиотических механизмов формирования теории социального значения. Это была первая попытка построения лингвистической теории фракталов, репрезентированной в качестве естественной, а не искусственной самоорганизующейся системы [Irvine, Gal 2000].

В современной цифровой коммуникации, по мнению Умберто Эко, инновационность видится в принципе «серийности» – в воспроизводстве устоявшихся моделей, повторе, цитировании, копировании, то есть новизна обеспечивается за счет рекуррентности, дублирования и фрагментации, создании континуума вариативности [Эко, 1996: 65, 68- 69].

Сообщения в новостных медиа фрагментированы, они короче, чем в печатной аналоге изданий. Лаконично транслируемые факты в сообщениях опираются на первоначальный источник информации, дополняются посредством антецедентов, апеллируют к другим источникам. Так, стратегия рекурсии к источнику информации и множественное сетевое связывание сообщений имеет нарратологическую природу: новостной нарратив представляет собой фрагментированный рассказ в системе постоянно растущей сети, который не стремится к развязке, результативной завершенности каждого эпизода, что обусловлено модульностью и возможностями перекомпоновки частей новостного текста. По замечанию Аллана Белла, новостные сюжеты не имеют завершенности, «они заканчиваются в воздухе» [Bell 1999: 243].

В.И. Тюпа исходит из того, что «нарративная структура характеризуется фрактальной оформленностью, реализующей онтологически присущий когнитивный механизм ретрансляции континуального потока происходящего вокруг» [Тюпа 2021: 124]. Автор по данным художественного дискурса выделяет в качестве маркёров события сингулярность, интенциональность и фрактальность, понимая под последней наличие начала и конца

повествования, что расходится с концепцией фрактальности применительно к новостному политическому нарративу [Там же: 16]. Апеллируя к эпизодичности как конструктивной схеме построения интриги в художественном нарративе [Рикёр 1998: 212] В.И.Тюпа исходит из представления о фрактальности в аспекте дискретности событийных эпизодов, посредством последовательности которых разворачивается сюжет [Тюпа 2007: 55-56]. Таким образом, фракталом в соответствии с данным подходом служит нарративный «кадр» или «клип» – завершённый текстовый фрагмент как микро-событие, коррелирующее с другими повествовательными «кадрами» в макро-событийном ряду [Дзюба, Рябова 2022: 63-64].

Сущность понятия фрактала (лат. *fracturatus* «сломаный; фрагментированный») сводится к рекурсивным процессам генерации подобных, нерегулярных и последовательных структур на основе соотношения фрагмента и целого. Свойства фрактальности формируются за счет рекурсии самореференциальных структур, эксплицированных устойчивыми смысловыми компонентами, сочетающимися с вариативными конструкциями. Фракталы как вербально-невербальные системы разворачивания новостного политического нарратива служат мощным инструментом для концептуализации насыщенных потоков информации в медийном пространстве.

Фрактально-рекуррентный механизм структурно-смыслового порождения и организации новостного политического нарратива реализуется эксплицитно как нефиксированный, свободно генерируемый повтор разнокодовых элементов сообщения, или же присутствует имплицитно на смысловом, символическом и образном планах.

В нашем исследовании мы выдвигаем предположение о том, что мейнстримовские по значимости новости выступают в роли аттракторов, каузируя продуцирование вариативных повествовательных рекурсий. При определенных условиях когнитивные и аксиологические потенции аттрактора стабилизируются на одном значении, а в ряде случаев имеет место

бесконечный хаос интерпретаций в СМИ и соцсетях. Несмотря на то, что за границей перехода от порядка к хаосу фрактальная композиция диссипируется, сохраняется генетическая связь с первоначальной структурой в процессе флуктуации.

Мы постулируем, что новостной политический нарратив порождается в виде динамической фрактально-рекуррентной модели по типу горизонтальной сети, структурируемой от ядра события-инфоповода, описываемой через временную зону относительной устойчивости и множасьейся имманентными сетеморфными конфигурациями, обладающими креативным потенциалом самоорганизации.

Фрактальная метафоризация как способность к самопорождению, саморазвитию, реконцептуализации и познанию изменчивого мира представляет собой алгоритм бесконечного варьирования смысловых и структурных отображений реальности: «Метафоры – это кусочки истины; они свидетельствуют о способности человека видеть вселенную как единый организм» [Danesi 2008:114].

Развитие теории когнитивной метафоры от статической модели (Дж. Лакофф и М. Джонсон) к динамической (теория бленда Ж. Факонье и М. Тернер) основывается на триединстве языка, культуры и сознания как открытых систем. Гибридная теория метафоры Маркуса Тендаля, в соответствии с которой ментальные репрезентации могут быть пропозициональными или образно-схематическими, «могут передавать экспликации, импликации, образы и даже ощущения» [Tendahl 2009: 195], подготовила почву для введения фрактальной парадигмы в теорию метафоры. Фрактальная модель метафоры, конструируемая в процессе редупликации элементов, обеспечивает новую методику декодирования и интерпретации синкретических текстов.

Сознание человека телесно ориентировано. Как утверждает Марк Джонсон, телесный опыт и воображение составляют основу смыслопорождения – «способность организовывать ментальные

репрезентации (особенно восприятия, образы и схемы образов) в осмысленные, связные единства» [Johnson 1987: 140]. Телесный опыт формирует рамки разума, в том числе и по отношению к пространственности, – «непропозициональные схематические структуры, образно-схематические структуры смысла» [Johnson 1987:5, 19]. Схемы образов трактуются как «доконцептуальные гештальт-структуры», формирующиеся в результате телесного опыта и различных видов восприятия [Johnson 1987: 74]. По этому принципу устанавливаются ментальные связи, которые соединяют связанные когнитивные области через сходство. Схемы образов функционируют как связки между эксплицированными когнитивными доменами. По сути, они представляют собой гештальт-структуры – «повторяющиеся структуры наших перцептивных действий, телесного опыта и когнитивных операций», промежуточное, предконцептуальное звено, некий результат перцепции и телесно-ориентированного опыта мировосприятия [Johnson 1987: 79]. Соответственно, схемы образов призваны формировать связи между различными сенсорными, пространственно-временными и материальными модальностями [Rohrer 2005: 174-182].

Дополним триаду Чарльза Пирса, согласно которой семиотическое содержание может выражаться тремя типами знаков – индексами, символами и образами по их отношению к объекту и интерпретанте [Peirce 1932: 1903], потенциями всех видов знаков не только функционально-семантически замещать друг друга, но и генерировать комплексные когнитивные структуры поликодовой выраженности в синкретических текстах.

Семантические поля телесности потенциально насыщают процессы политических месседжей символическими и образными смыслами. Вербально-визуальный симбиоз, помимо когнитивных эффектов, оказывает мотивационное и персуазивное воздействие.

Семиотический комплекс «Рука Москвы / Кремля»

В качестве компонентов соматических метафор и фразеологизмов

названия частей тела соотносятся с традиционными функциями и символическими значениями. В процессе семиотизации тела в различных культурах соматическим единицам приписываются не только универсальные, но и этноориентированные значения. Так, мануальная соматика в цифровых медиа передаёт значения, связанные, в первую очередь, с функциями, выполняемыми рукой, на основе которых сформировались переносные значения «власть, сила, могущество». В российских политических мемах правая рука знаменует мощь, олицетворяет верховную власть и контроль.

Стремление американских наблюдателей за любыми политическими процессами в мире усматривать *руку Москвы* принимает обсессивный характер:

Либеральная идеология изменилась до неузнаваемости. Об этом президент России Владимир Путин заявил в ходе пленарной сессии клуба «Валдай» и порассуждал о причастности «руки Кремля» к мировым событиям... «Что из России не исходит – это все происки Кремля. Ну, на себя-то посмотрите. Неужели мы такие всемогущие? Любая критика в адрес наших оппонентов воспринимается как «происки Кремля», «рука Кремля» ... (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/69695>);

С недоумением узнали из СМИ о «руке Москвы» в очередном «шпионском скандале» в Республике Молдова (<https://moldova.mid.ru/ru/news/press-center/20230710/>);

Путин порассуждал о происках «руки Кремля». Президент России Путин призвал Запад «не сваливать все на козни Кремля» (<https://lenta.ru/news/2022/10/27/putinvaldai/>);

МИД назвал «руку Кремля» мировым мемом. Уходящий год прошел под знаком «уже мирового мема», – заявила Мария Захарова журналистам, передает корреспондент РБК. «Пресловутое вмешательство. Оно по-разному называется: рука Кремля, русские хакеры и так далее. Конкретика вообще никого не интересует, главное – сформировать устойчивый стереотип, мем», – пояснила представитель МИДа. В мире формируется

устойчивый стереотип вмешательства Москвы во внутренние дела других государств, считает официальный представитель МИДа (<https://www.rbc.ru/politics/26/12/2018/5c235f779a7947034c59d884>).

В приведенных выше фрагментах политического новостного нарратива представители МИДа РФ комментируют метафору *рука Кремля / рука Москвы* как стереотип, распространяющийся зарубежными СМИ, о якобы незаконных проникновениях, хакерских атаках и вмешательстве в дела других государств России.

Синонимичное выражение *русские хакеры* впервые появилось в СМИ в 2012 году и закрепилось в западной политической риторике после обвинения России в 2016 году в кибератаках и вмешательстве в президентские выборы в США.

Образ фундируется на метониме *Кремль / Москва*, который отсылает к политонимическому комплексу «*Москва. Кремль*», используемому со времён СССР для обозначения высших управляющих кругов власти. Вектор семантического переноса выстраивается по следующей когнитивной схеме: *Москва. Кремль* (ассоциации с «сердцем» Москвы, местом предполагаемого нахождения правительства РФ) → *высшее руководство страны* → *власть* (генерализованный образ) → *власть* (персонифицированный образ) → *рука Кремля / Москвы* (метонимизация власти).

Интернет-мем *рука Кремля* как семиотическая единица для ироничной передачи политически значимой информации в российском медиаландшафте обладает значительным вирусным потенциалом. В фокусе меметических конструкций находится референтная система (буквальное отображение *Кремля* и *руки*), идеологическая система и социальная оценка политической ситуации в контексте аксиологической платформы российского общества. Приводимые ниже мемы на тему «*Рука Кремля*» создаются по принципу фрактальности, когда происходит самокопирование исходных элементов образа – *Кремля* и *руки* в вариативных представлениях:

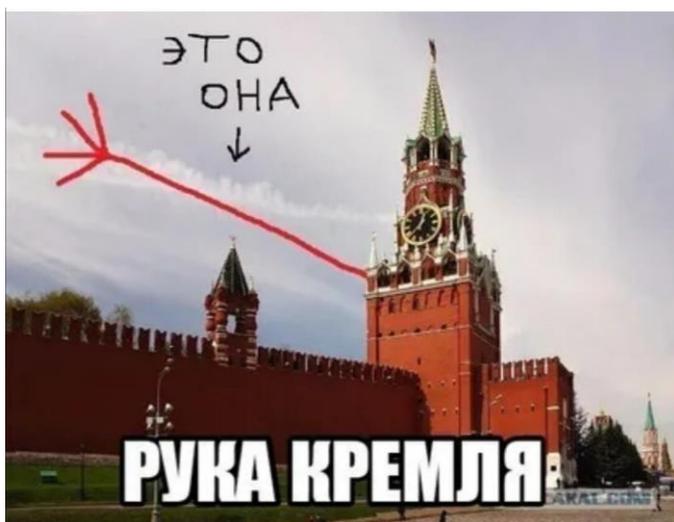

Рис. 9. Рука Кремля. Это она, рука Кремля (<https://dzen.ru/a/X3IMgLqRdky15eNu>).

Рис. 10. Рука Кремля. Кремль начинает работу... (<https://cont.ws/@zemelya/1204315>).

Языковая игра с семиотическими компонентами в политическом нарративе реализуется посредством использования эксцентрических приемов маркирования оценки ряда политических заявлений зарубежных стран на основе обыгрывания признака первичного референта. *Длинная рука Кремля*

символизирует мощное влияние, власть и неограниченные возможности реализации целей и достижений своих интересов, которые якобы преследует Россия благодаря действию спецслужб за рубежом:

Россия сочувствует озабоченности экс-премьера Болгарии Кирила Петкова «длинной рукой» Кремля. Такое заявление сделала официальный представитель МИД РФ Мария Захарова: <...> «Искренне сочувствуем его озабоченности «длинной рукой» Кремля. С точки зрения логики и правды, не видим смысла комментировать в отдельности каждое из заведомо ложных утверждений о российском вмешательстве в дела Болгарии, коррупции как нашем «основном внешнеполитическом инструменте» на Балканах и «обработке» местных политиков путем организации «выездных туров» в Грецию», – приводит слова дипломата сайт ведомства (<https://ren.tv/news/politika/1006302-zakharova-posochuvstvovala-ozabochennosti-petkova-dlinnoi-rukoi-kremlia>);

*Накануне премьер-министр Польши Дональд Туск в эфире TV N24 в очередной раз **подтвердил длину этой руки**, заявив о подозрении сразу девятерых человек в совершении диверсий на территории страны по заказу российских спецслужб (<https://39rus.org/news/policy/66796>);*

*Если судить по высказываниям западных политиков, **рука Кремля – самая длинная рука в мире** и её давно уже нужно было **внести в Книгу рекордов Гиннеса** (<https://39rus.org/news/policy/66796>. 14.09.2024).*

В следующем меме сохраняется фрактальный элемент *рука*, элемент *Кремль* имплицитруется, а в качестве переменного компонента используется *страна* или *регион*, которому «угрожает» *длинная рука Кремля*. Отметим, что власть в РФ, как правило, ассоциируется с действующим президентом, поэтому можно предположить, что семиотической доминантой мема, «всепроникающей руки с небес», является рука президента В.Путина в приводимом ниже меметическом сообщении:

Рис. 11. Длинная рука Кремля
(<https://39rus.org/news/policy/66796>).

Так называемая **длинная рука Кремля** – это «страшилка для Запада», акцентирующая независимую внешнюю политику России. Отражением очередного стереотипа служит заявление премьер-министра Польши Дональда Туска о том, что чрезвычайно опасно оказаться в зоне политических интересов РФ, т.е. *попасться под руку Кремля*:

По словам премьер-министра, под руку Кремля попадает не только Польша, но и Литва, Латвия и Швеция. Тут Туск напомнил о пожаре на складе магазина ИКЕА в Вильнюсе. ЧП произошло в ночь на 9 мая, сгорели товары, литовская полиция проверяет в том числе версию поджога по заказу российских спецслужб (<https://39rus.org/news/policy/66796>).

На официальном канале информационно-аналитического портала «**Рука Кремля**» размещены вербальные, визуальные и визуально-вербальные логотипы.

Сообщество «**Рука Кремля**» позиционирует себя как команду независимых авторов, работающих во благо России. Они не принадлежат ни к одной партии или финансово-промышленной группе, они стоят на страже государственных интересов и отражают свое видение событий. Более того, представители данного сообщества называют себя *Ватниками* (<https://tiraspol-news.ru/society/2023/04/08/45097.html>).

Этнофолизм ватник используется для пейоративной экзооценки людей, придерживающихся пророссийских позиций и поддерживающих политику РФ. Экзоэтноним *ватник* появился сначала в карикатурном меме в виде сатирического персонажа «Рашка – квадратный ватник» [КС. <https://kartaslov.ru/значение-слова/ватник>]. Графическое оформление персонажа в ватнике имеет явную аллюзию к герою мультфильмов Губке_Бобу Квадратные Штаны [См.: Ляшенко, Федюнина 2017:44].

Лексема *ватник* («телогрейка, фуфайка, стеганая куртка из ваты») отсылает к временам СССР, когда ватник был элементом зимнего обмундирования военнослужащих, формой рабочей или лагерной одежды [КС. <https://kartaslov.ru/карта-слова/толкование/ватник>]. Пейоративное значение появилось в результате десфимизации, закрепившей собирательный образ карикатурных урапатриотов в антироссийской среде. Иными словами, на «языке ненависти» *ватник* – это пророссийски настроенный человек.

Буквы **Z** и **V**, которые используют российские военные на технике, участвующей в спецоперации, служат народными символами поддержки участников СВО. Символ **Z** расшифровывается как «За победу»/«**Z**а победу», «За наших»/«**Z**а наших», а буква **V** обозначает «Сила в правде» и «Задача будет выполнена» (<https://ura.news/news/1052539321#:~:text=Они%20стали%20народным%20символом%20поддержки,11%20века%20используется%20у%20нас>). Считается, что литеры **Z** и **V** используются в качестве обратной транслитерационной замены или символов для привнесения дополнительного патриотического смысла. Как, например, в новостной строке рассматриваемого сайта: *Рука Кремля Z* / Сводки СВО / Курск (<https://vk.com/rukakremlja>).

Логотип платформы «*Рука Кремля*» – «**VruРука КремляruZ**» (<https://tigrm.ru/channels/@thehandofthekremlin>) – представляет собой вербально-графическую конструкцию, построенную по схеме линейного зеркального фрактала. Рамочная структура «**Vru.....ruZ**» фиксируется конечными элементами **V** и **Z**, выполняющими функцию маркёров

политической направленности сайта. Путем слоговой редупликации **ru.....ru** формируется внутренняя граница конструкции, где **ru** обозначает национальный домен верхнего уровня для России. Интенсификация патриотического контента осуществляется за счет удвоения семантики **ru** (от англ. Russia) и повтора слога **ру-**, написанного кириллицей в графически примыкающем слове **Рука**.

Один из визуальных логотипов сайта сочетает графику символа **Z**, организующего смысловый фон коллажа, – «**Za** наших», и жестовую символику **V** – «Победа», «За победу» / «**Za** победу». Заимствованное слово *виктория* в значении «победа», от латинского Victoria «богиня победы», имело хождение в русском языке XVIII века¹⁰.

На жестовом коде победу символизируют указательный и средний пальцы руки, направленные вверх в форме латинской буквы **V**. Указательный палец на логотипе изображен в форме Кремлевской башни, окрашенной в цвета российского флага. На запястье надпись: «Рука Кремля».

Рис. 12. Информационно-

¹⁰ СРЯ XVIII в. Словарь русского языка XVIII века / Под. ред. Ю.С. Сорокина. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1984–1991. Вып. 1–6. – Текст: электронный. – URL: <https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com/search?s=виктория> (дата обращения 09.09.2024).

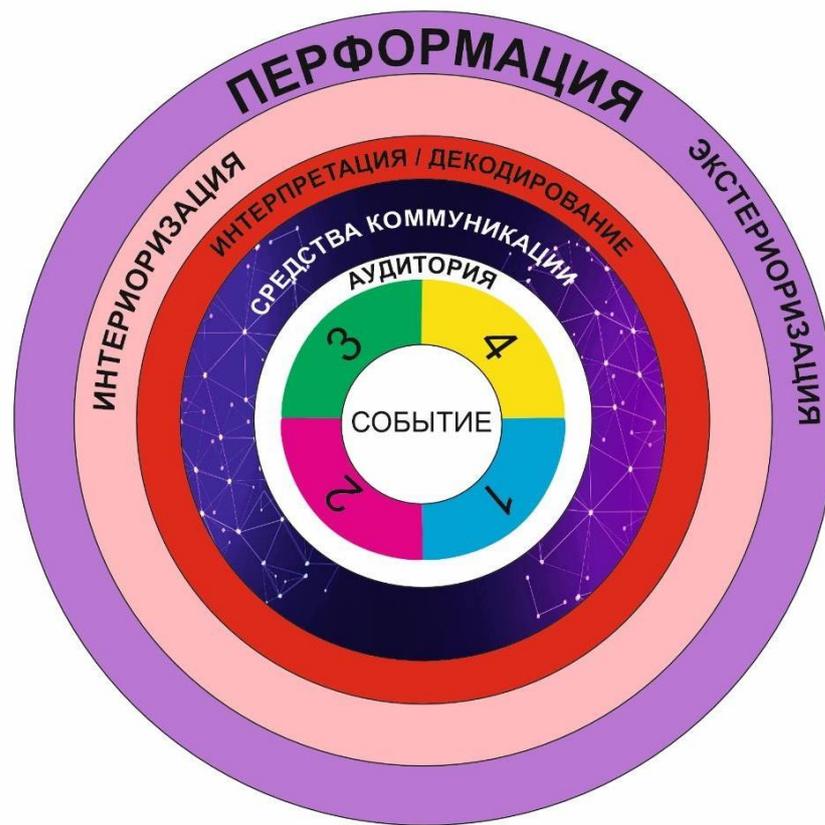
аналитический портал «Рука Кремля»
(<https://tigrm.ru/channels/@thehandofthekremlin>).

На альтернативном логотипе портала повторяются фрактальные элементы – *флаг РФ, Кремлевская башня, рука* и символ *V*. Правая сторона знака победы изображена в виде российского триколора, а левая – в форме руки с поднятым вверх сжатым кулаком. Такой жест является многозначным символом, означающим, с одной стороны, единство, сплоченность, солидарность и поддержку, а с другой, – гнев, ярость и непримиримость к врагам. Конвертированные в новом логотипе фрактальные элементы сфокусированы в центре на фоне двойного фрактализирования российского флага.

Рис. 13. Информационно-аналитический портал «Рука Кремля»
(https://vk.com/hand_the_kremlin).

Результаты предпринятого анализа обобщены нами в виде схемы, наглядно демонстрирующей коммуникативное пространство новостного политического нарратива (рис. 14).

1 ЯЗЫКИ КОДИРОВАНИЯ

- вербальный
- изобразительный
- колористический
- графический
- буквенный
- кинестический
- акциональный
- идеологический
- мифологический
- культурный
- соматический

2 ЗНАКИ КОДИРОВАНИЯ

- иконический
- индексный
- символический

3 КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОДИРОВАНИЯ

- образ
- метафора
- метонимия
- прецедент
- вторичная номинация
- концепт
- стереотип
- сценарий
- фрейм
- схема
- перформатив

4 КАНАЛЫ КОММУНИКАЦИИ

- визуальный
- вербальный
- аудиальный

Рис. 14. Матрица новостного политического нарратива.

Выводы к главе 2

I. Матрица новостного политического нарратива представлена в виде схемы, демонстрирующей коммуникативное пространство новостного политического нарратива, которое структурируется вокруг его центра – информационного события.

Информационное событие эксплицируется языками кодирования (вербальным, изобразительным, колористическим, графическим, буквенным, кинестетическим, акциональным, идеологическим, мифологическим, соматическим и др.) + знаками кодирования (иконическим, индексным, символическим, гибридным) + когнитивными механизмами кодирования (образом, метафорой, метонимией, прецедентом, вторичной номинацией, концептом, стереотипом, сценарием, фреймом, схемой, перформативом) → транслируется по каналам коммуникации (визуальному, вербальному, аудиальному) → распространяется путем рекурсивно-фрактального взаимодействия в цифровых медиа и социальных сетях → достигает получателя (целевую аудиторию) → подвергается множественной интерпретации и декодированию → запускает перформатизацию (интериоризацию на ментальном уровне, экстериоризацию – на социокоммуникативном).

Интерпретация новостного сообщения реципиентом осуществляется в соответствии с усвоенными кодовыми и знаковыми системами, традициями, обычаями и стереотипами, политическими идеологиями и общественными позициями и текущим контекстом. В данном аспекте перформатизация трактуется как деятельностная реакция на политико-информационное сообщение, реализуемая в ментальном плане как интериоризация – восприятие, осознание, оценка и эмоционально-психологическая перцепция полученной информации, и в социальном плане как экстериоризация, манифестирующая деятельностную проявленность – осуществление социально-коммуникативной практики. Таким образом, персуазивный эффект

новостного политического нарратива каузирует социальную рефлексию, критический анализ и продуктивное осознание ценностной позиции, регулируя и обуславливая, в конечном итоге, речедействие или кинестетические акции в качестве реактивного перформатива.

II. Исследование синергии вербального и невербального телесных кодов (жесты, мимика, позы и пр.) как совокупности нескольких знаковых подсистем при построении метафорико-семиотического фрагмента политической картины мира позволило сформулировать ряд закономерностей:

1. Подтверждена примарность кинестетических знаков по отношению к их фиксации средствами естественного языка. В пределах одной культуры между единицами вербальной и невербальной знаковых систем наблюдается исходная семантическая близость и функциональная идентичность прагматики.

2. Установлено, что символизация определенных частей тела и связанных с ними движений, поз и жестов, восходящая к архаичным представлениям и эксплицированная на современную реальность, легла в основу образования связанных и свободных словосочетаний разнооценочных коннотаций.

3. Номинация физических движений и кинестетических знаков языковыми единицами применяется для означивания корпоральных и соматических функций и для вербальной репрезентации кинем и киноморфов как единиц семиотического кода. Межкультурные аналоги демонстрируют частичное совпадение семиотики репрезентаций, описывающих тело и его функционирование в различных протокольно- ритуальных ситуациях. Конвенциональные и прагматические характеристики изолятов как единиц акционально-кинестетических кодов в разных лингвокультурах также не демонстрируют полного совпадения базовых прототипических признаков.

4. Внешний синтаксис физически и/или метафорико-символически представленных жестов выстраивается как цепочка кинестетических фразем,

создающих картину происходящего из нескольких кадров, анимированный образ. Элементы кинестетического кода могут представлять собой лексикографически зафиксированные фразеологизмы или свободные языковые единицы, применяемые для вербальной иллюстрации семиотически выделенных действий. Распаковка смысла сложных знаковых образований в политическом дискурсе осуществляется не только с опорой на комплекс лингвистических процедур, но также требует подхода с социокультурных, психологических и идеологических позиций. Установлено, что одно и то же семиотически заряженное сообщение, адресуясь разным аудиториям с дивергентными иллокутивными намерениями, предполагает различный перформативный эффект.

III. Перформативность является имманентной характеристикой потенциальной и реактивной акционарности, присущей коммуникативным и социокультурным практикам, что сближает перформатив с перформансом. Границы перформативного акта, перформанса и реактивного перформатива размыты. Перформативная семантика реализуется в коммуникативно-прагматическом аспекте в процессе интеракции референтных, лингвокогнитивных, социокультурных и политических факторов, актуализирующихся контекстуально.

1. Кинесика и мимесика в перформативных актах политической коммуникации не только повышает индекс перформатизации за счет усиления коммуникативно-прагматического эффекта, но и выводит кинетически реализуемое высказывание на уровень символического перформативного акта.

2. Значения перформативных актов и перформансных акций устанавливаются в зависимости от типа аудитории, интенции отправителя и контекста декодирования. Выявлена двухвекторная интенция перформативно-перформансных сообщений. Гибридные перформативно-перформансные сообщения интерпретируются с учетом каналов передачи информации и способов символизации. Наличие ложных символических перформативов

обусловлено псевдоозначиванием кинестетических актов.

3. Прецедентный статус символических перформативов обусловлен повторяемостью однотипной ситуации или рекуррентностью обращения к ней в медиакommunikации.

4. Наиболее частотными видами перформативно-перформансных актов являются: коммуникативные акты дискредитации, хумилиации, дисресpekта, инвективы, инграциации, паритета.

5. Эффективными механизмами перформатизации и перформанса на основе герменевтико-дискурсивного анализа признаются следующие когнитивные модели:

- 1) «кинестетический / протокольный акт → символическая перформатизация»;
- 2) «кинестетический / протокольный акт → псевдосимволическая перформатизация»;
- 3) «кинестетический / протокольный акт → символическая перформатизация → перформанс»;
- 4) «кинестетический / протокольный акт → символическая перформатизация+ перформанс»;
- 5) «кинестетический / протокольный акт → символическая перформатизация+ перформанс→ реактивная перформатизация»;
- 6) «перформанс→ реактивная перформатизация».

6. Новостные семиотические комплексы, характеризующиеся синергетической целостностью содержания и выражения, формируются по принципу когерентности и аддитивности. Поликодовые сообщения обладают перформативным потенциалом (имплицитным или эксплицитным), оказывают причинно-следственный перформативный эффект, перспективируют перформативное расширение.

IV. Фрактальный принцип построения поликодового сообщения реализуется на основе алгоритма самопорождения, реконцептуализации и варьирования смысловых и структурных отображений реальности.

1. На материале представления в цифровых медиа и социальных сетях семиотического комплекса *Рука Москвы / Кремля* установлено, что лингвокогнитивными механизмами образования синкретических конструкторов являются поликодовость, транскодовость, концептуализация, гиперметафоризация, метафтонимическое блендирование, полиноминативность и символизация. Определены виды фрактальных моделей синкретических текстов, редуцирующие элементы первичного сообщения, продемонстрирована процедура их декодирования и интерпретации. Представлены структурно-содержательные компоненты линейной зеркальной модели вербального фрактала.

2. Гиперметафора фрактальной структуры может быть репрезентирована на основе формулы нелинейной зависимости между семиотическим продуктом и элементами фрактала: $FGM = Aver.\{a+b+c+d+\dots(n)\} + Vvis.\{1+2+3+4+\dots(n)\}$, где **FGM** – фрактальная гиперметафора, **Aver.**– пространство вербальных экспликаций, $a+b+c+d+\dots(n)$ – источники вербальных экспликаций, **Vvis.**– пространство невербальных экспликаций, $1+2+3+4+\dots(n)$ – источники невербальных экспликаций.

Глава 3. Семиотика хремотонимов в новостном политическом нарративе

3.1. Метафорический и прецедентный потенциал хремотонимов в

новостном политическом нарративе

Динамика развития современного общества в эпоху глобализации, когда движение информационных потоков происходит стремительно, невозможна без использования электронных средств массовой информации. Онлайн политические нарративы являются наиболее актуальным жанром, транслирующим обширные новостные сведения и доносящие их ценностную ориентацию до различных социальных групп¹¹.

В центре пристального внимания исследователей находится изучение информационных технологий и их влияние на развитие современных медиа и коммуникационных практик [Bateman 2021]. Мультимедийные каналы глобальной интернет-коммуникации и социальных сетей обеспечивают быстрое распространение цифровых сообщений, наполненных множеством смысловых слоев. Неструктурированные данные информационных потоков наполнены глубинными социокультурными смыслами, сложными по содержанию и форме [Mikhaeil, Baskerville 2019]. Именно через новостные сообщения, получаемые преимущественно посредством Интернета, доставляется большая часть актуальных сведений [Abdel-Raheem 2022].

Социальные медиа-платформы в настоящее время являются одним из основных способов вовлечения жителей страны к обсуждению политических, экономических проблем и укреплению социальных связей вокруг

¹¹ В соответствии с постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 N 842 (ред. от 16.10.2024) "О порядке присуждения ученых степеней" (вместе с "Положением о присуждении ученых степеней") в главе 2 в подразделах 2.1. и 2.2. использованы материалы статьи: Тамерьян, Т.Ю., Шаипова А.М. Межпрецедентное семиотическое пространство, или Когда гремят пушки, музы не молчат // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики – 2022. – № 4. – С. 145–166.

разделяемых гражданских ценностей [Zappavigna 2021].

В лингвофилософских течениях последних десятилетий язык трактуется в большей степени не как инструмент описания действительности, а как средство, механизм и форма ее конструирования.

Перефразируя С.Т. Золяна [Золян 2016], отметим, что отражение политических событий в новостном дискурсе не может сводиться к передаче референциальной семантики, «когда определяющим оказывается соответствие/несоответствие языковых выражений действительности, <...> она должна быть дополнена обусловленными правилами <...> языковой игры, прагматическими теориями, описывающими функциональные, операциональные и контекстуальные аспекты семантики <...>» [Там же: 47, 52].

Тенденции развития лингвистической науки и языка как фактора и средства отражения реальности требуют углубленного анализа частных кейсов интеграции теории интертекстуальности и семиозиса применительно к цифровой реальности в рамках общих закономерностей нон-стоп метафорического и прецедентного моделирования знаков второго порядка (по Ч. Пирсу) и фиксации их прагматических векторов. Причем параметры прецедентности и границы трансформации и модификации прецедентных феноменов описываются посредством переменной, показатели вариативности которой зависят от степени текущей актуальности и потенций прецедентного феномена.

Как известно, формой экспликации прецедентности в тексте является прямое цитирование или квазичитирование, аллюзия, реминисценция, намек и пр. [Кремнева 2015]. Игра с прецедентными феноменами в цифровом медийном дискурсе выполняет роль аттрактива для аудитории, демонстрируя степень их ассоциативной соотнесенности со значимыми событиями. Лингвокреативность и семиотическое усложнение передаваемых сообщений становятся неотъемлемыми характеристиками современных цифровых СМИ.

В настоящей главе освещаются потенции новостного политического нарратива как источника метафорического творчества и лингвокреативности для экспликации семиотически осложненной интерпретации текущей событийности. Предпринимается многофакторный анализ мультимодальных когнитивных средств в политически ориентированных новостных материалах, которые тематически рестриктированы сферой освещения событий, связанных с применением средств российского вооружения. Жанровые рамки порождения текстов такого рода, включая полиформатные креолизованные тексты в официальных новостных изданиях и индивидуально-авторский сетевой контент, продуцируют осложненную форму взаимодействия с новостями, что, в свою очередь, формирует особую лингвокогнитивную нишу в семиотической сети.

Регулярное аксиологически ориентированное информирование о применении определенных типов вооружения в актуальных новостных выпусках создает своего рода ньюс-джекинг российского бренда. Вместе с тем встает вопрос о том, насколько эффективно хрематонимический сектор новостей и их экспертное и общественное комментирование могут формировать метафоры, актуализировать и создавать прецеденты, отражающие современную реальность.

Изучение вопросов прецедентности в лингвистическом аспекте связывается с исследованиями по атрибуции, интересубъективности и интертекстуальности. По отношению к цифровой среде сформировались тенденции сочетать устоявшиеся графические практики печатной культуры, адаптированный тип письма и мультимедийные репрезентации на платформах социальных сетей [Zappavigna 2019]. Практика тиражирования прецедентов в интернет-жанрах, таких как мемы, когда фрагменты высказываний к изображениям используются как формулы реагирования на конкретную ситуацию, существующие установки и модели поведения, стремительно развивается. Кроме того, наборы макросов изображений, где фразовые шаблоны, представляемые агрегационными функциями платформ,

используются в качестве подписей поверх изображений, представляют значительный интерес для анализа. Изучение связей между изображением, словесным текстом и другими видами семиотических ресурсов также является открытым исследовательским полем.

В современных направлениях семиотики изучается производство, передача и интерпретация смысла, эксплицируемая символически в знаках и языковых сообщениях, то есть рассматривается та область семиозиса, которая формируется с помощью технологически опосредованных ресурсов и когнитивных ресурсов индивидуумов, взаимодействующих в виртуальном, материальном и персональном мирах. Сетевые продукты нового типа демонстрируют связи между изображением, словесным текстом и другими видами семиотических ресурсов [Mingers, Willcocks 2017].

Интеграция полимодусных элементов в производстве новостей и их лингвокреативное комментирование в глобальной сети Интернет охватывает, как показывает практика, не только традиционные литературные жанры, но также инновационные форматы цифровой медиакультуры – интернет-мемы, демотиваторы, эмодзи, и др. Исследовательский ракурс сфокусирован на таких инновационных способах коммуникационного воздействия, когда пользователи партиципативных сетевых групп выражают свою позицию по отношению к какому-либо событию или известному персонажу, создавая с помощью видео или изображений (video-image-based digital resources), цветовой палитры и композиции, сопровождаемых текстовым или аудиальным рядом, социально значимые смыслы [Lazar, Wan 2022]. Новые гибридные продукты, создаваемые в новостных и социальных медиа, тиражируются, цитируются, подвергаются модификациям и ретекстуализируются (изображения, видео и вербальные тексты), масштабно и динамично на платформах социальных медиа. Этот процесс описывается метафорой «вирусного» распространения [Hansen 2011]. При этом референциальная специфика и межпрецедентные связи резонируют особому внутри различных типов дискурсивных сообществ. Наш анализ

опирается на ценности, разделяемые российскими Z-сообществами.

Метафора и прецедент в политическом дискурсе и дискурсе СМИ [Тамерьян 2016; Tameryan et.al. 2020] используется как один из наиболее частотных способов концептуализации мира, применяемый для обозначения и оценки социально весомых проблем [de Saint Preux, Blanco 2021; Budaev, Chudinov 2017]. В российской традиции прецедентные феномены рассматриваются в русле лингвокультурологической [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1998] и когнитивно-дискурсивной [Шимко, Борискина 2020; Нахимова 2018] традиций описания. В зарубежной лингвистике термин «аллюзия» охватывает весь круг разновидностей и вариативных репрезентаций прецедентных феноменов.

Исследование интертекстуальных аллюзий, включенных в другие контексты, по данным зарубежных исследователей, проецируют «общее» для аудитории и социальных ингрупп знание – когнитивную базу (по Д.Б. Гудкову) [Тамерьян 2007; Zappavigna 2022]. Отметим, что неявно обозначенные ссылки называются аллюзиями, полные – цитированием. Интертекстуальные предпосылки декодирования таких сообщений и их модус основаны на конкретных оценках социально-политических событий и разделяемых конкретным сообществом ценностях, обеспечивающих богатый инференциальный субстрат когнитивного взаимодействия. Вербальное воплощение таких ссылок варьируется от усеченных форм или измененных цитат и упоминаний имен до передачи общих шаблонов и паттернов, связанных с коммуникативными и прочими стереотипами [Thielemann 2020].

Поскольку новостной политический нарратив формирует неотъемлемую составляющую социополитической реальности, то в период с 2022 по 2025 годы его значимым аспектом стало освещение специальной военной операции в медиадискурсе и, в частности, сообщения о комплексах и системах вооружений, используемых российскими военными. Информация о типах вооружения его технических возможностях, ранее освещаемая только в специализированных военных СМИ, перешла в пространство новостного

нарратива и стала объектом лингвокреатива в аспекте сложных семиотических процессов.

Словесные названия российского оружия не вписываются в общую теорию ономастики, когда, как отмечает М.Э. Рут, в процессе именованя имеет место механическая перекаатегоризация «нарицательного имени в ранг собственного» [Рут 2003: 123]. Хремотонимы представляют собой единицы вторичной или непрямой номинации, ряд аспектов которой достаточно детально описан [Киосе 2015], и, тем не менее, сектор хремотонимов-названий российской военной техники до сих пор оказывался вне сферы исследовательского интереса.

Способы образования хремотонимов, к которым относятся названия предметов материальной культуры [СРОТ 2022] и, в частности, оружия, восходят к сложившейся традиции [Юдина, Фельдман 2019]. Хремотонимы-названия российской военной техники занимают промежуточную позицию между именами собственными, терминами и прозвищами. Во-первых, названия советской и российской техники вторичны по отношению к номенклатуре шифров научных и конструкторских разработок, во-вторых, они имеют полуофициальный статус номенклатур, используемых для широкого применения, в-третьих, выполняют эвфемистическую функцию в условиях боевых действий с целью препятствия декодированию военных онимов противником по отношению к конкретной ситуации. Отсюда вытекает четвертая особенность хремотонимов – широкая синонимия, включение в метафорические контексты и прецедентные связи.

Мы разделяем позицию А.В. Суперанской, которая выявляет общие признаки у онимов и терминологической лексики [Суперанская 2007: 32-36]. Вместе с тем, хремотонимы-названия военной техники сближаются по характеристикам с прозвищами, которые несут дополнительные смыслы, мотивированы, имеют дополнительные коннотации и ассоциации, являясь вторичными номенклатурными единицами. Для хремотонимов, актуализировавшихся в период специальной военной операции (СВО), не

характерна узкопрофессиональная привязка, – они интердискурсивны и широкоупотребительны в сетевой коммуникации и дискурсе СМИ. Обобщая признаки хрематонимов применительно к рассматриваемому материалу, отметим, что они представляют собой однословные лексемы, образованные лексико-семантическим способом на разных основаниях.

В качестве наиболее частотного способа именованя видов вооружения применяется аббревиатура полного его наименования или места производства, кодовое название научно-исследовательской или опытно-конструкторской разработки, название по литере серии или логике серии, когда номинация объектов каждого класса соотносится с определенной тематической областью. Так, например, самоходным артиллерийским установкам дается название по цветочной серии, средствам противовоздушной обороны – по речной серии или же путем трансонимизации в честь создателя вооружения. Кроме шифровых обозначений вооружение получает номенклатурную номинацию в соответствии с креативными представлениями его разработчиков.

В анализируемую группу попадают хрематонимы, образованные на основе метонимического или метафорического переносов, ассоциативной проекции, аллюзивных отсылок к широкоизвестным прецедентным феноменам, посредством апелляции к военному жаргону, и, наконец, путем использования закономерностей консонанса. Еще одну категорию названий можно отнести к разряду «конструкторы шутят». Все вышеназванные способы семантической деривации имен вооружения, используемых для полуофициальной идентификации объектов, обосновываются субъективными предпочтениями их создателей [Махниборода 2007].

Заголовок в российских новостных СМИ имеет сложное строение. Как правило, информационный материал структурируется вокруг заголовочного комплекса, состоящего из общего тематического заголовка, надзаголовка и подзаголовков или внутритекстовых заголовков. В цитируемых в главе фрагментах новостных сообщений сконцентрированы глубинные смыслы и

репрезентированы основные механизмы лингвокреативности с такими онимами российского вооружения, как «Герань», «Бал», «Тополь», «Тишина», «Буря», «Буратино», «Чебурашка» и «Периметр».

3.2. Репрезентация хремотонимов в новостном политическом нарративе

3.2.1. Лингвокогнитивный образ вооружения «Герань» в цифровом

пространстве

Наличие не только синонимов и иноязычных аналогов, категоризирующих принадлежность данного типа вооружения к определенному классу или подвиду (*беспилотник, дрон, шахед-136*), но также возникновение целого ряда экспрессивных языковых единиц наряду с уже имеющимся обозначением, которые наделяют военную технику определенными характеристиками и функциями, связывают ассоциативно, аллюзивно и метафорически с когнитивной базой российской культуры, определяют лингвокреативный ракурс в освещении информации о применении беспилотных летательных аппаратов «Герань» в цифровом пространстве: «иранец», «перс», *машина-камикадзе дрон-камикадзе, (летающий) мопед, (летающая) газонокосилка, цветок-беспилотник, (летающая) «балалайка» Путина, чудо-оружие, вундерваффе*¹².

¹² **Вундерваффе.** Вундерва́ффе (от нем. Wunderwaffe, букв. «чудо-оружие») – термин, введённый в оборот германским министерством пропаганды, как совокупное название ряда масштабных исследовательских проектов, направленных на создание новых видов вооружений (напр., крылатых ракет) либо создание новых единиц артиллерии и бронетехники, своими габаритами многократно перекрывающих даже уже созданные или ещё создающиеся образцы, то есть своего рода гонка вооружений в одном отдельно взятом государстве. Из немецкого пришло в русский язык и стало широко употребляться в художественной литературе и периодике с середины 1950-х годов, а в настоящий момент признано в качестве общеупотребимого иностранного заимствования. – Текст: электронный. – URL:[https:// ru.wikipedia.org/wiki/Вундерваффе](https://ru.wikipedia.org/wiki/Вундерваффе) (дата обращения: 25.07.2021).

Языковая игра с заменой референта-хремотонима на первичный референт-мотиватор при сохранении семантики новообразованного онима используется как универсальный прием метафорического переосмысления образа беспилотника *«Герань»* в современной ситуации.

«Герань» растет, цветет и пахнет.

До сих пор остается открытым вопрос о происхождении данной модификации беспилотников:

Где выросли «Герани» – можно только гадать. Одни СМИ пишут, что России давно доступна технология производства аналогов «Шахидов» и налажены сборочные линии. Западные СМИ указывают на участившиеся рейсы иранских рейсов с неизвестными грузами военного назначения (<https://rodinananeve.ru/geran-letyashhaya-na-krylyah-nochi/>).

«На Украине зацвела “Герань”»: у ВСУ аллергия. Смертельная» (https://tsargrad.tv/articles/naukrainezacvela-geran-u-vsua-allergija-smertelnaja_633117).

В приведенном выше примере заголовка информационного материала взаимодействуют сразу три вида метафор – флористическая, морбиальная и мортальная, выстраивая сложную семантику сообщения для читателя: началось применение российскими военными дронами *«Герань»* на Украине, исходя из чего можно предположить, что их эффективность и отсутствие адекватных средств ПВО у противника грозит последним серьезными последствиями.

«ВСУ в панике: “Трем топорам” запах “Герани” оказался явно не по вкусу» (<https://19rusinfo.ru/politika/21452-vsua-v-panike-trem-toporam-zapakh-gerani-okazalsya-yavno-ne-po-vkusu>).

«Распаковку» вынесенного в заголовок сообщения нужно начать с номинации *«Три топора»*: такое разговорное название получили американские гаубицы М777 по аналогии с известной маркой Портвейна 777,

который в народе именуется «Три семёрки», «Топорики», «Три топора»¹³. Перцепция флористической метафоры вооружения раскрывается через синестезию запаха и вкуса в цепочечной одористическо-густативной субмодели «запах → вкус».

Результаты мощного применения «*Герани*» против натовской техники представлены в следующем фрагменте:

В течение этого периода дроны-камикадзе нанесли сокрушительные удары по позициям «самой сильной армии Европы» в Николаевской, Одесской, Харьковской и Днепропетровской областях. С их помощью союзными войсками были уничтожены: бронетехника, САУ, буксируемая артиллерия, включая американские гаубицы М777, и портовый буксир в порту Очакова (<https://19rusinfo.ru/politika/21452-vsuv-panike-trem-toporam-zapakh-gerani-okazalsya-yavno-ne-po-vkusu>).

Тема происхождения российского беспилотника «*Герань-2*» репрезентирована посредством метафорической плантитативно-флористической оппозиции «рассада – букет» и метафоры родства:

«Персидская рассада или лицензионный букет?» (<https://rodinananeve.ru/geran-letyashhaya-na-krylyahnochi/>);

Российский ударный беспилотник «Герань-2», по мнению военных экспертов, – это брат-близнец иранского барражирующего снаряда Shahed-136. При этом причастность Ирана к появлению у российской армии грозных и эффективных БПЛА (беспилотных летательных аппаратов) отрицается;

<...> Когда по всему миру разошлись видео, как «Герани», похожие на «Шахидов», массово поражают цели в глубоком тылу и точно уничтожают военную инфраструктуру украинской армии, то сразу 22 страны заключили с Ираном контракты на поставки таких БПЛА (<https://tsargrad.tv/articles/na-ukraine-zacvela-geran-u-vsuv-allergija>

¹³ Портвейн 777. – Текст: электронный. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Портвейн_777 (дата обращения: 28.07.2021).

smertelnaja_633117);

*Оказалось, что Россия массово закупила беспилотниками **Shahed-136**, которые приняты на вооружение под названием «Герань-2» (<https://vm.ru/technology/1005112-roj-udarnyh-dronov-geran-2-pochemu-vsu-ne-spravlyayutsya-s-rossijskimi-bespilotnikami>).*

Персонификация беспилотника как девушки до замужества репрезентирована генетической метафорой «девичья фамилия», экстраполированной на обнаружение оригинала российского дрона:

*«Герань-2», в девичестве **Shahed-136** (<https://vm.ru/technology/1005112-roj-udarnyh-dronov-geran-2-pochemu-vsu-ne-spravlyayutsya-s-rossijskimi-bespilotnikami>).*

Мотивационные семы «полной зачистки, уничтожения» после применения газонокосилки и «громкого тархтяще-воющего звука» мопеда послужили основаниями для метонимических переносов по типу механистической метафорической модели. Так, дрон «Герань» стали называть *газонокосилкой* и *мопедом*:

После атаки на Крымский мост российская армия начала серию массированных ударов по энергосистеме и военным объектам Украины, в ходе которых активно применялись беспилотные летательные аппараты (БПЛА), в том числе дроны-камикадзе «Герань-2». Из-за характерного звука, который они издают во время полета, их называют «мопедами» или «газонокосилками» (<https://vm.ru/technology/1005112-roj-udarnyh-dronov-geran-2-pochemu-vsu-ne-spravlyayutsya-s-rossijskimibespilotnikami>).

Продолжается «расследование» происхождения беспилотника в нарративном фрагменте под названием «*Откуда крылья растут?*»:

*На самом деле наша «Герань» – это, по оценкам экспертов, копия очень удачного иранского беспилотника «Шахед». А тот, в свою очередь, – гибрид сразу двух самых раскрученных западных ударных беспилотников – американского **Predator** и израильского **Hermes** (<https://www.kp.ru/daily/27459/4664004>).*

В заголовке обыгрывается разговорная фразема (*выяснить*) *откуда ноги растут* в значении «узнать первопричину, первоисточник чего-либо». Субституируется компонент *ноги*¹⁴ на лексему *крылья*, посредством которой проводится аналогия между крыльями беспилотного летательного аппарата и крыльями птицы, формируя орнитологическую метафору.

В политическом новостном нарративе обсуждаются версии происхождения, но также рассчитывается примерная стоимость беспилотника. В подзаголовке «*Почем «цветы»?*» используется характерный прием метафорической субституции вторичного референта на первичный:

*Какой только чепухи о стоимости «Герани» не пишут в соцсетях. <...> Чувствуется почерк провокаторов, – смотрите, мол, в какие денежки «игрушка» обходится российским налогоплательщикам. <...> Знающие военспецы лишь намекают, мол, ну сколько может стоить, хороший **мопед** или **легкий мотоцикл** с движком (как у «Герани») в 50 лошадей? Ну, 1 миллион рублей, ну пусть даже 1,5 миллиона. Добавьте стоимость горючего, пусковой установки, системы наведения и боеприпаса. И вы будете близки к **\$30 тысячам** (<https://www.kp.ru/daily/27459/4664004/>).*

Метафора *игрушка* синергирует два смысла: с одной стороны, это качественно сделанный, эффективно применяемый малогабаритный летательный аппарат, с другой, – дорогостоящее обслуживание техники, за которое приходится платить российским налогоплательщикам.

Резиденциальная метафора *прописка* в заголовке к следующему фрагменту информационного нарративного сообщения апеллирует к месту постоянного применения беспилотников «*Герань*» в военной ситуации: «*На что способны персидские беспилотники с русской **пропиской** в украинских степях*»:

Что касается ударного потенциала «самого опасного и

¹⁴ *Выяснить, откуда ноги растут*. Нов., разг. «Понять истину во всей её конкретности, суровой и неприкрытой реальности». НРЛ-89, 2001. – С. 68. – Текст: электронный. – URL: <https://iling.spb.ru/publications/2005> (дата обращения: 28.07.2021).

эффективного» *иранского беспилотного летательного аппарата*, в его значительности в конце сентября смогли воочию убедиться украинские адмиралы, командующие жовто-блакитным надувным и буксирным флотом (<https://19rusinfo.ru/politika/21452-vsuvpanike-trem-toporam-zapakh-gerani-okazalsya-yavno-ne-povkusu>).

Инфернальная метафора *ада* демонстрирует мощь и разрушительную силу беспилотников:

Последние несколько недель специальной военной операции по демилитаризации и денацификации «территории 404» прошли под знаком иранских беспилотных летательных аппаратов, выполнявших боевую миссию вдоль всей многокилометровой линии соприкосновения и устроивших кромешный ад для полученной от коллективного Запада военной техники (<https://19rusinfo.ru/politika/21452-vsuvpanike-trem-toporam-zapakh-gerani-okazalsya-yavno-ne-povkusu>).

Комментируя информационному агентству «SM-News» применение дронов «Герань-2» на Украине, Владислав Шурыгин отметил, что

«<...> ситуация в воздухе в рамках СВО существенно изменилась. Причиной является применение беспилотников «Герань-2». Владислав Шурыгин подчеркнул – использование иранских дронов доказало, что у Киева нет нормальной системы ПВО. Беспилотники сложно отслеживать и сбивать. Теперь Украина готова получить в качестве военной помощи любые системы ПВО, однако «проклятие Герани» никуда не денется» (<https://sm.news/voennyj-ekspert-shurygin-rasskazal-o-proklyatii-gerani-71503-uzt5/>).

Использование широко распространенного шаблона для названий литературных и кинематографических произведений в жанре хоррора (англ. *horror* «ужас, страх») «Проклятие кого-то / чего-то» – «Проклятие гробницы

фараона» Роберта Стайна¹⁵, «Проклятие мумии» Рассела Малкэхи¹⁶, «Проклятие мумии», «Проклятье фараона», «Проклятье Осириса» Натальи Александровой¹⁷, «Тутанхамон: Проклятие гробницы» Рассела Малкэхи¹⁸, «Проклятие мумии, или Камень Семи Звезд» Брэма Стокера¹⁹ и др. – задействовано в вышеприведенном отрывке. По легенде проклятие смерти настигает того, кто прикасается к могилам царских особ и мумиям Древнего Египта²⁰. Лексическая субституция в данном маледиктивном метафорическом паттерне акцентирует неотвратимое последствие применения дрона – *«проклятие Герани»*.

В качестве варианта прецедентного названия зафиксировано *«проклятие ВСУ»*:

Недорогой, но очень гибкий в применении и исключительно мощный иранский дрон, получивший в русской армии название «Герань-2», имеет все шансы превратиться в проклятие ВСУ, лишив их и передового западного оружия, и тыловых складов (https://tsargrad.tv/articles/na-ukraine-zacvela-geran-uvsu-allergija-smertelnaja_633117).

Продолжение темы ужасов, только уже не в стиле фэнтези, а реализма вызвало применение дронов *«Герань»*:

¹⁵ Проклятие гробницы фараона. Роберт Стайн. – Текст: электронный. – URL: <https://www.livelib.ru/book/1000000440-proklyatie-grobnitsy-faraona-r-l-stajn> (дата обращения: 30.09.2021).

¹⁶ Проклятие мумии. – Текст: электронный. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Проклятие_мумии (дата обращения: 30.07.2021).

¹⁷ Александрова Наталья Николаевна. – Текст: электронный. – URL: (<https://ast.ru/authors/aleksandrova-natalya-nikolaevna-000000302/>) (дата обращения: 30.07.2021).

¹⁸ Тутанхамон: Проклятие гробницы. Рассел Малкэхи. – Текст: электронный. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Тутанхамон:_Проклятие_гробницы– (дата обращения: 30.07.2021).

¹⁹ Проклятие мумии, или Камень Семи Звезд. Брэм Стокерер. (<https://www.livelib.ru/book/1000312232-proklyatie-mumii-ili-kamen-semi-zvezd-brem-stoker> (дата обращения: 30.07.2021).

²⁰ Проклятие фараонов. – Текст: электронный. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Проклятие_фараонов#История (дата обращения: 30.07.2021).

Рис. 15. Мопед! Ховайтесь!

(<https://aif.ru/politics/world/-hovaytes-hlopcy-eto-russkie-odin-moped-slil-v-unitaz-celyu-ocean>).

Оппозитивная модель «*небольшой апокалипсис* – трагедия», реализуемая посредством метафорического оксюморона *небольшой апокалипсис* иронично акцентирует масштабы «панических» реакций украинцев по сравнению с трагизмом бедствий в самоопределившихся регионах:

*<...> когда по украинской инфраструктуре во всех областях и на линии фронта были нанесены массированные удары **БПЛА-камикадзе**, областных центрах Украины началась паника <...>. Впервые украинцы прочувствовали на себе, что такое *небольшой городской апокалипсис*. Те из них, кто одобрял и поддерживал своих украинских боевиков, или был равнодушен к происходящим каждый день <...> **трагедиям** в Донецке и Луганске, Ясиноватой и Стаханове, Горловке и Первомайске, вдруг полноценно ощутили, каково жить под ракетами и снарядами, в огне бесконечных пожаров, без света, связи и воды* (<https://rodinananeve.ru/geran-letyashhaya-na-krylyah-nochi/>).

«*Герань*», *летающая на крыльях ночи*» (<https://rodinananeve.ru/geran-letyashhaya-na-krylyah-nochi/>): так назван новостной нарратив о том, что

противовоздушная оборона Украины не справилась с нагрузкой, в то время как российские беспилотники достигли стратегических целей. Заголовок послужил мрачной аллюзией на «Чёрный Плащ»²¹, американский мультсериал, созданный компанией Уолта Диснея (Darkwing Duck «Тёмнокрылая утка»), главный герой которого – нелепый Чёрный Плащ, он же Кряк Лапчатый, говорит:

Я ужас, летящий на крыльях ночи! ...

Я бомба, обрушившаяся на ваши головы!!!...

Я десница судьбы!...

Я страх, трепещущий в ночи!

Я Чёрный Плащ!

Я десница судьбы!

Все негодяи, готовьте гробы!..²²

«Цветочная» тема в современном Z-сообществе приобрела особую популярность. Писатель Захар Прилепин заметил, что если бы Украина согласилась на мирные условия России, то ей не пришлось бы столкнуться с цветением «Герани». «Мода на “Герань”» вдохновила российских поэтов и художников: новому российскому оружию стали посвящать стихи, анекдоты, демотиваторы и весёлые картинки (<https://deita.ru/article/525446>).

²¹ Чёрный Плащ. Википедия. – Текст: электронный. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Чёрный_Плащ (дата обращения: 04.08.2021).

²² Я ужас, летящий на крыльях ночи. – Текст: электронный. – URL: <https://humor.rin.ru/cgi-bin/show.pl?razdel=55&anekdot=347/> (дата обращения: 04.08.2021).

Рис. 16. ГЕРАНЬ 2022

(<https://ok.ru/group53666832253080/topic/154945475128728>).

Субституция референта вторичной номинации «*Герань*» на референт апеллятива *герань* стала характерной игровой стратегией в медийном дискурсе.

Поэт, переводчик и публицист И.А. Караулов²³ выстраивает образно-метафорический ряд актуальных цветочных номинаций дрона / «мопеда» – *герань* («*Герань-2*»), *персидская сирень* (первая модель дронов – «*Шахед - 36*»), и иронизирует над гипотетически возможными номенклатурами цветочной серии – *аспидистра*, *традесканция* и *гладиолус*. Соответственно, *цветоводы*, *флористы* и *дети цветов* – это те, кто сражается за денацификацию Украины.

Вот так цветочный мотив представлен в стихотворении Игоря Караулова:

*Нам идти и идти до победы,
много силы ещё у врага,
но смотрите, как наши **мопеды**
распрямляют кривые рога.*

²³ Игорь Александрович Караулов. Википедия. – Текст: электронный. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Караулов,_Игорь_Александрович (дата обращения: 04.08.2021).

*От сержанта почти до министра
каждый третий у нас **цветовод**.
То **герань**, то вообще **аспидистра**
над землёй свою песню поёт.
Пусть осенние дни всё серее,
но **душа расцветает в бою**.
Может быть, и **персидской сирени**
будет место в армейском строю.
Настроение мрачное выкинь,
нынче места унынию нет.
Самый модный **флорист Суровикин**²⁴
составляет **ударный букет**.
Вот по небу летит **традесканция**,
гладиолус к атаке готов.
Неизбежна **денацификация**,
потому что мы **дети цветов***
(<https://aftershock.news/?q=no. de/1171367&full>).

Метафорический перенос с первичного референта на вторичный «**Герань**» – *герань*, и его генерализованный вариант *беспилотник* – *цветок* стали стереотипными образами для российского общества, поддерживающего операцию по освобождению Украины от нацизма. Писатель, поэт, журналист и редактор Александр Пелевин²⁵ воплощает в «цветочной» поэтической тематике мечтания обыкновенной герани в доме на подоконнике, персонифицирующей себя как грозное оружие:

²⁴ Сергей Владимирович Суровикин – российский военачальник, главнокомандующий Воздушно-космическими силами Российской Федерации с 31 октября 2017 года. Герой Российской Федерации (2017), генерал армии (2021). Герой ЛНР. – Текст: электронный. – URL: https://wiki2.org/ru/Суровикин,_Сергей_Владимирович (дата обращения: 04.08.2021).

²⁵ Александр Пелевин. Википедия. – Текст: электронный. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пелевин,_Александр_Сергеевич (дата обращения: 04.08.2021).

*Я из окна смотрю на домики,
Зачем проснулся в эту рань?
Герань стоит на подоконнике,
Обыкновенная герань.
Ей снится, что она **железная**,
И тарахтит её мотор,
И вот она плывёт над бездною
В небесный сказочный простор.
А спартачам продули конюхи²⁶,
А раньше им продул Зенит.
Герань стоит на подоконнике,
Ей снится, что она летит.
И в этом сне она укутана
Персидским сказочным ковром,
И вот летит: то там, то тут она,
То через пули напролом.
Собрали мужикам на **броники**²⁷,
Пока цветочек тихо спит.
Герань стоит на подоконнике,
Ей снится, что она **шахид** (<https://author.today/post/313699>).*

Период исторических сломов и глобальных перемен знаменуется реакцией общества на происходящие события. Остроумное комментирование действительности доведено до гротеска и абсурда в анекдоте от Андрея

²⁶ Как футболисты ЦСКА стали «конями». Газета «Труд». – Текст: электронный. – URL: https://www.trud.ru/article/28-10-2017/1355829_kak_futbolisty_tsska_stali_konjami.html#:~:text=%20Откуда%20пошло%20прозвище%20«кони»,улице%20Песчаной%20раньше%20располагались%20конюшни (дата обращения: 20.02.2022).

²⁷ Броник, разг. бронезилет. – Текст: электронный. – URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/броник> (дата обращения: 16.02.2022).

Норкина²⁸, ведущего телепрограммы «Место встречи», героями которого стали Фрекен Бок и Малыш из мультипликационного фильма «Карлсон вернулся» по мотивам одноимённой сказки Астрид Линдгрен²⁹:

Фрекен Бок: *Скажи мне, милый ребёнок, в какой области у меня жужжит?*

Малыш: ***В Винницкой.***

Фрекен Бок: *А вот и не угадал, у меня жужжит во всех областях* (https://www.smi.today/ru_smi/2295780-andrejj-norkin-podaril.html).

Как пояснил сам Андрей Норкин, «**Жужжит** – потому что мы сейчас активно используем эти **беспилотники** <...>. Всё дело в том, что «**Герани**» при полёте издают характерный звук жужжания, из-за этого **беспилотники-камикадзе** даже прозвали «**летающими мопедами**». Так злободневно обыгрывается жужжание моторчика любимого персонажа Карлсона.

После массированных ударов беспилотных летательных аппаратов «Герань-2», которые проблематично засечь на радарх, потому что системы обнаружения и мониторинга не отличают их от птичьих стай или иных объектов, НАТО безуспешно пытается обеспечить Украину сколько-нибудь действенной системой защиты от подобного рода воздушных атак. Такая ситуация в народном творчестве последнего периода остроумно облеклась в форму реплики российской военной администрации относительно провала планов НАТО в отношении России. Энантисемиа смыслового посыла зачина многих детских песенок («*Тут цветочек, там цветочек. Я плету себе*

²⁸ Андрей Владимирович Норкин. Википедия. – Текст: электронный. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Норкин,_Андрей_Владимирович (дата обращения: 20.02.2022).

²⁹ Карлсон вернулся. Википедия. – Текст: электронный. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Карлсон_вернулся (дата обращения: 20.02.2022).

*веночек*³⁰) трансформировалась в «похоронный» рефрен в прагматике модифицированного высказывания:

Министерство обороны и Военно-промышленный комплекс РФ (мурлыча под нос): «Тут цветочек, там цветочек. НАТО, мы плетём веночек...» (<https://peremogi.livejournal.com/63555211.html>).

3.2.2. Лингвокогнитивный образ вооружения «Бал»

Технические характеристики берегового ракетного комплекса «*Бал*» таковы, что он в течение полутора минут выпускает одним залпом 32 ракеты, имея такое же количество ракет в боезапасе. Неофициальное название «Мобильный береговой ракетный комплекс» (БРК) получил в соответствии с традицией, сложившейся у военных изобретателей и инженеров, номинировать вооружение исходя из шифра или аббревиатуры полного наименования военно-технической разработки, то есть по литере модификации, в данном случае, букве «Б». Поскольку «отечественное оружие делают гении с душой поэтов» (<https://aif.ru/society/army/38086>), в приводимом ниже фрагменте посредством оксюморона *страшно весело* демонстрируются оппозитивные реакции «весело – страшно» на запуск ракет комплекса «*Бал*»:

<...> будет *страшно весело*. То есть нам *весело*, а потенциальному агрессору – *страшно* (<https://aif.ru/society/army/38086>).

Ассоциативная семантика хремотонима «*Бал*» – *танцы, взрывы петард, вспышки фейерверков, огни, дым, трагические ситуации, связанные с использованием пиротехники* – вызывает соответствующие аналогии в жанре чёрного юмора:

«После залпа, все точно танцевать начинают; в дыму и огне; танцы до головокружения»

³⁰ Я плела себе веночек. Тут цветочек, там цветочек. Лилия Харитонова. – Текст: электронный. – URL: Стихи.ру. <https://stihi.ru/> (дата обращения: 20.02.2022).

(https://www.tiktok.com/@mi_kovtyn/video/6927569911283764482?is_from_webapp=v1&item_id=6927569911283764482).

Приведенный фрагмент допускает разную интерпретацию сходства между многовариантной ситуацией бала и последствиями применения одноименного ракетного комплекса. Межпрецедентная игра используется как способ акцентирования дифференциальных прецедентных признаков имени «Бал». Так, поверхностные связи с прецедентным текстом Л.Н. Толстого «После бала»³¹ обыгрываются в подзаголовке новостного политического нарратива «После “Бала”» (<https://tj.sputniknews.ru/20200321/rossiyskiy-beregovoy-raketnyykompleks-BAL-1030925381.html>), предопределяя прагматический эффект говорящего названия мобильного комплекса в случае его применения.

Заголовок новостного материала «С корабля на “Бал”: на что способен российский береговой ракетный комплекс» (<https://tj.sputniknews.ru/20200321/rossiyskiy-beregovoy-raketnyy-kompleks-BAL-1030925381.html>10:11) восходит к прецедентному высказыванию из романа «Евгений Онегин» А.С. Пушкина:

«И путешествия ему, // Как всё на свете, надоели, // Он возвратился и попал, // Как Чацкий, с корабля на бал» (гл. 8, строфа 13)³², которое, в свою очередь, выводит источник прецедентной ситуации и имени – комедию А.С. Грибоедова «Горе от ума»³³.

Аттрактивность заголовка обеспечивается приемом переноса контекстуального фокуса с референта *корабль* как средства передвижения на денотативное значение *корабля* как судна, вооруженного военной техникой, для защиты национальных интересов страны в первом компоненте крылатого выражения «с корабля на бал» и включения хремотонима «Бал» позитивно

³¹ Л.Н. Толстой. «После бала». Библиотека Алексея Комарова. – Текст: электронный. – URL: <https://ilibrary.ru/text/1005/p.1/index.html> (дата обращения: 16.02.2022).

³² А.С. Пушкин. Роман в стихах «Евгений Онегин». Глава VIII. Строфа XIII. – Текст: электронный. – URL: <http://www.poetry-classic.ru/8-13.html> (дата обращения: 21.02.2022).

³³ А.С. Грибоедов «Горе от ума». Библиотека Алексея Комарова. – Текст: электронный. – URL: <https://ilibrary.ru/text/5/p.1/index.html> (дата обращения: 21.02.2022).

маркированный ассоциативный ряд: *бал* – это торжество, парад 9 мая в честь Дня Победы, во время которого БРК «*Бал*» впервые проехал по Красной площади в составе механизированной колонны.

Языковая игра с номинациями российского оружия в прецедентных высказываниях служит одним из наиболее действенных способов привлечения внимания аудитории к тексту новостного нарратива. Так, обозреватель еженедельника «Звезда» Александр Хохлов сообщение об усилении российских войск береговой обороны современными системами «*Бал*» и «*Бастион*» озаглавил:

«Бастион» там правит «Бал»: никакой враг не сможет подобраться к берегам России» (<https://tvzvezda.ru/news/201806211154-byo3.htm>).

«*Бастион*» – это стационарный береговой ракетный комплекс, получивший свое словесное название по ярко выраженным техническим характеристикам: онимизация апеллятива *бастион* осуществилась на основе переносного значения «падежная опора, защита; оплот»³⁴:

<...> в Балтийском море угрозу для ВМС США представляют российские противокорабельные крылатые ракеты, базирующиеся на береговой линии. «Бастион» может <...> наносить точные удары по любой цели от Калининграда до берегов Швеции. <...> американские авианосцы классов Nimitz и Gerald R. Ford стали слишком уязвимы для ведения боевых действий. <...> Сумевшие прорваться корабли будут добиваться дозвуковыми ракетами X-35 (различных модификаций) тактического комплекса «Бал» (<https://tvzvezda.ru/news/201806211154-byo3.htm>).

Таким образом, ракетные комплексы «*Бастион*» и «*Бал*» обеспечивают надёжную защиту с берега обширных акваторий от надводных корабельных сил предполагаемого агрессора, что акцентируется трансформированной строкой «*Сатана там правит бал!*» в куплетах Мефистофеля из оперы Гуно

³⁴ Бастион. Т.Ф. Ефремова. Новый словарь русского языка. – Текст: электронный. – URL: <https://www.efremova.info/word/bastion.html#.Y4DtTprP2K8> (дата обращения: 25.10.2022).

«Фауст» (перевод П.И. Калашникова)³⁵.

Песню «Балаклава» рэпера Нискубы (Александра Нискубина)³⁶ сопровождает визуальный ряд демотиватора БРК «Бал» от лица механика-водителя комплекса:

«Захожу на **бал**, на мне **балаклава**. В руке *Ballantine's* (Баллантайнс), на теле *Balenciaga* (Баленсиага)» (https://www.tiktok.com/@mi_kovtyn/video/6927569911283764482?is_from_webapp=v1&item_id=6927569911283764482).

Очевидна контрадикция видеофрагмента о подготовке ракетного комплекса к выполнению боевой задачи и бессмысленного времяпрепровождения «золотой» молодежи, которой посвящена песня, – «В руке *Ballantine's*, на теле *Balenciaga*»). Первая строка песни – «Захожу на **бал**, на мне **балаклава**» – интерпретируется как контекстуально омонимичное высказывание: персонаж рэпа, заходящего на реальный бал, чтобы поразвлечься, а герой демотиватора – на ракетный комплекс «Бал», чтобы отправиться на патрулирование береговой зоны РФ.

Полное совпадение семантики лексемы *балаклава* обусловлено универсальностью использования данного головного убора. *Балаклава* – маска с отверстиями для глаз и носа – была придумана британскими солдатами во время Крымской войны зимой 1854-1855 годов, когда они мерзли под городом Балаклавой³⁷. Этот аксессуар стал ультрамодным головным убором после показа в коллекции Gucci.

Лексема *балаклава*, этимологически восходящая к топониму Балаклава, отсылает не только к истории, но и ассоциируется с недавними событиями, происходившими в Балаклавском районе – атакам украинских беспилотников

³⁵ Куплеты Мефистофия. Википедия. – Текст: электронный. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Куплеты_Мефистофеля (дата обращения: 25.10.2022).

³⁶ Рэпер Нискубы (Александр Нискубин). – Текст: электронный. – URL: <https://steermen.ru/niskuba/> (дата обращения: 25.10.2022).

³⁷ Балаклава. Википедия. – Текст: электронный. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Балаклава_\(головной_убор\)#Балаклава_и_терроризм](https://ru.wikipedia.org/wiki/Балаклава_(головной_убор)#Балаклава_и_терроризм) (дата обращения: 25.10.2022).

23 ноября 2022 года, целью которых было поражение Балаклавской теплоэлектростанции.

Губернатор Севастополя Михаил Развожаев полагает, что вооруженные силы Украины намеревались приурочить атаку дронов, которая была отбита при попытке приближения к объекту, «к событию семилетней давности, когда была взорвана линия электропередачи в Херсонской области, в результате чего в Крыму отключилось электричество» (https://lenta.ru/news/2022/11/23/sevastopol/?utm_source=24smi&utm_medium=exchange&utm_term=19414&utm_content=45500653&utm_campaign=17734&es=24smi&utm_referrer=ex.24smi.info). Таким образом, деонимизированный в середине XIX века топоним Балаклава послужил аллюзией на актуальные события, связанные с данной местностью.

3.2.3. Лингвокогнитивные образы вооружений «Тишина» и «Буря»

В публикации «Зловещая *“Тишина”*» под рубрикой «*“Тишина” после “Бури”*» (<https://warspot.ru/20250-zloveschaya-tishina>) представлен обзор советского и российского оружия, комплексов и систем, появившихся в период холодной войны, модифицированные варианты которых сохраняются на вооружении в РФ в настоящее время. Гранатометный комплекс *«Тишина»*, стреляющий бесшумными гранатами, получил такое название на базе функциональных характеристик вооружения в результате омонимизации апеллятива *тишина*, что обусловлено ассоциативным фоном, обладающим значительным потенциалом прироста смыслов. Так, художественным воплощением бесшумного автоматного-гранатометного комплекса *«Тишина»* и идеологическим ответом США периода гонки вооружений была песня Э. Колмановского на стихи Е. Евтушенко «Хотят ли русские войны?» в исполнении Марка Бернеса³⁸.

³⁸ Хотят ли русские войны? Википедия. – Текст: электронный. – URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Хотят_ли_русские_войны#:~:text=«Хотят%20ли%20русские

Дальнейшее осмысление прецедентного онима «*Тишина*» связано со спектаклем «*Дальше – тишина...*» по пьесе В. Дельмар «Уступи место завтрашнему дню» театра имени Моссовета, где в 1982 на сцену в последний раз вышла великая Фаина Раневская. Постановка продолжает и сейчас успешно идти уже на сцене Малого театра³⁹. Дальше, после применения такого оружия, – безмолвие и небытие..., «*Зловещая «Тишина»*».

Бесшумный и беспламенный гранатомет-карабин «*Буря*» был разработан для обеспечения скрытности применения. Внутренний заголовок информационно-аналитического фрагмента нарратива «*Тишина*» после «*Бури*» (<https://warspot.ru/20250-zloveschaya-tishina>) о двух бесшумных видах вооружения «*Тишина*» и «*Буря*», которые обладают однофункциональными характеристиками, но названы на разных основаниях: если базовые признаки комплекса «*Тишина*» эксплицированы посредством выделения ядерной семы соответствующего апеллятива, то семантика хремотонима «*Буря*» имплицитна и ассоциативна по отношению к апеллятиву *буря*: это разрушительные последствия, бесшумную причину которых противник не услышит.

Устойчивый гештальт *буря* аккумулирует широкий спектр классических прецедентов: это и название стихотворения А. Фета «После бури», и картина И. Шишкина «После бури. Мери-Хови», и трагикомедия У. Шекспира «Буря», и строки М. Горького «Буря! Скоро грянет буря!» из «Песни о Буревестнике» и, конечно, пушкинский «Зимний вечер» (*Буря мглою небо кроет, Вихри снежные крутя*).

%20войны»%20—,в%201961 %20году%20Марком%20Бернесом (дата обращения: 30.11.2022).

³⁹ «Дальше – тишина». История последнего спектакля с Фаиной Раневской. Культура. – Текст: электронный. – URL: ([https:// www.mos.ru/news/item/82865073/](https://www.mos.ru/news/item/82865073/)) (дата обращения: 30.11.2022).

3.2.4. Лингвокогнитивный образ вооружения «Тополь»

Модернизированный подвижный ракетный комплекс «Тополь» относится к так называемой древесной номенклатурной серии. Длина корпуса системы составляет около 23 метров, диаметр почти 2 метра, а в соответствии с тактико-техническими характеристиками старт ракеты осуществляется из вертикального положения. Таким образом, очевиден метонимический перенос по форме и размерам, поскольку тополя – это крупные деревья, достигающие 60 метров, которые растут оптимально вертикально. «Тополь – это русское дерево, долговечное и упертое. Именно эти свойства у дерева и взяты» (<https://www.1tv.ru/shows/dobroe-utro/syuzhet-dnya/topolya-na-strazhe>). Ракетный комплекс «Тополь» метафоризируется как «Дерево» на страже России.

Рис 18. ТОПОЛЬ–М, и земля будет пухом
(<https://fishki.net/1320430-topol-m.html/comment-9406101>).

«Тополь» признан самым мощным ядерным оружием в мире, иллюстрирует демотиватор в жанре черного юмора:

Фразе «Пусть земля тебе будет пухом!» в качестве речевой формулы принято обращаться усопшему. Эта традиция связана с латинской эпитафией «*Sit*

tibi terra levis»⁴⁰, что дословно означает «Пусть земля тебе будет легкой». В надписи под демотиватором, пожелании уходящему в «последний путь», в русском переводе – «Пусть земля тебе будет пухом!» – обыгрываются оба значения лексемы *пух* «тоненькие волоконца на растениях, плодах» [МАС 1983: 566].

Благодаря широкому ассоциативному контексту хрематонима «Тополь» в материалах цифровых медиа обыгрывается прецедентная связь со строками популярной эстрадной песней шестидесятых годов прошлого века «Тополя»⁴¹:

*Тополя, тополя, мы растем и старимся,
Но, душою любя, юными останемся,
И, как в юности, вдруг **вы уроните пух**
На ресницы и плечи подруг.
Тополя, тополя, в город мой влюбленные,
На пути - деревца, деревца зеленые.
Беспокойной весной вы **шумите листвой**,
И не спится вам вместе со мной.*

Так, например, в заглавии новостного сообщения «Отшумели “Тополя”». Уникальные баллистические ракеты отправляются на покой» (<https://tass.ru/opinions/12074945>), где сообщается о том, что в 2024 году истек срок эксплуатации межконтинентальной баллистической ракеты МБР «Тополь», которая будет заменена на более современный комплекс, прослеживается аллюзия на текст приведенной выше песни.

Устойчивые реминисценции названий стрелкового комплекса «Тишина»

⁴⁰ SIT ILLI TERRA LEVIS. Словарь латинских пословиц. – Текст: электронный. – URL: <https://classes.ru/all-latin/dictionary-latin-russian-proverb-term-2314.htm> (дата обращения: 20.04.2022).

⁴¹ Тополя. Слова Г. Колесникова, музыка Г. Пономаренко. – Текст: электронный. – URL: <http://teksty-pesenok.pro/18/Topolya-v-gorod-moy-vlyublennye/tekst-pesni-minus> (дата обращения: 20.04.2022).

и подвижного ракетного комплекса «Тополь» к персонифицированным *тополям* и *тишине* из песни Марка Бернеса «Хотят ли русские войны?» в материалах новостного политического нарратива предоставляют интердискурсивное осмысление создания вооружения в российской гуманистической ментальности:

*Хотят ли русские войны?
Спросите вы у тишины
Над ширью пашен и полей,
И у берёз и тополей.
Спросите вы у тех солдат,
Что под берёзами лежат,
И вам ответят их сыны –
Хотят ли русские,
Хотят ли русские,
Хотят ли русские войны!*⁴²

3.2.5. Лингвокогнитивные образы вооружений «Буратино» и

«Чебурашка»

Тяжелая огнемётная система получила забавное название «*Буратино*» в честь героя сказки А.Н. Толстого «Приключения Буратино, или Золотой ключик» (1936 г.)⁴³, поскольку детонатор в носовой части снаряда сначала проходит через его разрушенный корпус, и только тогда воспламеняется и

⁴² Е. Евтушенко. «Хотят ли русские войны?». – Текст: электронный. – URL: <https://www.culture.ru/poems/26580/khotyat-li-russkie-voiny> (дата обращения: 20.04.2022).

⁴³ А.Н. Толстой. Приключения Буратино, или Золотой ключик. – Текст: электронный. – URL: <https://deti-online.com/skazki/skazki-tolstogo/zolotoi-klyuchik-ili-priklyuchenija-buratinov/?reader=1> (дата обращения: 20.04.2022).

взрывается, удлиняясь постепенно подобно носу завравшегося... Пиноккио. Итогом креативного процесса номинирования становится контаминация образов *Буратино* и *Пиноккио*, персонажа сказки Карло Коллоди «Приключения Пиноккио. История деревянной куклы» (1883 г.)⁴⁴: прецедентный признак одного персонажа закрепляется за его прототипом. Аналогия с гибридным набором прецедентных признаков деревянных кукол, остроумно подмеченная в конструкции российского оружия, сформировала ряд устойчивых ассоциаций с художественными воплощениями отечественного персонажа:

Скажите, как его зовут?

Самый мощный огнемет в мире?

«Буратино»! (<https://aif.ru/society/army/38086>);

А теперь вспомните милую песенку из советского фильма, особенно строчки «он очень скоро будет тут, скажите, как его зовут». Не правда ли, они заиграли новыми красками? (<https://aif.ru/society/army/38086>).

Приводимые ниже строчки из песни «Буратино» на стихи Булата Окуджавы и Юрия Энтина на музыку Алексея Рыбникова к кинофильму «Приключения Буратино» (1975 г.)⁴⁵ стали источником многих аллюзий:

Кто доброй сказкой входит в дом?

Кто с детства каждому знаком?

На голове его колпак,

Но окопачен будет враг,

Злодеям он покажет нос

И рассмешит друзей до слез,

⁴⁴ Карло Коллоди. Приключения Пиноккио. История деревянной куклы. – Текст: электронный. – URL: <https://deti-online.com/skazki/sbornik-skazok/priklyucheniya-pinokkio-istoriya-derevyannoy-kukly/?reader=1> (дата обращения: 20.04.2022).

⁴⁵ Буратино. Стихи Б. Окуджавы, Ю. Энтина, музыка А. Рыбникова к кинофильму «Приключения Буратино», 1975 г. – Текст: электронный. – URL: https://pesni.retroportal.ru/deti/pesenska_buratiно.html (дата обращения: 20.04.2022).

*Он очень скоро будет тут,
Скажите, как его зовут?
Бу! Ра! Ту! Но!
Буратино!*

Весьма показательны и параллели, которые разворачиваются на основе метафоризации героя сказки Буратино и тяжелой огнемётной системы «Буратино»:

*«Но околпачен будет враг,
Злодеям он покажет нос».*

«Чебурашка»

Название тяжелой огнемётной системы «**Чебурашка**»⁴⁶ появилось в прессе в 2015 году как ложное прецедентное имя, субститут реального наименования огнемёта «**Буратино**». Украинский военачальник Андрей Лысенко «начав описывать якобы использующуюся технику, попросту перепутал имена двух сказочных персонажей. На самом деле он хотел сказать о ТОС-1 “**Буратино**”» (<https://www.kolesa.ru/article/plamja-i-pepel-tos-buratinno-i-solncerpjok-2015-01-17>). По его словам, разведка зафиксировала в войсках ополченцев один из тяжелых огнемётов российского производства, «он называется... “**Чебурашка**”, кажется...» (<https://www.kolesa.ru/article/plamja-i-pepel-tos-buratinno-i-solncerpjok-2015-01-17>).

Тем не менее, реактивная система залпового огня с забавным именем «**Чебурашка**» была создана в условиях гражданской войны в Донецкой народной республике и впервые применена в 2018 году во время боевых

⁴⁶ Чебурашка. «Чебурашка» – кукольный мультипликационный фильм, поставленный Романом Качановым по мотивам книги Эдуарда Успенского «День рождения Крокодила Гены» и выпущенный киностудией «Союзмультфильм» 6 июня 1971 года. – Текст: электронный. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Чебурашка_\(мультфильм\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Чебурашка_(мультфильм)) (дата обращения: 20.04.2022).

действий. *«Возможно, весьма странное для оружия названия появилось благодаря пресс-секретарю украинского Минобороны Андрею Лысенко»* (https://aif.ru/politics/world/chto_reaktivnye_ognemety_cheburashka_primenyayut_sya_na_ukraine). Ситуация подмены названия вооружения, по сути смещение сказочных персонажей, послужила пусковым механизмом проявления лингвокреативности военными конструкторами, которые *«проявили уважение» – и на фронте действительно появилась огнететная система с названным ранее именем»* (https://aif.ru/politics/world/chto_reaktivnye_ognemety_cheburashka_primenyayut_sya_na_ukraine):

<...> «"Чебурашки", несмотря на мультяшное название, действительно, очень грозное оружие. По сути, они являются тяжелыми огнететными системами» (<https://rg.ru/2022/08/21/armiia-dnr-poluchila-tiazhelye-ognemetnye-sistemy-cheburashka.html>).

Форма множественного числа *«Чебурашки»* в приведенном фрагменте свидетельствует о том, что при сохранении функций прецедентного онима намечается процесс образования новой номенклатурной единицы разряда апеллятивов. Аналогичное употребление зафиксировано и по отношению к ракетному комплексу *«Тополь»*, т.е. *тополи* и *чебурашки* – это образцы военной техники определенного класса.

3.3. Культурно-семиотический и фрактальный анализ репрезентации

системы вооружения *«Периметр»*

Система *«Периметр»*⁴⁷ была создана на основе межконтинентальной

⁴⁷ В соответствии с постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 N 842 (ред. от 16.10.2024) "О порядке присуждения ученых степеней" (вместе с "Положением о присуждении ученых степеней") в главе 3 в разделе 3.3. использованы переработанные и дополненные материалы статьи: Тамерьян, Т.Ю., Шаипова, А.М. Культурно-семиотический подход к анализу новостного политического нарратива // Вестник МГЛУ.

баллистической ракеты «Тополь», лингвокогнитивные механизмы репрезентации которого в новостном политическом нарративе были рассмотрены нами в предыдущих параграфах.

Система управления ракетными войсками стратегического назначения, официально зарегистрированная под буквенно-цифровым индексом УРВ ЗВСН – 15Э601, в профессиональной среде получила номинацию «Периметр». Предыдущее название – «Барьер». Мотивационные основания первичного означивания системы эксплицирует семантику предотвращения удара и защиты от ядерной угрозы. Вторичная номинация «Периметр» (древн. греч. «окружность»), реализуемая территориальной метафорой, актуализирует ассоциативный перенос с референта-мотиватора (*периметр* как видимая или невидимая граница вокруг какого-либо объекта или территории, длина границы) на функциональные характеристики комплекса, инициируемые благодаря замкнутой системе датчиков, установленных на территории ключевых объектов автоматического управления массивным ответным ядерным ударом.

Семиотический комплекс «Мертвая рука»

В данном подразделе рассматривается семиотика новостного политического нарратива на примере анализа поликодовых образов «Рука смерти» (англ. Death Hand) и «Мертвая рука» (англ. Dead Hand) использованных на западе для вторичных метафорических номинаций системы управления ракетными войсками стратегического назначения «Периметр» [Тамерьян, Шаипова 2022: 156-160; Тамерьян, Шаипова 2024 в.].

Вопрос о наличии когнитивных механизмов взаимодействия метафоры

Гуманитарные науки. – 2024. – № 11(892). – С. 105–111; Тамерьян, Т.Ю., Шаипова А.М. Семиотика мануальной соматики в политическом новостном нарративе // Политическая лингвистика. – 2024. – № 5 (107). – С. 166–177; Шаипова А.М. Мультимодальная метафора в политическом нарративе // Материалы V международной научной конференции «Язык. Культура. Перевод. Коммуникация», 2024. – Вып. 5. – С. 217-220.

и метонимии, то есть об образовании метафоры из метонимии и метонимии внутри метафоры, до сих пор находится в процессе обсуждения в научной литературе [Goosens 1990]. Предлагается понятие реметонимизирующей метафоры, рассматриваемой в категории семантического расширения, когда так называемые гиперметафора и гиперметонимия образуются путем семантического расширения, стирания мотивирующих значений, когда границы между метонимией и метафорой осознаются только конвенционально за счет их изначальной связи референтом [Riemer 2002].

В нашем исследовании мы придерживаемся понятия метафтонимизации как результата блендирования процессов метафоризации и метонимизации, при котором осуществляется упаковка генерализованного образного содержания, репрезентированного в конкретной структуре фрагментов меньшего семантического объёма. Такая когнитивная процедура служит механизмом непрямого означивания реальных и вымышленных объектов.

Анализ фрагментов нарративов с семиотическим комплексом «*Мертвая рука*» позволил выявить алгоритм построения многокомпонентных образов, эксплицирующих гиперконцепт «*смерть / гибель*» посредством 1) корепрезентирования в мифологическом (мифологема *Смерти*), обыденном (*смерть* как гибель не только людей, но всех живых существ) и политическом (*смерть* как гибель граждан страны, разрушение государства) сознаниях; 2) репрезентирования в диверсивных значениях мануального соматического кода (*рука мертвеца* а) как символ автоматического приведения в действие ответного ядерного удара после глобальной катастрофы, б) как символ ответственности власти за принятие решения о ядерном ударе, в) как последнее символическое воззвание прекратить гонку вооружения; 3) манифестирования похоронной атрибутики после катастрофы ядерного удара (*рука из гроба*) : *гроб* маркирует «контейнер последнего пристанища».

«Рука смерти»

Персонификация смерти в виде скелета с косой, как правило, в чёрном или белом балахоне с капюшоном или саване, присутствует в мифотворчестве многих народов. В британской культуре ее называют *Grim Reaper* «Мрачный жнец». С этим представлением связано происхождение метафоры «костлявая рука смерти», построенного путем замещения целого образа его деталью или фрагментом. Так, например:

Существование «Руки смерти» означает, что Западу всегда придется дважды думать, прежде чем поддасться соблазну нанести ядерный удар» (<https://posredi.ru/sistema-perimetr-ili-mertvaya-ruka.html>);

Рис. 19. Рука смерти

(<https://topwar.ru/139417-a-by-la-li-mertvaya-ruka.html>).

Британия испугалась обновления российской «Руки смерти». Британская газета “Daily Star” рассказала читателям о модернизации созданной в советское время системы управления ядерным ударом «Периметр», которую на западе называют «Мертвая рука» (<https://lenta.ru/news/2018/03/29/perimetr/>);

«Мёртвая рука»: почему в США так назвали русскую систему

«Периметр». За границей система «Периметр» известна как **Dead Hand** или **«Мёртвая рука»**. Такое название российский комплекс получил потому, что он является автоматизированным и позволяет гарантированно довести боевой приказ до всех командных звеньев, имеющих на вооружении ядерное оружие. Это позволяет запустить ракеты даже при отсутствии связи, то есть незамедлительно ответить на удар врага (<https://x-true.info/81455-mertvaja-ruka-pochemu-v-ssha-tak-nazvali-russkuju-sistemu-perimetr.html>);

По замыслу создателей «Периметра», подготовка к запуску и сам запуск ракет система может осуществить, если в живых на Земле уже не осталось никого. Ответный ядерный удар возможен при полном уничтожении командных пунктов и линий связи. Эта функция системы объясняет её неофициальное название за рубежом — «*Dead hand*».

Появление выражения *dead hand* «рука мертвеца» восходит к легенде о том, что некий Билл Хикок во время игры в покер был застрелен во времена Дикого запада в салуне “Nuttal & Mann's Saloon” в Дакоте в тот момент, когда он держал в руке карточную комбинацию «фулл-хаус». С тех пор эта комбинация ассоциируется с рукой умершего игрока и называется «рукой мертвеца» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Рука_мертвеца).

«Мертвая рука»: Россия третий раз в истории привела ядерные силы в боевую изготовку
(https://aif.ru/dontknows/file/chto_takoe_sistema_perimetr_i_kak_ona_rabotaet);

Даже простая логика подсказывает, что «Мертвая рука» на то и называется мертвой, потому что уже нет живых для ответа и лучше до этого не доводить. Если есть шанс спасти как можно больше россиян, то им следует пользоваться, а не ждать, пока за тебя ответит автоматика
(<https://www.tatar-inform.ru/news/princip-mertvoi-ruki-pochemu-idei-kitaya-ne-primet-rossiya-i-drugie-iz-yadernogo-kluba-5938850>);

Описан ответ «Мертвой руки» после нападения на Россию
(<https://lenta.ru/news/2021/08/07/deadhand/>).

Рис. 20. Как работают «Мертвые руки»

(<https://posredi.ru/sistema-perimetr-ili-mertvaya-ruka.htm>).

«Рука из гроба»

На востоке систему «Периметр» называли **«Рука из гроба»**:

Система гарантированного ядерного возмездия «Периметр», или «Dead hand» — «Мёртвая Рука», как её называют в США, или «Рука из гроба» в Японии — это система управления ракетными войсками стратегического назначения (<https://x-true.info/81455-mertvaja-ruka-pochemu-v-ssha-tak-nazvali-russkuju-sistemu-perimetr.html>).

Символика соматизма *рука* многозначна, однако в контексте анализа хрематонима «Периметр» («Мертвая рука» / «Рука смерти» / «Рука из гроба») он маркирует также власть, властные полномочия, позволяющие принимать и осуществлять судьбоносные решения:

Считается, что у главы государства есть некая «красная кнопка», нажав которую президент осуществляет одновременный массированный запуск межконтинентальных баллистических ракет и запуск баллистических ракет подводных крейсеров стратегического назначения. Глава государства дает только сигнал на разрешение применения ядерного оружия и передает кодовый сигнал на разблокировку ядерных боевых частей (<https://www.gazeta.ru/army/2018/10/28/12038233.shtml>).

Как следует из приведенного выше примера, в обыденном сознании осуществление решения о применении ядерного оружия в России приписывается президенту страны, однако на практике осуществляется более сложная система активации кодового запуска:

Если же под удар попадёт Кремль и глава государства, либо другие ответственные лица не смогут включить вручную ядерные установки – в дело вступит «Периметр». Он проверит факт ядерного удара и наличие связи с Генштабом. При отсутствии связи система передаст право запуска ракет любому человеку, находящемуся в бункере. При штатном функционировании связи с Генштабом через 15 минут комплекс отключится, так как первые лица государства способны самостоятельно отдать приказ. «Мёртвая рука» располагает разнообразными возможностями, но главный принцип системы – способность нанести ответный удар, даже если уничтожены все командные центры. Такой подход сводит на нет идею превентивного ядерного удара, когда одна из сторон надеется молниеносной атакой превратить противника в радиоактивный пепел (<https://russian7.ru/post/chem-otvetit-rossiya-v-sluchae-yadernogo-u/>).

На приводимом ниже плакате схематически отображены все виды наземного, подземного, водного и воздушного вооружения РФ в рамках системы «Мертвая рука» («Периметр»), направленные на отражение ядерного удара в случае атаки со стороны США. Каждый вид вооружения маркируется флагом России.

Рис.21. Как действует «Мертвая рука»

(<https://posredi.ru/sistema-perimetr-ili-mertvaya-ruka.html>).

Разворачивание процесса семозиса на основе метафтонимического переноса прецедентного имени «Мертвая рука» предпринимается для номинации аналогичного по функциям и принципу действия ядерного комплекса, созданного в Китайской Народной Республике, в качестве узнаваемого культурного знака, замещающего известную только узкому кругу специалистов китайскую реалию. В результате формируется окказиональный апеллятив *мертвая рука* с генерализованным значением «ядерный комплекс ответного удара»:

По примеру «Мертвой руки» СССР. У Китая тоже есть своя «Мертвая рука». Эта система во многом копирует советскую < ...>.
(<https://www.tatar-inform.ru/news/princip-mertvoi-ruki-pocemu-idei-kitaya-ne-primet-rossiya-i-drugie-iz-yadernogo-kluba-5938850>);

Принцип «Мертвой руки»: почему идеи Китая не примет Россия и другие из «ядерного клуба». Китай разродился предложением, которое существенно ограничивает суверенитет держав «ядерного клуба», – не применять ядерное оружие первыми (<https://www.tatar-inform.ru/news/princip->

mertvoi-ruki-pocemu-idei-kitaya-ne-primet-rossiya-i-drugie-iz-yadernogo-kluba-5938850).

Рассмотрим двойную негативно-мортуальную метафору с креативно обыгрываемой номинацией «*Мертвая рука*» на следующем примере:

«Мертвая рука» мертвого флота ВМС Украины тянется к «Варшавянкам» ВМФ РФ. Украинское руководство продолжает размышлять о том, как можно остановить постоянные ракетные обстрелы военных объектов ВСУ. В частности, Киев буквально ненавидит экипаж подводной лодки «Варшавянка» который стабильно наносит чувствительные удары по ВСУ (<https://banki.loans/news/post/sp-mertvaya-ruka-mertvogo-ukrainskogo-flota-tyanetsya-k-nashim-varshavyankam>).

Если в метафоре *мертвый флот* (перен. «лишённый признаков деятельности; кажущийся пустым, бесплодным, бездейственным»⁴⁸ прилагательное *мертвый* коннотирует слабую дееспособность военно-морского флота Украины, то прецедентный оним «*Мертвая рука*» маркирует неэффективность ракетных комплексов, состоящих на вооружении ВМС Украины. Таким образом, домен-источник сложной метафоры символизирует не смертоносное воздействие, а нерезультативность маневров флота.

Концептуализация последствий применения «*Периметра*» / «*Мертвой руки*» объективируется гиперметафорами *катастрофы планетарного масштаба, апокалипсиса, ядерного армагеддона*, реализуемыми образами *смерти, судного дня и возмездия*.

Один из комплексных метафорических образов – образ *смерти* – по мортуальной модели «*”Периметр” – смерть*» эксплицирует трагические последствия применения ядерного оружия.

Когнитивный механизм взаимодействия метафоры и метонимии в рамках мортуальной модели манифестирован четырьмя доменами-донорами:

⁴⁸Большой толковый словарь русского языка. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=мёртвый&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=мёртвый&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения 09.09.2024).

«мифологический образ Смерти», «смерть как прекращение всех биологических процессов в организме», «атрибутика похорон» и «фрагмент мертвого тела – рука».

Последствия применения комплекса *«Периметр»* осмысляются посредством ряда сценариев. Прежде всего, это *апокалипсис* («конец света; катастрофа»), который представляется как угроза прекращения существования человечества или планеты Земля в целом:

Система «Периметр» запускает апокалипсис. Россия обладает единственным в мире оружием, гарантирующим ответный ядерный удар по противнику даже в том кошмарном случае, если у нас уже некому будет принимать решение об этом ударе (<https://warfiles.ru/13355-sistema-mertvaya-ruka-ili-perimetr-zapuskayet-apokalipsis.html>).

Рис. 22. Система «Периметр» запускает *апокалипсис* (<https://warfiles.ru/13355-sistema-mertvaya-ruka-ili-perimetr-zapuskayet-apokalipsis.html>).

Схожим по метафорическому содержанию является представление об *Армагеддоне* как о месте последней битвы сил добра зла в конце времён и самой битве:

Ядерный Армагеддон: как будет воевать Россия. Армагеддон начнется с разблокировки ядерных боеприпасов. Считается, что выход США из ДРСМД даст старт новой гонке вооружений и лишь обострит риски

(https://pikabu.ru/story/mest_myortvoy_ruki_9114042);

Важный момент: в случае запуска системы включается точка невозврата, и остановить её невозможно, ведь создана она специально для условий «Армагеддона». Не стоит забывать, что на боевое дежурство она поступила в те времена, когда потенциальная ядерная война выглядела реальностью (<https://www.gazeta.ru/army/2018/10/28/12038233.shtml>).

Картины *апполипсиса* и *Армагеддона* связаны с такими моделями религиозной метафоры, как *Судный день* и *Страшный суд*, когда в последний день существования мира Бог совершит страшный суд, выявляющий праведников и грешников. Заметим, что *Судный день* является предвестником конца света:

Скажем сразу: система эта суперсекретна. За десятилетия иностранной разведке удалось выведать лишь общие принципы ее работы<...>. Да, не все ядерные боеголовки прорвутся через систему ПРО США к назначенным целям. Но и тех, что прорвутся, достаточно, чтобы на месте Штатов остался пролив между южной Канадой и северной Мексикой.... Это и будет Судный день. (<https://www.kp.ru/putevoditel/interesnye-fakty/sistema-perimetr-ili-mertvaya-ruka/>).

Семиотизация системы «Периметр» в политическом нарративе базируется также на технологическом компоненте содержания понятийного ядра данного концепта – «машина / устройство / оружие / сеть спутников» (инструментальная метафора), формируя метафтонимический бленд: *машина Судного дня / оружие / торпеда Судного дня / сеть спутников Судного дня.*

«Машина Судного дня»

Система «Периметр»: Ядерную атаку отразит машина Судного дня (<https://www.kp.ru/putevoditel/interesnye-fakty/sistema-perimetr-ili-mertvaya->

рука/);

Подробности о нашей системе стали известны им только в начале 1990-х годов. Тогда на Запад перебежал один из ее разработчиков. 8 октября 1993 года газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала статью «Русская машина Судного дня». Там впервые в открытой печати появились сведения о системе управления советскими (тогда уже российскими) ракетными войсками. Впервые же было сообщено и ее название – «Периметр», когда-то сверхсекретное, а теперь известное всем. (<https://www.kp.ru/putevoditel/interesnye-fakty/sistema-perimetr-ili-mertvaya-ruka/>).

Рис. 23. Система «Периметр»: Ядерную атаку отразит машина Судного дня (<https://ria.ru/20181018/1530999011.html>).

Образ машины, приводящей в действие ответный ядерный удар, связан с представлениями о «машинном зале» в глубине горы Ямантау, в котором находится центральный пульт управления системой, анализирующей информацию с датчиков по всей России (https://pikabu.ru/story/mest_myortvoy_ruki_9114042);

У американцев же китайцы взяли идею авиационного комплекса машины Судного дня (<https://www.tatar-inform.ru/news/princip-mertvoi-ruki-pocemu-idei-kitaya-ne-primet-rossiya-i-drugie-iz-yadernogo-kluba-5938850>).

В приведенных выше и последующих примерах инструментально-религиозные метафорические номинации *машина / оружие / торпеда / сеть спутников Судного дня* переходят в окказиональные апеллятивы со значением «ядерный комплекс ответного удара», утрачивая российскую этнокультурную специфику.

«Оружие Судного дня»

Настоящее оружие Судного дня: Запад оценил российскую ракету. <...> Западные эксперты признают, что Россия вырвалась вперед в сфере создания гиперзвукового оружия. Особое внимание автор материала обращает на недавнее испытание противоракеты ПРС-1М. (<https://rg.ru/2019/06/13/nastoiashchee-oruzhie-sudnogo-dnia-zapad-ocenil-rossijskuiu-raketu.html>).

«Торпеда Судного дня»

Самое опасное оружие в мире готово: теперь Россию защищают торпеды «Судного дня». Пожалуй, ни один вид российского оружия так не «щекочет нервы» Запада и не нагоняет на него такие жуткие страхи, как новейшая ядерная суперторпеда «Посейдон». Даже отдельные и скупые сообщения о ней вызывают в мировой прессе информационный «атомный» взрыв (<https://www.kp.ru/daily/27452/4706659/>).

«Сеть спутников Судного дня»

В последние годы США разворачивают на космических орбитах сеть спутников Судного дня. Эти спутники являются страховкой на случай ядерной войны. Они смогут поддерживать связь даже в экстремальных условиях (https://pikabu.ru/story/mest_myortvoy_ruki_9114042).

Рассмотренные модели инструментально-религиозной метафоры *машина Судного дня / оружие / торпеда Судного дня / сеть спутников Судного дня* представляют собой лингвокогнитивную экспликацию хремотонима «*Периметр*» в аспекте радиуса (периметра) охвата действия всех видов ядерного вооружения данной системы.

Ретрибутивная и вендеттивная метафорические модели «*”Периметр” – это возмездие*» и «*”Периметр” – это мечь*» широко применимы в медийных нарративах.

«Возмездие»

Система гарантированного ядерного возмездия «Периметр» (<https://news.rambler.ru/weapon/48981646-mertvaya-ruka-samaya-strashnaya-rossiyskaya-sistema-oruzhiya-sudnogo-dnya/>);

Неотвратимое возмездие за ядерное нападение (<https://ria.ru/20181018/1530999011.html>);

Что мы знаем о российском секретном оружии возмездия – системе «Периметр» или «Мертвой руке», легенды о котором гуляют еще со времен СССР и которого боятся американцы (<https://x-true.info/81455-mertvaja-ruka-pochemu-v-ssha-tak-nazvali-russkuju-sistemu-perimetr.html>);

Если однажды США и НАТО решат атаковать Россию, то возмездие придёт неожиданно. Сначала «Периметр» протестирует уровень радиационного фона на критически важных объектах (Кремль, правительство, Минобороны и Генштаб, пункты управления военных округов и флотов, позиции Ракетных войск стратегического назначения, важнейшие авиа- и военно-морские базы, города с важнейшими оборонными объектами) (https://pikabu.ru/story/mest_myortvoy_ruki_9114042E).

«Наша концепция – это ответ на встречный удар <...>. Агрессор должен знать: возмездие неизбежно, все равно он будет уничтожен.<...> А мы как жертва агрессии, мы как мученики попадем в рай, а они просто

сдохнут», – сказал Путин. И добавил: «Потому что они даже раскаяться не успеют» (<https://m.interfax.ru/633992>).

Под возмездием понимается плата, кара за причинённое, совершённое зло [МС. <https://gramota.ru/meta/vozmezdie#:~:text=Отплата%2C%20кара%20за%20причинённое%2C%20совершённое,неотвратимо>]. Возмездие по моральным и правовым нормам восходит к понятию талиона, т.е. возмездия, равного по силе совершенному преступлению. Оно возникло еще в родовом обществе и зафиксировано в ряде древних систем права, например, в кодексе Хаммурапи – «око за око, зуб за зуб» (<https://www.hist.msu.ru/ER/EText/hammurap.htm>).

На приводимом ниже рисунке с надписью «Периметр возмездия» закодированы образ смерти и картина апокалипсиса, глобальной катастрофы, в результате ответного ядерного удара. Обыгрывается номинация системы «Периметр», она же «Мертвая рука», – черная от ядерного облака рука погибающего человека, цепляющаяся за круг знака радиационной опасности, символизирующий периметр возможного атомного разрушения. Этот плакат призывает к политическому благоразумию как к последнему шансу на спасение человечества и предотвращению катастрофы.

Рис. 24. «Периметр» возмездия (https://pikabu.ru/story/protokol_otvetnogo_yadernogo_udara_mertvaya_ruka_kak_yeto_rabotaet_949)

6463).

Важно обозначить отличие возмездия от мести. Возмездие трактуется как выражение высшей справедливости. Хотя месть и возмездие являются взаимообусловленными и взаимосвязанными понятиями, трактуемыми, в том числе, как синонимы, специфическим признаком мести считается намеренное причинение зла кому-либо с целью отплатить за потери, страдания, обиды и т.п. (Метасловарь | Грамота.ру. <https://gramota.ru/meta/mest#:~:text=Намеренное%20причинение%20зла%20кому-л,п.%3B%20возмездие>). В рассматриваемом фрагменте ядерный удар из мести предпринимается в качестве ответной реакции, когда существует масштабная угроза прекращения существования государства.

Месь «Мёртвой руки»

Месь «Мёртвой руки»: Почему США требуют запретить российскую систему «Периметр». Если однажды США и НАТО решат атаковать Россию, то возмездие придёт неожиданно. Сначала «Периметр» протестирует уровень радиационного фона на критически важных объектах (Кремль, правительство, Минобороны и Генштаб, пункты управления военных округов и флотов, позиции Ракетных войск стратегического назначения, важнейшие авиа- и военно-морские базы, города с важнейшими оборонными объектами). Если он будет превышен, «Периметр» сделает вывод, что по России нанесён ядерный удар, и дальше действия будут развиваться по следующему сценарию (<https://life.ru/p/1444520>).

И, наконец, протекционистская метафора «"Периметр" – ядерный щит России» манифестирует стратегический потенциал создания данной системы для России как гаранта ядерного сдерживания.

«Ядерный щит России»

Ядерный щит России: система «Периметр» нанесет ответный удар при любых обстоятельствах. «Демократическая» внешняя политика США уже давно стала притчей во языцех: Вашингтон нападает на слабые и уступающие в технологической силе страны под видом борьбы с терроризмом. Немногие страны могут достойно ответить американским завоевателям. Россия — одна из них. У нас существует система, которая гарантирует нанесение ответного ядерного удара при любых обстоятельствах

(https://pikabu.ru/story/yadernyy_shchit_rossii_sistema_perimetr_naneset_otvetnyiy_udar_pri_lyubyikh_obstoyatelstvakh_5607490).

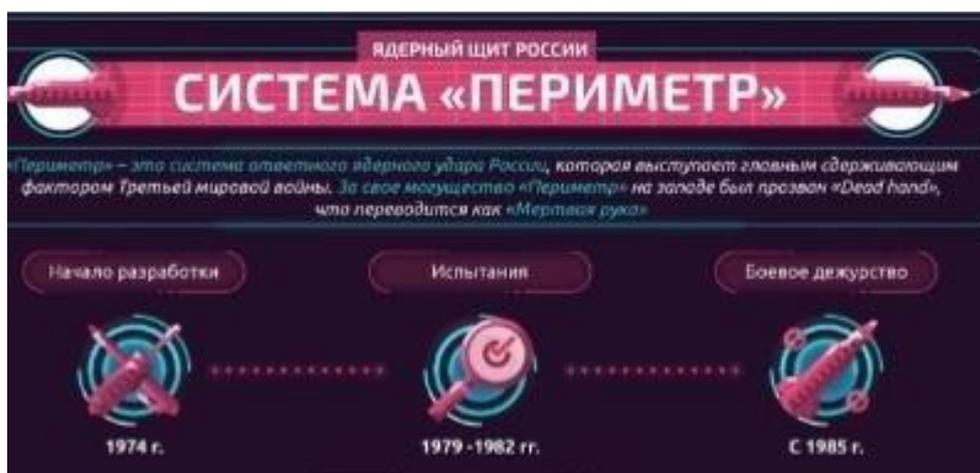

Рис. 25. Ядерный щит России: система «Периметр» (https://pikabu.ru/story/yadernyy_shchit_rossii_sistema_perimetr_naneset_otvetnyiy_udar_pri_lyubyikh_obstoyatelstvakh_5607490).

Выводы к главе 3

I. Анализ актуального тематического сектора онимов российского вооружения позволил представить детализированное описание

лингвосемиотических процессов, происходящих в новостных интернет-изданиях и социальных сетях, придерживающихся гражданской позиции и разделяющих Z-ценности, а также транслирующих оценки официальных представителей запада. Доказано, что концепты видов вооружений номинированы хрематонимами «Герань», «Бал», «Тополь», «Тишина», «Буря», «Буратино», «Чебурашка» и «Периметр» и, кроме того, рядом синонимических и ложных онимов.

Цитируемые фрагменты новостных политических нарративов манифестируют механизмы лингвокреативности и источники творческих переосмыслений технических характеристик и стратегической значимости российских военных комплексов и систем посредством их поликодовой экспликации.

Поликодовость новостных сообщений повлекла применение разностилевых элементов и, как следствие, обусловила синкретику жанровой реализации политического нарратива: новости в режиме реального времени, информационно-аналитические сообщения, интервью, комментарии и обзоры онлайн, мемы, демотиваторы, коллажи, плакаты, индивидуально- авторский сетевой контент и контент социальных групп, а также самодеятельные литературные порталы, презентующие интерпретацию текущих событий.

II. Ведущие признаки функциональной прагматики хрематонимов включают апелляцию к новым реалиям и к эмотивной сфере коммуникантов. Прецедентные онимы используются как а) средство убеждения (персуазивная функция) и б) способ демонстрации социальной значимости происходящего; в) выступают как маркёры разделяемых ценностей и гражданской позиции; г) дифференцируют «своих» и «чужих»; д) выполняют эвфемистическую функцию в профессиональной коммуникации. Людическая функция хрематонимов реализуется посредством их включения в общекультурное интертекстуальное пространство, прежде всего путем встраивания в прецедентное поле литературных произведений, «оживляя» известных

литературных персонажей и порождая новые ассоциации.

III. Определены основные направления и тенденции развития межпрецедентных интеракций, векторы углубления существующих доменов интертекстуальности, описаны актуальные образцы лингвокреативной деятельности по созданию прецедентных ресурсов и продемонстрировано прорастание новых семантических ячеек памяти и дуг или ребер связей между ними (в современных терминах) в русскоязычном семиотическом пространстве новостного политического нарратива.

Установлено, что концептуализация новых прецедентных имен эксплицируется синонимическими репрезентациями, модифицированными моделями встраивания в сферу русской фразеологии, высокой частотностью появления в заголовочной позиции (что обеспечивает эффект наибольшего воздействия), кластерными интертекстуальными аллюзиями, импульсным порождением новых художественных текстов, включением в гибридные интернет-жанры медийного и сетевого дискурсов.

IV. Представлен когнитивный механизм взаимодействия метафоры и метонимии как бленда в рамках метафоры: применено понятие реметонимизирующей метафоры как категории семантического расширения, при котором метонимия и метафора делимитируются конвенционально за счет их первичной связи с референтом.

Когнитивными инструментами реализации российских комплексов и систем вооружения «Герань», «Бал», «Тополь», «Тишина», «Буря», «Буратино» и «Чебурашка» в новостном политическом нарративе, посредством которых в цифровом медийном пространстве осуществляется осмысление внутри- и внешнеполитических событий, служат генетическая, флористическая, орнитологическая, механистическая, территориальная, резиденциальная, морбиальная, мортальная, маледиктивная и инфернальная метафоры и семантико-метафорические образования на их основе.

V. С опорой на культурно-семиотический подход к анализу интернет-СМИ и социальных сетей применительно к реализации в российском

новостном нарративе концепта «*Периметр*» в аспекте когнитивной метафоризации и метафтонимизации были интерпретированы вербальные и синкретичные текстовые фрагменты, созданные на основе мультимодальных семиотических регистров, и манифестирована полиинтерпретативность символических образов.

Выявлено, что российская система массированного ядерного удара «*Периметр*» семиотизируется гиперметафорами *апокалипсиса* и *Армагеддона*, включающими образы *смерти* (мортуальная метафора), *Судного дня*, *Страшного суда* (религиозная метафора), *возмездия* (ретрибутивная метафора) и *мести* (вендеттивная метафора).

Семиотический комплекс «*Мертвая рука*» репрезентирован на основе иконических знаков (метафорических, метафтонимических и визуальных образов смерти), знаков-индексов (рисунков-схем и пиктограммы запуска ядерной системы и вооружения) и символов ядерной катастрофы.

Соматико-мифологический метафтоним «*Мертвая рука*» («*Периметр*») в западной интерпретации, эксплуатируя универсальную символику и функциональность *руки*, продуцирует картину гибели цивилизации после нанесения ядерного удара.

Инструментально-религиозная метафорическая модель «*”Периметр” – машина (оружие / торпеда / сеть спутников) Судного дня*» манифестирует способы и охват распространения удара. Протекционистская метафора «*”Периметр” – ядерный щит России*» раскрывает политические цели, требующие наличия данного комплекса на вооружении у России.

Заключение

Поворот к нарративности как к системе конструирования, организации и интерпретации событий в соответствии с когнитивно-коммуникативными моделями и инструментами воздействия, побуждения и перформатизации обусловлены прежде всего интересом к смысловому содержанию человеческого опыта и к способам использования актуальных идей для его социального конструирования.

Фокусирование на многопрофильном описании нарративного феномена и процесса новостной политической наррации как интердисциплинарной сущности осуществлено в рамках нарративной парадигмы, определяющей развитие гуманитарного научного направления последних десятилетий, и когнитивного подхода к развитию социокультурных концепций, которые начали трансформироваться почти столетие назад в результате витка от модернизма к постмодернизму, и далее как возврат к модернизму, но уже на платформе идей постмодернизма или метамодерна, осознающей и транслирующей реальность в коллажных, поликодовых моделях коммуникации.

Совокупность и взаимосвязь метанарративов, контрнарративов и альтернативных нарративов лежат в основе культуры и устанавливают идеологический контекст повествования. Новостной политической нарратив как многокомпонентное дискурсивное образование характеризуется присущим ему набором институциональных, концептуальных, стратегических, типологических, композиционных, жанровых и прагматингвистических особенностей, которые составляют габитус политического повествования. Нарративный габитус структурирует истории людей и нарративную идентичность.

Политический нарратив встроен в систему коммуникативной структуры общества, он развивается в соответствии с мультимедийными механизмами повествования и использует общие технологические приемы

персуазивного и суггестического воздействия на социум, применяемые в целях наиболее эффективного донесения значимой информации и формирования мировоззрения. Аксиогенное значение новостного политического нарратива опосредовано модальностью повествования: идеологическая позиция и иллокутивная цель и целевая аудитория обуславливают ракурс, тональность и технологии конструирования отправляемого сообщения.

Синкретичные нарративные структуры составляют когнитивный каркас в семиотическом континууме коммуникативных практик. Поликодовое сообщение наряду с поверхностным значением обладает множеством текущих смыслов (Р. Барт), проявляемых и распаковываемых в зависимости существующей пропозиции в процессе осознания действительности.

Проведенное исследование было нацелено на герменевтический анализ поликодово репрезентированных семиотических смыслов в российском новостном политическом нарративе в аспекте осуществления культурно-семиотических, фрактально-рекуррентных, семантико-когнитивных, концептуальных и прагмалингвистических процедур.

В качестве основных задач исследования предполагалось выявление, декодирование и интерпретация когнитивных моделей поликодовых семиотических конструктов, раскрытие ряда алгоритмов концептуального аппарата политической семиотики и построение матрицы семиозиса по данным электронных массмедиа и многочисленных цифровых средств распространения информации.

В процессе анализа было установлено, что матричная модель новостного политического нарратива отображает динамическую схему функционирования нарративного пространства, разворачивающуюся как фрактально-рекуррентная сеть от ядерной точки – значимого новостного события. Фрактальность постулируется как механизм структурно-смыслового порождения и организации новостного политического нарратива в аспекте дискретности событийных эпизодов, генерируемых в виде вариативного

повтора разнокодовых элементов сообщения. Редупликация фрактальных структур сложных когнитивных образований осуществляется благодаря модификации вербальных и невербальных экспликаций в рамках первоначально заданной модели.

Синкретическая форма воплощения информационного события включает синергию языков и знаков кодирования, симультативность когнитивных механизмов шифрования и полимодальность каналов распространения. Прагматика алгоритма матричной модели включает динамическую интеракцию получателей нарративного текста, включающую процесс декодирования, интерпретации и деятельной ментальной интериоризации сообщения, перспективирующую в экстериоризированную перформативную реакцию, поскольку перформативность в исследовании трактуется расширенно как потенциальная характеристика коммуникативных и социополитических практик, допускающая аморфность понятий перформатива и перформанса в условиях учета внешнего и внутреннего контекста и пресуппозиции.

Особую значимость для описания нарративной картины политической коммуникации приобрели кинестетический, акциональный и соматический коды, семиотическое содержание которых закономерно связано с категорией событийности. Знаковость таких частей тела, как *рука* и *нога*, и связанных с их функциями действий и поз с учетом культурно дистинктивной семантики в разных лингвокультурах, обусловлена потенциями максимального коммуникативно-прагматического эффекта, многоуровневости интерпретаций и перспективаций символической и реактивной перформативности.

Инновационный подход к толкованию перформативности политической коммуникации позволяет с позиции мультимодального ракурса осуществить анализ перформативного высказывания или акта как когерентного другим типам речевых и кинестетических актов феномена.

Прагмасемантическое воздействие политического нарратива

обусловлено тем, что перформативность является потенциальной характеристикой любого политических события. Границы перформатива и перформанса условны и подвижны. Постулат воронки перформативности предполагает в качестве результата интерактивной коммуникации порождение реактивного перформатива или символическую перформатизацию. Новостные политические нарративы оказывают причинно-следственный перформативный эффект, результирующий эксплицитно или имплицитно.

В качестве образцов фрактального принципа построения поликодового сообщения и примера распаковки смысла сложных знаковых образований в новостном политическом нарративе с социокультурных, психологических и идеологических позиций проанализированы семиотические комплексы *рука Москвы / Кремля* и *Мертвая рука*, продемонстрировавшие алгоритмы генерации, реконцептуализации, редупликации и варьирования смысловых, структурных и знаковых отображений реальности посредством когезивности и аддитивности кодов репрезентации. Раскрыты когнитивные механизмы построения синкретических конструкторов на основе поли- и транскодовости, концептуализации, гиперметафоризации, метафорического и метафтонимического блендирования.

Отдельную сферу семиотических репрезентаций в новостном политическом нарративе составили текстовые фрагменты с доминантными компонентами-хремотонимами. Векторы их экспликации в сетевой коммуникации манифестируют тенденции к лингвокреативному переосмыслению зенитно-ракетного и ядерного щита страны на основе прецедентных ресурсов, реконцептуализации, метафоризации, метафтонимизации, вторичной номинации и трансонимизации.

В результате картирования когнитивных областей метафорической репрезентации комплексов и систем российского вооружения («*Герань*», «*Бал*», «*Тополь*», «*Тишина*», «*Буря*», «*Буратино*», «*Чебурашка*») было выявлено, что домены-мишени соотносятся с доменами-источниками

следующим образом: а) название и происхождение вооружения описывается через флористическую метафору, орнитологическую метафору, генетическую метафору, гибридную метафору родства и дублирования; б) вооружение как устройство представлено юридической и механистической метафорой; в) стоимость вооружения передается флористической метафорой; г) размещение военных комплексов эксплицировано резиденциальной и территориальной метафорами; д) последствия применения ядерного оружия отражено морбиальной, мортальной, маледиктивной и инфернальной метафорами; е) отношение к российским военным комплексам трактуется посредством одористическо-густативной метафоры.

Отдельная ниша в современном медиапространстве политического нарратива отводится оценке роли российской системы ядерного удара «Периметр» («Мертвая рука» / «Рука смерти» / «Рука из гроба»). Репрезентация концепта-хремотонима «Периметр» служит яркой иллюстрацией сложного репертуара семиотических регистров – иконических знаков, индексов и символов – в их вариативной комбинаторике, репрезентированных в текстах гибридных жанров.

Основными ментальными операциями, формирующими концептуальную область гиперметафоры «Периметр», послужили заимствования из доменов-источников, отражающих физические, экологические и морально-этические последствия ответного ядерного удара на базе религиозной, индустриальной, протекционистской, соматической и мифологической моделей.

Смысловая канва нарративного семиотического сообщения собирается по принципу нанизывания когнитивных моделей и субмоделей, метафорического и метафтонимического блендирования и тиражирования метафорических шаблонов.

Таким образом, заявленная **гипотеза** о том, что новостной политический нарратив эксплицируется посредством ивентоцентричной когнитивной матрицы – интегративного семиотического комплекса, обладающего

перформативным эффектом, а поликодовый арсенал порождения новостного политического нарратива обеспечивает синергетическую целостность содержания и его реализации по принципу когерентности и аддитивности получила полное подтверждение в результате комплексного анализа на материале российского новостного политического нарратива.

Что касается **перспективного** ракурса диссертационного изыскания, синтезировавшего теоретические и практические разработки по построению и толкованию новостного политического нарратива в семиотическом и лингвопрагматическом аспектах, отметим, что направления дальнейшего развития избранной темы исследования включают сопоставительное описание механизмов построения новостных политических нарративов, сгенерированных на основе общего инфоповода, и экспериментальное изучение глубины и векторов интерпретации декодированных смыслов поликодового нарративного текста в контексте интериоризированной и экстериоризированной перформатизации как реактивного импульса перспективирующей деятельности получателей.

Список литературы

1. Алефиренко, Н.Ф., Абдельхамид, С. Нарратив – дискурс – событие / Н.Ф.Алефиренко, С.Абдельхамид. – Текст: непосредственный // Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования. Материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию университета. – Астрахань: АГУ, 2022. – С. 11-13.
2. Алгави, Л.О., Аль-Ханаки, Д.А.-Н. Линейный и нелинейный нарратив в новостной журналистике / Л.О. Алгави, Д.А.-Н. Аль-Ханаки. – Текст: непосредственный // Горизонты мировой журналистики: история и современность. – М.: РУДН, 2015. – С. 12-18.
3. Арнольд, И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика её исследования: на материале имени существительного: монография / И.В. Арнольд. – Л., Просвещение, 1966. 376 с. – Текст: непосредственный.
4. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 911 с. – Текст: непосредственный.
5. Бабина, Л.В., Проскурнич, О.Д. Концептуализация мимических движений верхней зоны лица в русском языке / Л.В. Бабина, О.Д. Проскурнич. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 1. – С. 53-62.
6. Бабина, Л.В. Мимические движения сквозь призму интерпретации: механизмы интерпретации / Л.В. Бабина. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 36. – С. 346-35.
7. Бабина, Л.В., Шевырева, Е.О. Интернациональный потенциал прецедентных имен в заголовках англоязычных новостных статей / Л.В.Бабина, Е.О. Шевырева – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2024. – № 1. – С. 50-61.

8. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с. – Текст: непосредственный.
9. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – Текст: непосредственный. – М.: Знак, 2008. – 656 с. – Текст: непосредственный.
10. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Трактаты, статьи, эссе / Сост., общ. ред. Г.К. Косикова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – С. 387-422. – Текст: непосредственный.
11. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – Текст: непосредственный.
12. Белокопытова, И.А., Чале, З.И. Метаязыковая рекуррентность в современной лингвистике / И.А. Белокопытова, З.И. Чале. – Текст: непосредственный // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2020. – № 1. – С. 130-133.
13. Бердяев, Н. Русская идея / Н.Бердяев. – М.-Харьков: Фолио; АСТ, 1999. – 399 с. – Текст: непосредственный.
14. Блэк, М. Метафора / М. Блэк.– Текст: непосредственный // Теория метафоры: сборник научных статей. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153-172.
15. Богданов, В.В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты: учебное пособие / В.В. Богданов. – Ленинград: ЛГУ, 1990. – 87 с. – Текст: непосредственный.
16. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр: Пер. с фр. А. Качалова. – М.: Издательский дом «Постум», 2015. – 240 с. – Текст: непосредственный.
17. Болдырев, Н.Н., Куликов, В.Г. О диалектном концепте в когнитивной системе языка / Н.Н. Болдырев, В.Г. Куликов. – Текст: непосредственный // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2006. – Т. 65. – № 3. – С.3-13.
18. Болдырев, Н.Н., Алпатов, В.В. Когнитивно-матричный анализ

- английских христианских топонимов / Н.Н. Болдырев, В.В. Алпатов. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4. – С 5-14.
19. Болдырев, Н.Н. Концептуальная основа языка / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Концептуализация мира в языке: коллектив. Монография. – Вып. IV. – М.: ИЯ РАН; Тамбов: ТГУ, 2009. – С. 25-78. – Текст: непосредственный.
20. Болдырев, Н.Н. Феномен производности в культуре и языке / Н.Н. Болдырев. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 19. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2021. – № 2. – С. 57–69.
21. Бредихин, С.Н., Бургакова, Л. Дж. Перформативы и прескрептивы как маркёры конвенционально-финального компонента в людическом дискурсе / С.Н. Бредихин, Л.Дж. Бургакова. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2020. – № 3. – С. 12–21.
22. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М.: Прогресс, 1993. – 528 с. – Текст: непосредственный.
23. Вардзелашвили, Ж.А. О двойкой сущности метафоры / Ж.А. Вардзелашвили. – Текст: непосредственный // Серия «Филология». Научные труды. – Вып. IV. – СПб.- Тб.: СПбГУ, 2002. – С. 66–77.
24. Ворошилова, М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению / М.Б. Ворошилова. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. – 2013. – 194 с. – Текст: непосредственный.
25. Галушко, Т.Г. Фрактальная интерпретация в лингвистике. – Текст: непосредственный / Т.Г. Галушко // Вестник Амурского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – № 66. – С.85-92.
26. Гудков, Д.Б., Ковшова, М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007. – 285 с. –

Текст: непосредственный.

27. Дзюба, Е.В., Рябова, И.Ю. Категория событийности в интердискурсе. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27. – №3. – С. 59–76.
28. Добросклонская, Т.Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа / Т.Г. Добросклонская. – Текст: непосредственный // Дискурс современных массмедиа в перспективе теории, социальной практики и образования: сборник научных трудов. – Белгород, 2016. – С. 13-22.
29. Ейгер, Г.В., Юхт, В.Л. К построению типологии текстов / Г.В. Ейгер, В.Л. Юхт. – Текст: непосредственный // Лингвистика текста: материалы научной конференции в МГПИИЯ имени М. Тореца. – Ч. I. – М., 1974. – С. 103-109.
30. Ильин, И.А. О русской идее / И.А. Ильин. – Текст: непосредственный // Среднерусский вестник общественных наук. – 2007. – № 4. – С. 103-107.
31. Ильин, М.В. Воронка причинности. От эмпирической модели к формированию парадигм многослойной причинности / В.И. Ильин. – Текст: непосредственный // Метод. Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сборник научных трудов. – Вып. 5. – М.: РАН ИНИОН, 2015. – С. 442–451.
32. Ильин, В.И. Что может дать анализ перформативов? / В.И. Ильин. – Текст: непосредственный // Политическая наука. – 2016. – № 4. – С. 262-279.
33. Женетт, Ж. Фигуры / Ж. Женетт. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 944 с.
34. Захаренко, И.В., Красных, В.В., Гудков, Д.Б., Багаева, Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева. – Текст: непосредственный // Филологические науки. – 1998. – № 1. – С. 82-139.

35. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентные высказывания как символы прецедентных феноменов / И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева. – Текст: непосредственный // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 2. – М.: «Филология», 1997. – С. 82-103.
36. Золян, С.Т. Семиотика и прагмасемантика политического дискурса / С.Т. Золян. – Текст: непосредственный // Политическая наука. – 2016. – № 3. – С. 47-77.
37. Золян, С.Т. Как слово становится «делом»: прагмасемантика политического дискурса / С.Т. Золян. – Текст: непосредственный // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура: Сборник научных трудов. – Калининград: БФУ, 2023. – С. 25-27.
38. Каллер, Дж. Теория литературы. Краткое введение / Дж. Каллер. – М.: Астрель АСТ, 2006. – 158 с. – Текст: непосредственный.
39. Карасик, В.И. Нарративное измерение лингвокультурных ценностей / В.И. Карасик. – Текст: непосредственный // Язык и культура. – 2019. – № 47. – С. 59-75.
40. Карасик, В.И. Фактоиды как лингвокультурное явление / В.И. Карасик. – Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. – 2017. – № 3 (63). – С. 21-30.
41. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с. – Текст: непосредственный.
42. Качанов, Д.Г. Нарративный анализ как метод исследования традиционных и мультимедийных журналистских произведений / Д.Г. Качанов. – Текст: электронный // Медиаскоп. – 2020. – Вып. 2. – URL: <https://www.mediascope.ru/2621> (дата обращения: 27.05 2022).
43. Киосе, М.И. Прямое и не прямое наименование как функция в тексте / М.И. Киосе. – Текст: непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 6 (717). – С. 277-285.

44. Кириллов, А.Г. Политический нарратив: структура и прагматика: на материале современной англоязычной прессы: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А.Г. Кириллов. – Самара: СГУ, 2007. – 23 с. – Текст: непосредственный.
45. Кириллова, Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну / Н.Б. Кириллова. – М.: Академический проект, 2006. – 448 с. – Текст: непосредственный.
46. Красных, В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц языка и в коммуникации феноменов / В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева. – Текст: непосредственный // Вестник МГУ. Серия 9. «Филология». – 1997. – № 4. – С. 106-117.
47. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г.Е Крейдлин. – М.: Новое лит. обозрение, 2004. – 581 с. – Текст: непосредственный.
48. Кремнёва, А.В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия (когнитивно-семиотический подход) / А.В. Кремнёва. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 21. – С. 638-640.
49. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова. – Текст: непосредственный // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–47.
50. Лакофф, Д., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон. – Текст: непосредственный // Теория метафоры: сборник статей / Под общ. ред. Д.Н. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–415.
51. Леонтович, О.А. Методы коммуникативных исследований / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2011. – 224 с. – Текст: непосредственный.
52. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв. / Ю.М. Лотман. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1992. – 270 с. – Текст: непосредственный.

53. Ляшенко, И.В., Федюнина, И.Э. Этнические прозвища русских в украинской и российской блогосферах / И.В. Ляшенко, И.Э. Федюнина. – Текст: непосредственный // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2017. – №1 (11). – С. 42-48.
54. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М., 2003. – 277 с. – Текст: непосредственный.
55. Мамардашвили, М.К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский, М.Л. Макаров. – Текст: непосредственный // Основы теории дискурса. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 213 с.
56. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с. – Текст: непосредственный.
57. Махниборода, О.В. О классификации неофициальных дополнительных имен неодушевленных предметов / О.В. Махниборода. – Текст: непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – № 19 (45). – С. 155-158.
58. Мечковская, Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций / Н.Б. Мечковская. – М.: Академия, 2004. – 439 с. – Текст: непосредственный.
59. Нахимова, Е.А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2011. – 276 с. – Текст: непосредственный.
60. Нахимова, Е.А. О классификации и дифференциации видов прецедентных феноменов в политической коммуникации / Е.А. Нахимова. – Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. – 2018. – № 1. – С. 41-46.
61. Ним, Е.Г. «Медиасобытия»: теория, конца которой нет? / Е.Г. Ним. –

- Текст: непосредственный // Социологический журнал. – 2019. – № 4. – С. 28-37.
62. Новоспаская, Н.В. Лингвосемиотика. Паремиология: современные тенденции / Н.В. Новоспаская. – Текст: непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 145-150.
63. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет. – Текст: непосредственный // Теория метафоры: сборник научных статей под общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С.68-81.
64. Остин, Дж. Избранное / Дж. Остин; перевод с англ. Макеевой Л.Б., Рудневой В.П. – М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, (1962) 1999. – 332 с. – Текст: непосредственный.
65. Павлов, А.В. Ерохина Ю.В. Образы современности в XXI веке: альтермодернизм / А.В. Павлов, Ю.В. Ерохина – Текст: непосредственный // Философские науки. – 2019. № 2(62). – С. 7–25.
66. Пашкова, Н.И. Культурный код – символический язык культуры / Н.И. Пашкова. – Текст: непосредственный // Язык и культура. – 2012. – № 3. – С. 167-171.
67. Петряков, Л.Д. Методологические перспективы фрактальной семантики / Л.Д. Петряков. – Текст: непосредственный // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». – 2017. – Т. 8(2). – С. 148–153.
68. Радбиль, Т.Б., Помазов, А.И. Идеологические и культурные коды в аспекте формирования провокативного рекламного контента (на примере рекламы VENETTON) / Т.Б. Радбиль, А.И. Помазов. – Текст: непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2023. – № 4. – С. 182-190.
69. Радбиль Т.Б., Рацибурская, Л.В. Прецедентные тексты как языковые механизмы создания аттрактивности газетного заголовка в медиадискурсе интернета / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская. – Текст:

- непосредственный // Русский язык в школе. – 2024. – Т. 85. – № 4. – С. 90-98.
70. Рапай, К. Культурный код: Как мы живем, что покупаем и почему / К. Рапай; перевод с англ. У. Саламатова. – М.: Альпина Пабlishер, 2015. – 168 с. – Текст: непосредственный.
71. Рацибурская, Л.В. Поликодовость в медийном словотворчестве как средство речевого воздействия / Л.В. Рацибурская. – Текст: непосредственный. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2013. – № 2. – С. 215-221.
72. Рикёр, П. Время и рассказ / П. Рикёр; перевод с французского Т.В. Славко; под ред. С.Я Левит. – Т. 1. – М.–СПб.: Университетская книга, 1998. – 313 с. – Текст: непосредственный.
73. Русакова, О.Ф., Максимов Д.А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса / О.Ф. Русакова, Д.А. Максимов. – Текст: непосредственный // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 4. – С. 26-43.
74. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. PR-дискурс: теоретико-методологический анализ / О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. – Екатеринбург: УрО РАН, Ин-т междунар. связей, 2008. – 265 с. – Текст: непосредственный.
75. Русакова, О.Ф., Курильченко, С.С. Политический медиадискурс: вопросы теоретико-методологического и регионального анализа / О.Ф. Русакова, С.С. Курильченко. – Текст: непосредственный // Дискурс-Пи. – 2019. – № 4(37). – С. 28-48.
76. Рут, М.Э. Номинация, наречение и имя собственное / М.Э. Рут. – Текст: непосредственный // Ономастика и диалектная лексика: сборник научных статей. – Вып. IV. – Екатеринбург: УГУ, 2003. – С.– 120-124.
77. Савицкий, В.М. Лингвокультурные коды: к обоснованию понятия / В.М. Савицкий. – Текст: непосредственный // Вестник Московского

- государственного областного университета. Серия «Лингвистика». – 2016. – № 2– С. 55-62.
78. Сафина, З.М. Фрактальная структура пространства в лингвистике / З.М. Сафина. – Текст: непосредственный // Вестник Башкирск. ун-та. – 2017. – № 4. – С. 1122-1125.
79. Сергеева, Ю.М., Уварова, Е.А. Поликодовый текст: особенности построения и восприятия / Ю.М. Сергеева, Е.А. Уварова. – Текст: непосредственный // Наука и школа. – 2014. – № 4. – С. 128-134.
80. Складская, Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Складская. – СПб.: Наука, 1993. – 150 с. – Текст: непосредственный.
81. Сокрута, Е.Ю. Нарративные характеристики новостного дискурса в эпоху новой медиальности / Е.Ю. Сокрута. – Текст: непосредственный // Новый филологический вестник. – 2018. – № 2 (45). – С. 39-46.
82. Сонин, А.Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект: монография / А.Г. Сонин. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. – 219 с. – Текст: непосредственный.
83. Сорокин, Ю.А., Тарасов, Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – Текст: непосредственный // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 180–186.
84. Сулина, О.В. Политический медиадискурс как элемент дискурсивного пространства / О.В. Сулина. – Текст: непосредственный // Вестник ВГУ. Серия «Филология. Журналистика». – 2014. – № 1. – С. 217–222.
85. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: ЛКИ, 2007. – 368 с. – Текст: непосредственный.
86. Сухих, С.А. Личность в коммуникативном процессе / С.А. Сухих. – Краснодар: Изд-во Юж. Ин-та менеджмента, 2004. – 155 с. – Текст: непосредственный.
87. Тамерьян, Т.Ю. Интертекстуальность vs прецедентность в пространстве постмодернизма / Т.Ю. Тамерьян. – Текст: непосредственный // Язык и

- культура в России: состояние и эволюционные процессы: сборник научных статей. – Самара: СГУ, 2007.– С. 249-253.
88. Тамерьян, Т.Ю., Дзедаева, М.С. Числовой код осетинской лингвокультуры: монография / Т.Ю. Тамерьян, М.С. Дзедаева. – Владикавказ: СОГУ, 2011. – 171 с. – Текст: непосредственный.
89. Тамерьян, Т.Ю. Интердискурсивные метафорические модели / Т.Ю. Тамерьян. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2013. – № 14. – С. 236-240.
90. Тамерьян, Т.Ю., Качмазова, А.У. Креолизованный текст в осетинском интернет-пространстве. Семантика. Символика. Прагматика / Т.Ю. Тамерьян, А.У. Качмазова. – Текст: непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 12-3 (42). – С. 166-170.
91. Тамерьян Т.Ю. Прецедентные символы политического дискурса (на материале немецкоязычной прессы) / Т.Ю. Тамерьян. – Текст: непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016.– № 2. – С. 268-273.
92. Тамерьян, Т.Ю., Шаипова, А.М. Межпрецедентное семиотическое пространство, или Когда гремят пушки, музы не молчат / Т.Ю. Тамерьян, А.М. Шаипова. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2022. – № 4. – С. 145-166.
93. Тамерьян, Т.Ю., Шаипова, А.М. Дискурс военного конфликта: оценочно-метафорическое поле «свой-чужие» / Т.Ю. Тамерьян, А.М. Шаипова. – Текст: непосредственный // Материалы VII международной междисциплинарной научной конференции «Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация». – Симферополь: КФУ, 2022. – С. 202-206.
94. Тамерьян, Т.Ю., Фарниева, Б.У., Шаипова, А.М. Аксиологическая прагматика новостных сообщений / Т.Ю. Тамерьян, Б.У. Фарниева, А.М. Шаипова. – Текст: непосредственный // Профессиональная

- коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2022. – Вып. 16. – С. 234-238.
95. Тамерьян, Т.Ю. Шаипова, А.М. Политический нарратив: концепции, типологии и структуры / Т.Ю. Тамерьян, А.М. Шаипова. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2024 а. – № 1. – С. 16-35.
96. Тамерьян, Т.Ю., Шаипова, А.М. Семиотика мануальной соматики в политическом новостном нарративе / Т.Ю. Тамерьян, А.М. Шаипова. – Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. – 2024 б. – № 5 (107). – С. 166–177.
97. Тамерьян, Т.Ю., Шаипова, А.М. Культурно-семиотический подход к анализу новостного политического нарратива / Т.Ю. Тамерьян, А.М. Шаипова. – Текст: непосредственный // Вестник МГЛУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2024 в. – № 11(892). – С. 105–111.
98. Титкова, О.И. Рекуррентные языковые единицы в институциональной коммуникации / О.И. Титкова. – Текст: непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 9 (695). – С. 173-182.
99. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия. – Текст: непосредственный // Роль человеческого фактора в языке: Язык и языковая картина мира: коллективная монография. – М.: Наука, 1988. – С. 173–204.
100. Топорков, А.Л. Происхождение элементов застольного этикета у славян / А.Л. Топорков. – Текст: непосредственный // Этнические стереотипы поведения: сборник научных трудов.– Л.: Наука, 1985. – С. 223–242.
101. Тюпа, В.И. Новостной дискурс как нарратологическая проблема / В.И. Тюпа. – Текст: непосредственный // Новый филологический вестник. – 2017. – № 3 (42). – С. 40-51.
102. Тюпа, В.И. Бахтин и нарратология / В.И. Тюпа. – Текст: непосредственный // Литературоведческий журнал. – 2021. – № 4 (54). –

С. 120-133.

103. Филлипс, Л.Дж., Йоргенсен, М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л.Дж. Филлипс, М.В. Йоргенсен; перевод с англ. и науч. ред. А.А. Киселёвой. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2004. – 352 с. – Текст: непосредственный.
104. Чернявская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие / В.Е. Чернявская. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 185 с. – Текст: непосредственный.
105. Чернявская, В.Е. Поликодовость vs «логоцентризм» в речевом воздействии / В.Е. Чернявская. – Текст: непосредственный // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2016. – №2. – С. 3–10.
106. Чудинов, А.П., Будаев, Э.В. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 54-56.
107. Чудинов, А.П., Будаев, Э.В., Солопова, О.А. Политическая метафорология: дискурсивный поворот / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев, О.А. Солопова. – М.: Флинта, 2020. – 234 с. – Текст: непосредственный.
108. Чудинов, А.П., Сегал, Н.А., Будаев, Э.В. Театральная метафора как основа моделирования образа России в украинских СМИ 2014-2024 гг. / А.П. Чудинов, Н.А. Сегал, Э.В. Будаев. – Текст: непосредственный // Язык и культура. – 2024. – № 67. – С. 76-88.
109. Шаипова, А.М. Семиозис языкового знака в новостном дискурсе / А.М. Шаипова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 3-2 (54). – С. 575-578.
110. Шаипова, А.М. Невербальный код политической коммуникации / А.М. Шаипова. – Текст: непосредственный // Материалы IV международной научно-практической конференции «Слово о слове: исследования молодых ученых-филологов». – Астрахань: АГУ, 2024. – С. 54-56.

111. Шаипова, А.М. Мультимодальная метафора в политическом нарративе / А.М. Шаипова. – Текст: непосредственный // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. – 2024. – № 5. – С. 217-220.
112. Шаипова, А.М. Педулярные соматизмы в новостном политическом нарративе / А.М. Шаипова. – Текст: непосредственный // Казанская наука. – 2024. – № 9. – С. 341-344.
113. Шаипова, А.М. Мультимодальная метафора в политическом нарративе / А. М. Шаипова // Материалы V международной научной конференции «Язык. Культура. Перевод. Коммуникация». – 2024. – Вып. 5. – С. 217-220.
114. Шимко, В.Г., Борискина О.О. Вариации прецедентных феноменов, в медиадискурсе, Или еще одна попытка «проверить алгеброй гармонию» / В.Г.Шимко, О.О. Борискина. – Текст: непосредственный // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2020. – № 3. – С. 15-24.
115. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М: Гнозис, 2004. – 431 с. – Текст: непосредственный.
116. Шкловский, В. Строение рассказа и романа / В. Шкловский. – Текст: непосредственный // О теории прозы. – М.: Советский писатель, 1982.– С. 56-69.
117. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с. – Текст: непосредственный.
118. Эпштейн, М.Н. Слово и молчание. Метафизика русской литературы / М.Н. Эпштейн. – М.: Высшая школа, 2006. – 559 с. – Текст: непосредственный.
119. Юдина, Н.В., Фельдман Н.Б. Хремотонимы в профессиональном дискурсе атомной и космической отраслей / Н.В., Юдина, Н.Б. Фельдман. – Текст: непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. «Языкознание». – 2019. – №18 (3). – С. 227-238.

120. Эко, У. Инновация и повторение: Между эстетикой модерна и постмодерна / У. Эко: Сост. и ред. А. Усманова // *Философия эпохи постмодерна*. – Минск.: Красико-принт, 1996. – С. 48-74. – Текст: непосредственный.
121. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко: перевод с итальянского А.Г. Погоняйло, В.Г. Резник. – СПб.: Петрополис, 1998. – 432 с. – Текст: непосредственный.
122. Abdel-Raheem, A. News discourse as a source of metaphorical creativity in political cartooning / A. Abdel-Raheem. – Текст: непосредственный // *Language Sciences*. – 2022. – № 93. – P. 101496.
123. Akker, van den R., Gibbons A., Vermeulen T. *Metamodernism: Historicity, Affect and Depth after Postmodernism* / van den R. Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen / New York: Rowman & Littlefield International, 2017. – 242 p. – Текст: непосредственный.
124. Al Raffie, D. Whose Hearts and Minds? Narratives and Counter-Narratives of Salafi Jihadism / D. Al Raffie. – Текст: непосредственный // *Journal of Terrorism Research*. – 2012. – № 3(2): – P. 13-31.
125. Anastasova, S. *Political Narratosophy from Theory of Narration to Politics of Imagination*. Published by Routledge, 2023. – Текст: электронный. – URL: <https://www.bokklubben.no/sosial-og-politisk-filosofi/political-narratosophy-senka-anastasova/produkt.do?produktId=106707445> (дата обращения: 09.11.2022).
126. Bach, K., Harnish, R. M. How performatives really work: A reply to Searle / K. Bach, R.M. Harnish. – Текст: непосредственный // *Linguistics and Philosophy*. – 2015 – Vol. 15. – P. 93–110.
127. Bamberg, M. Positioning Between Structure and Performance / M. Bamber. – Текст: непосредственный // *Journal of Narrative and Life History*. – 1997 – № 1. – P. 335-342.
128. Bamberg, M., Andrews, M. Considering Counter-Narratives: Narrating, resisting, making sense / M. Bamberg, M. Andrews. – John Benjamins

- Publishing, 2004. – 381 p. – Текст: непосредственный.
129. Bamberg, M., Wipff, Z. Counter-Narratives of Crime and Punishment / M. Bamberg, Z. Wipff. – Текст: непосредственный // In book: *Conflicting Narratives of Crime and Punishment*. London: Palgrave Macmillan, 2020. – P. 23-41.
130. Barthes, R. Introduction to the Structural Analysis of Narratives / R. Barthes. – Текст: непосредственный // *Image, Music, Text: Essays Selected and Translated by Stephen Heath*. L.: Fontana Press, 1977. – P. 79-124.
131. Barthwal-Datta, M., Krystalli, R., Shepherd, L. Narrative in politics and the politics of narrative / M. Barthwal-Datta, R. Krystalli, L. Shepherd. – Текст: непосредственный // In book: *The Routledge companion to narrative theory*. Routledge Taylor & Francis Group, 2022. – P. 465-478.
132. Bateman, J.A. What are digital media? / J.A. Bateman. – Текст: непосредственный // *Discourse, Context & Media*. – 2021. – № 41. – P. 100502.
133. Bell, A. News stories as narratives. – Текст: непосредственный / A. Bell // In book: *Jaworski, Adam и Coupland, Nikolas. The Discourse reader*. London; New York: Routledge, 1999. – P. 236-251.
134. Brockmeier, J. Remembering and Forgetting: Narrative as Cultural Memory / J. Brockmeier. – Текст: непосредственный // *Culture & Psychology*. – 2002. – Vol. 8(1). – P. 15–43.
135. Bruner, J. The Narrative Construction of Reality. – Текст: непосредственный / J. Bruner // *Critical Inquiry*. – 1991. – № 18(1). P. 1-21.
136. Birdwhistell, R.L. Kinesics and Context: Essays on Body Motion Communication / R.L. Birdwhistell. – University of Pennsylvania Press, 1970. – 352 p. – Текст: непосредственный.
137. Budaev, E.V., Chudinov, A.P. Transformations of precedent text: Metaphors we live by in academic discourse / E.V. Budaev, A.P. Chudinov. – Текст: непосредственный // *Issues of Cognitive Linguistics*. – 2017. – № 1 (50). – P. 60-67.

138. Butler, J. Performative Acts and Gender Constitution: An Essay in Phenomenology and Feminist Theory / J. Butler // Theatre Journal. – 1988. – Vol. 40. – Pp. 519-531.
139. Clark, H.H., Bangerter, A. Changing conceptions of reference / H.H. Clark, A. Bangerter. – Текст: непосредственный // In book: Experimental pragmatics. Basingstoke: Palgrave Macmillan. – 2004. – P. 25-49.
140. Cloutier, J. L'audioscriptovisuel et le multimedia / J. Cloutier. – Текст: непосредственный // Communication & Languages. – 1994. – № 99. – P. 42-53.
141. Cosenza, G. What Can Semiotics Do for Political Communication? / G. Cosenza. – Текст: непосредственный // Comunicazione Politica. – 2020. – 21(1). – P. 99-114.
142. Croft, W., Cruse, D.A. Cognitive Linguistics / W. Croft, D.A. Cruse. – Cambridge: CUP, 2004. – 374 p. – Текст: непосредственный.
143. Damasio, A.R. The Feeling of What Happens Body and Emotion in the Making of Consciousness / A.R. Damasio. – New York Harvest edition, 1999. – 386 p. – Текст: непосредственный.
144. Danesi, M. Of cigarettes, high heels, and other interesting things: An introduction to semiotic / M. Danesi. – London: Palgrave Macmillan, 2008. – 215 с. – Текст: непосредственный.
145. Debord, G. Society of the spectacle / G. Debord. – Amsterdam: Uitgeverij De Dolle Hond, 2001. – 119 p. – Текст: непосредственный.
146. Dijk, Teun A. van. Ideology and Discourse A Multidisciplinary Introduction / Teun A. van. Dijk. – Pompeu Fabra University, Barcelona, 2012. – 96 p. – Текст: непосредственный.
147. Dijk, Teun A. van. News as Discourse / Teun A. van. Dijk. – New York. Routledge, 1988 (2013). – 200 p. – Текст: непосредственный.
148. Dijk, van T.A. Discourse and manipulation / Teun A. van. Dijk. – Текст: непосредственный // Discourse & Society. – 2006. – № 17(3). – P. 359-383.

149. Derrida, J. Signature. Event. Context / J. Derrida. – Текст: непосредственный // In book: Jacques Derrida's Limited Inc collects. – Evanston: Northwestern university press, 1988. – P. 1–25.
150. Derrida, J. Of Grammatology / J. Derrida. Translated by Gayatri Chakravorty Spivak. – Baltimore: John Hopkins University Press, 2016. – 396 p. – Текст: непосредственный.
151. Eisenberg, J., Finlayson M. Annotation Guideline No. 1: Cover Sheet for Narrative Boundaries Annotation Guide / J. Eisenberg, M. Finlayson. – Текст: непосредственный // Journal of Cultural Analytics. – 2019. – P. 50-80.
152. Fauconnier, G. Mental Spaces. – Текст: электронный Cambridge / G. Fauconnier. – Mass.: MIT Press, 1985. – URL.: <https://terpconnect.umd.edu/~israel/Fauconnier-MentalSpaces.pdf> (дата обращения: 17.07.2023).
153. Fauconnier, G., Turner, M. Conceptual integration networks / G. Fauconnier, M. Turner. – Текст: непосредственный // Cognitive Science. – 1998. – № 22(2). – P. 133-187.
154. Fisher, W.R. The Narrative Paradigm: An elaboration / W.R. Fisher. – Текст: непосредственный // Communication Monographs. – 1985. – № 52(4). – P. 347-367.
155. Freeden, M. ‘What makes a political concept political? / M. Freeden. – Текст: непосредственный // Qualitative Methods. – 2005. – № 3(2). – P. 1-27.
156. Freeden, M. The morphological analysis of ideology / M. Freeden // In book: Oxford handbook of political ideologies. – Oxford: Oxford Univ. press, 2013. – P. 115–137. – Текст: непосредственный.
157. Genette, G. Narrative Discourse. Essays in method / G. Genette; Translated by Jane E. Lewin. – Itaca; New York: Cornell University Press, 1988. – 284 p. – Текст: непосредственный.
158. Groth, S. Political Narratives. Narrations of the Political / S. Groth. – Текст: непосредственный // Narrative Culture. – 2019. – № 1(6). – P. 1-18.
159. Goosens, L. Metaphonymy / L. Goosens. – Текст: непосредственный //

- Cognitive Linguistics. – 1990. – № 1. – P. 323-340.
160. Hall, E. The silent language / E. Hall. – Doubleday & Company INC.: Garden City, New York, 1959. – 241 p. – Текст: непосредственный.
161. Halliday, M.A.K. Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning / M.A.K. Halliday. – London: Edward Arnold, 1978. – 256 p. – Текст: непосредственный.
162. Halverson, J., Corman, S., Goodall, H.L. Master Narratives of Islamist Extremism Publication: Palgrave Macmillan; 2015. – Текст: непосредственный.
163. Hansen, D.L. Exploring social media relationships / D.L. Hansen. – Текст: непосредственный // On the Horizon. – 2011. – № 19 (1). – P. 43-51.
164. Holly, W. “Der Wort-Bild-Reißverschluss: Über die performative Dynamik audiovisueller Transkriptivität” / W. Holly. – Текст: непосредственный // Oberfläche und Performanz. Untersuchungen zur Sprache als dynamische Gestalt Tübingen: Universität Tübingen. 2009. – S. 389–406.
165. Houriya, A., Stuart, H. Hizb ut-Tahrir: ideology and strategy / A. Houriya, H. Stuart. – London: The Centre for Social Cohesion Stuart, 2009. – 167 p. – Текст: непосредственный.
166. Irvine, J.T., Gal, S. Language ideology and linguistic differentiation. / J.T. Irvine, S. Gal. – Текст: непосредственный // In book: Regimes of language: Ideologies, politics, and identities. V. Kroskrity ed.: School for Advanced Research Press, 2000. – P. 35–84.
167. Javier, N.D. Narratology of Online News / N.D. Javier. – Текст: непосредственный // In book: Shaping the News Online. A Comparative Research on International Quality media. Covilha, 2014. – P. 171–192.
168. Johnson, M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason / M. Johnson. – Chicago and London: University of Chicago Press, 1987. – 614 p. – Текст: непосредственный.
169. Jackson, R. Constructing Enemies: Islamic Terrorism’ in Political and Academic Discourse. Jackson / R. Jackson. – Текст: непосредственный //

- Government and Opposition. – 2007. – № 42(3). – P. 394-426.
170. Kershaw, B. Curiosity or Contempt: On Spectacle, the Human, and Activism / B. Kershaw // Theatre Journal. – 2003. – № 55 (4). – 591-611.
171. Kiran, V. Political Narrative Building: Why Building a Narrative is a Critical Political Campaign / V. Kiran. – Текст: электронный // Political Marketing, 2020. – URL: <https://politicmarketer.com/politic-narrative-building/> (дата обращения: 24.11.2022).
172. Kovecses, Z. Metaphor: a practical introduction / Z. Kovecses. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – Текст: непосредственный.
173. Kreisworth, M. Trusting the Tale: The Narrativist Turn in the Human Science / M. Kreisworth. – Текст: непосредственный // New Literary History. – 1992. – № 3 (23). – P. 629-657.
174. Krifka, M. Performative updates and the modeling of speech acts / M. Krifka. – Текст: непосредственный // Synthese. – 2024. – Vol. 31 (203). – P. 13-31.
175. Laclau, E. Power and representation / E. Laclau. – Текст: непосредственный // In book: Theory and Contemporary Culture. New York: Columbia University Press. M. Poster (ed.), Politics, 1993. – P. 277–297.
171. Laclau, E., Mouffe, Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. / E. Laclau, Ch. Mouffe. – Текст: непосредственный. – London, New York: Verso, 1985. – 197 p.
176. Lakoff, G. The Contemporary Theory of Metaph / G. Lakoff. – Текст: непосредственный // Metaphor and Thought. Cambridge University Press, 1993. – P. 202–251.
177. Lakoff, G., Johnson, M. Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to western thought / G. Lakoff, M. Johnson. – N. Y., 1999. – Текст: непосредственный.
178. Langacker, R.W. Foundations of Cognitive Grammar / R.W. Langacker. – Текст: непосредственный. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. Stanford, CA: SUP, 1987.
179. Lazar, M.M., Wan, L. Remediatiation, media interdiscursivity and

- ideological ambivalence in online news reports on sexual assault. / M.M. Lazar, L. Wan. – Текст: непосредственный // *Discourse, Context & Media*. – 2022. – № 48. – P. 100620.
180. Lazar, M.M. Semiotic timescapes / M.M.Lazar. – Текст: непосредственный // *Language in Society*. – 2022. – № 51(5). – P. 735-748.
181. Lyotard, J.-F. Postmodern Condition / J.-F. Lyotard. – Manchester University Press, Manchester; 1984. – 136 p. – Текст: непосредственный.
182. Luhmann, N. Theory of Society / N. Luhmann. – Vol. 1. – CA: Stanford University Press, 2012. – 488 p. – Текст: непосредственный.
183. MacIntyre, A. After Virtue / A. MacIntyre. – Текст: электронный. – London, Duckworth; 1981. – URL: <https://epistemh.pbworks.com/f/4.+Macintyre.pdf>. (дата обращения: 12.11.2022).
184. McLean, K.C., Syed, M. Personal M. Master, and Alternative Narratives: An Integrative Framework for Understanding Identity Development / K.C. McLean, M. Syed. – Текст: непосредственный // In book: *Human Development. Human Development*, 2015. – P. 318–349.
185. Mikhaeil, Ch.A., Baskerville, R.L. Using semiotics to analyze representational complexity in social media / Ch.A. Mikhaeil, R.L. Baskerville. – Текст: непосредственный // *Information and Organization*. – 2019. - № 29(4). – P. 100271.
186. Mihkelsaar, J. Lotman's semiotic theory of culture or Laclau's political ontology? / J. Mihkelsaar. – Текст: непосредственный // *Semiotica*, 2018. – Vol. 224. – P. 135-163.
187. Mingers, J., Willcocks, L. An integrative semiotic methodology for IS research / J. Mingers, L. Willcocks. – Текст: непосредственный // *Information and Organization*. – 2017. – № 1 (27). – P. 17-36.
188. Nye, J.S. Jr. Get Smart: Combining Hard and Soft Power. – Текст: непосредственный // *Foreign Affairs*. – 2009. – Vol. 88. – № 4. – P. 160-163.
189. Nye, J.S., Jr. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong

- Ways to Respond to Authoritarian Influence / J.S., Jr. Nye. – Текст: электронный. – 2018. – URL: <https://en.iiss.pku.edu.cn/info/1017/1079.htm> (дата обращения: 12.11.2022).
190. O’Keefe, D.J. Guilt as a mechanism of persuasion. – Текст: непосредственный / D.J. O’Keefe // In book: *The Persuasion Handbook: Developments in Theory and Practice*. – London: Sage Publications, 2002. – P. 329-344.
191. O’Loughlin, B., Miskimmon, A., Roselle, L. *Forging the World: Strategic Narratives and International Relations* / B. O’Loughlin, A.Miskimmon, L. Roselle. – University of Michigan Press, 2017. – 352 p. – Текст: непосредственный.
192. Patterson, M., Monroe, K. R. *Narrative in Political Science* / M. Patterson, K. R. Monroe. – Текст: непосредственный // *Annual Review of Political Science*. – 1998. – № (1). – P. 315–331.
193. Peirce, Ch.S. *Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Vols. I-VI* / Ch.S. Peirce. – Текст: электронный. –ed. Charles Hartshorne and Paul Weiss: Cambridge, MA: Harvard University Press, 1932. – Vol. 2. – URL: <https://colorysemiotica.wordpress.com/wp-content/uploads/2014/08/peirce-collectedpapers.pdf> (дата обращения: 15.12.2022).
194. Prince, G. *Narratology: The Form and Functioning of Narrative* / G. Prince. – Berlin; New York; Amsterdam: Mouton, 1982. – 191 p. – Текст: непосредственный.
195. Riemer, N. Remetonymizing metaphor: Hypercategories in semantic extension. – Текст: непосредственный // *Cognitive Linguistics*. – 2002. – Vol. 12. – № 4. – P. 379-401.
196. Riker, P. *I am myself as another*. M.: Publishing House of Humanitarian Literature; 2008. – 416 p. – Текст: непосредственный.
197. Rohrer, T. *Image Schemata in the Brain*. – Текст: непосредственный / T. Rohrer // In book: *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*. – Edited by B. Hampe, Berlin and New York: Mouton de Gruyter,

2005. – P. 165–196.
198. Roselle, L. Media and the Politics of Failure: Great Powers, Communication Strategies, and Military Failures / L. Roselle. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – 200 p. – Текст: непосредственный.
199. Ryan, M-L. Possible worlds, artificial intelligence, and narrative theory. / M-L. Ryan. – Indiana University Press, 1991. – 291 p. – Текст: непосредственный/
200. Saint Preux, de, A.D., Blanco O.M. The power of conceptual metaphors in the age of pandemic: The influence of the WAR and SPORT domains on emotions and thoughts / A.D. de Saint Preux, O.M. Blanco. – Текст: непосредственный // Language & Communication. – 2021. – № 81. –P. 37-47.
201. Seargeant, P. The Art of Political Storytelling. Why Stories Win Votes in Post-truth Politics / P. Seargeant. – London: Bloomsbury, 2020. – 272 p. – Текст: непосредственный.
202. Searle, J., Vanderveken, D. Foundations of Illocutionary Logic Reviewed by William K. Blackburn / J. Searle, D. Vanderveken. – Текст: непосредственный // Philosophy in Review. – 1986. – № 6 (7). – P. 354-356.
203. Selg, P. “The Fable of the Bs”: Between Substantialism and Deep Relational Thinking about Power / P. Selg. – Текст: непосредственный // Journal of Political Power. –2016. –Vol. 9 (2).– P. 183-205.
204. Selg, P. Power and Relational Sociology. – Текст: непосредственный // In book: The Palgrave Handbook of Relational Sociology.– London: Palgrave Macmillan. – 2018.– P. 539-557.
205. Selg, P., Ventsel, A. What is political semiotics and why does it matter? A reply to Janar Mihkelsaar / P. Selg. – Текст: непосредственный // Semiotica. – 2019.–Vol.(231). – P. 1-10.
206. Schechner, R. Essays on performance theory 1970-1976 / R. Schechner. – Drama Book Specialists (Publishers): New York, 1977. – 224 p. – Текст: непосредственный.

207. Schechner, R. Performance / R. Schechner.– Performance Studies: An Introduction.– London: Routledge, 2013.– 377 p.
208. Shenhav S.R. Political Narratives and Political Reality / S.R. Shenhav. – Текст: непосредственный // International Political Science Review. – 2006. – № 27 (3). – P. 245–262.
209. Seidel, G. Political Discourse Analysis / G. Seidel // Handbook of Discourse Analysis. – Текст: непосредственный // Discourse Analysis in Society. London: Academic Press. – 1985. – Vol. 4. – P. 43-60.
210. Tameryan, T.Yu., Zheltukhina, M. R., Anikejeva, I.G., Arkhipenko, N.A, Soboleva, E., Skuybedina, O.N . Language explication of the conceptualized meanings in ethno-cultural and socio-political aspects / T.Yu. Tameryan, M. R. Zheltukhina, I.G. Anikejeva, N.A Arkhipenko, E. Soboleva, O.N . Skuybedina. – Текст: непосредственный // Опцион. – 2020. – № 36 (26). – P. 456-475.
211. Tendahl, M. A Hybrid Theory of Metaphor: Relevance Theory and Cognitive Linguistics / M. Tendahl. – Palgrave Macmillan. – 2009. – Текст: непосредственный.
212. Thielemann, N. Allusive talk – Playing on indirect intertextual references in Russian conversation. / N. Thielemann. – Текст: непосредственный // Journal of Pragmatics. – 2020. – № – 155. – P. 123-134/
213. Thompson, J.B. The Media and Modernity: A Social Theory of the Media / J.B. Thompson. – Cambridge: Polity, 1995. –298 p. – Текст: непосредственный
214. Turner, M. The origin of ideas: Blending, creativity, and the human spark / M. Turner. – New York, 2014. – Текст: непосредственный.
215. Tsakona, V. Intertextuality and/in political jokes. – Текст: непосредственный / V. Tsakona // Lingua. – 2018. № –203. P. –1-15.
216. Tuck, H., Silverman, T. The Counter-Narrative Handbook / H. Tuck, T. Silverman. – London: Institute for Strategic Dialogue, 2016. – 70 p. – Текст: непосредственный.

217. Walker, Ch., Kalathil, Sh., Ludwig, J. “The Cutting Edge of Sharp Power” / Ch. Walker, Sh. Kalathil, J. Ludwig. – Текст: непосредственный // Journal of Democracy. – 2020. – Vol. 31. – №. 1. – P. 124-137.
218. White, H. The value of narrativity in the representation of reality / H. White. – Текст: непосредственный // In book: On narrative. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – P. 1-23.
219. Zappavigna, M. Language and social media: Enacting identity through ambient affiliation / M. Zappavigna. – Текст: непосредственный // In book: The Cambridge handbook of Systemic Function Linguistics. London: Cambridge University Press, 2019. – P. 714-737.
220. Zappavigna, M. Social media quotation practices and ambient affiliation: Weaponising ironic quotation for humorous ridicule in political discourse / M. Zappavigna. – Текст: непосредственный // Journal of Pragmatics. – 2021. – № 2 (191). – P.98-112.

Список словарей

221. Большой словарь русских поговорок. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs>. – Текст: электронный.
222. БТСЗЯ – Большой толковый словарь русского языка. – Текст: электронный. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 22.05.2023).
218. БФСМ – Большой толково-фразеологический словарь Михельсона. – Текст: электронный. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/ (дата обращения: 03.04.2023).
223. Грамота.ру. Справочно-информационный портал. URL: <https://gramota.ru>. – Текст: электронный.
224. МАС – Малый академический словарь: в 4-х тт. – М.: Русский язык.– 1981-1984. – Текст: электронный URL: <https://classes.ru/all->

- russian/dictionary-russian-academ-term-73273.htm (дата обращения: 24.05.2023).
225. КС – Карта слов и выражений русского языка. – Текст: электронный. – URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 20.07.2024).
226. НРЛ-89 – Новое в русской лексике. Словарные материалы 1989. – Текст: электронный. – М.: Из-во «Дмитрий Буланин», 2001.– 369 с. – URL: <https://iling.spb.ru/publications/2005> (дата обращения: 28.07.2021).
227. МНМ – Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. ред. Токарев С.А. – Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – 959 с. – Текст: непосредственный.
228. МС – Метасловарь. Грамота.ру. – Текст: электронный URL: <https://gramota.ru/meta/> (дата обращения: 20.06.2023).
229. Словарь латинских пословиц. – Текст: электронный. – URL: <https://classes.ru/all-latin/dictionary-latin-russian-proverb.htm> (дата обращения: 20.04.2022).
230. СПОТ – Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988. – 200 с. – Текст: непосредственный.
231. СРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века / Под. ред. Ю.С. Сорокина. – Текст: электронный. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1984–1991. Вып. 1–6. URL: <https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com/> (дата обращения: 07.07.2023).
232. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. М.: Академический Проект, 1997. – 990 с. – Текст: непосредственный.
233. ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / Сост. А.И. Фёдоров. – Текст: электронный. – М.: Цитадель, 1997. URL: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 25.07.2023).
234. ЭС – Энциклопедия символов / Сост. Дж. Купер. – Москва: АСТ, Астрель, 2007. – 730 с. – Текст: непосредственный.
235. Online Etymology Dictionary by Douglas Harper. Ohio University. – Текст:

электронный. URL: <https://www.etymonline.com/columns/post/abbr> (дата обращения: 09.11.2024).

236. FD – The Free Dictionary. – Текст: электронный. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 26.07.2023).

237. CD – Cambridge Dictionary. – Текст: электронный. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 26.07.2023).

Список источников

238. Аргументы и Факты. – URL: <https://aif.ru>. – Текст. Изображение: электронные.

239. БИЗНЕС Online. – URL: <https://www.business-gazeta.ru>. – Текст. Изображение: электронные.

240. Газета.Ru. – URL: <https://www.gazeta.ru>. – Текст. Изображение: электронные.

241. Вести.Ru. – URL: <https://www.vesti.ru/>. – Текст. Изображение: электронные.

242. «Вечерняя Москва». – URL: <https://vm.ru>. – Текст. Изображение: электронные.

243. Вконтакте. – URL: <https://vk.com>. – Текст. Изображение: электронные.

244. ВОЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ. URL: <https://warfiles.ru>. – Текст. Изображение: электронные.

245. Дзен. – URL: <https://dzen.ru>. – Текст. Изображение: электронные.

246. ИА «Хакасия. – URL: <https://19rusinfo.ru>. – Текст. Изображение: электронные.

247. ИноТВ. – URL: <https://russian.rt.com/inotv/amp/2024-06-18/NYP-Bajden-chasto-izobrazhaet-durachka>. – Текст. Изображение: электронные.

248. Комитет Государственной Думы по Международным делам. – URL: <https://interkomitet.ru>. – Текст. Изображение: электронные.

249. КОНТ | Платформа для социальной журналистики. – URL: <https://cont.ws>.

- Текст. Изображение: электронные.
250. Лента новостей Приднестровья. – URL: <https://tiraspol-news.ru>. – Текст. Изображение: электронные.
251. Межгосударственная телерадиокомпания «Мир». – URL: <https://mir24.tv>. – Текст. Изображение: электронные.
252. Москва 24. – URL: <https://www.m24.ru/articles/politika/11112024/742042>. – Текст. Изображение: электронные.
253. Московский комсомолец. – URL: <https://www.mk.ru/news>. – Текст. Изображение: электронные.
254. НИА Калининград. – URL: <https://39rus.org/news>. – Текст. Изображение: электронные.
255. Новости – Первый канал. – URL: <https://www.1tv.ru/>. – Текст. Изображение: электронные.
256. Новости в России и мире. Информационный портал sm.news. URL: <https://sm.news>. – Текст. Изображение: электронные.
257. Одноклассники. Социальная сеть. – URL: <https://ok.ru>. – Текст. Изображение: электронные.
258. Посольство Российской Федерации в Республике Молдова. – URL: <https://moldova.mid.ru>. – Текст. Изображение: электронные.
259. Посреди России. – URL: <https://posredi.ru>. – Текст. Изображение: электронные.
260. Президент России. – URL: <http://kremlin.ru/events>. – Текст. Изображение: электронные.
261. Рамблер. Новости. – URL: <https://news.rambler.ru>. – Текст. Изображение: электронные.
262. РБК. – URL: <https://www.rbc.ru>. – Текст. Изображение: электронные.
263. Рен ТВ. – URL: <https://ren.tv/news>. – Текст. Изображение: электронные.
264. РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/>. – Текст. Изображение: электронные.
265. РИА URA.RU. – URL: <https://ura.news>. – Текст. Изображение: электронные.

266. Родина на Неве. – URL: <https://rodinananeve.ru>. – Текст. Изображение: электронные.
267. Российская газета. – URL: <https://rg.ru>. – Текст. Изображение: электронные.
268. Сила в ПРАВДЕ: Актуальные международные новости. – URL: <https://x-true.info>. – Текст. Изображение: электронные.
269. ТАСС: Новости в России и мире. – URL: <https://tass.ru>. – Текст. Изображение: электронные.
270. ТВ Центр. – URL: <https://www.tvc.ru/news>. – Текст. Изображение: электронные.
271. Телеканал «Звезда». – URL: <https://tvzvezda.ru>. – Текст. Изображение: электронные.
272. Author.Today Электронная библиотека современной литературы Самиздат. – URL: <https://author.tod>. – Текст. Изображение: электронные.
273. BFM.ru – деловые новости России и мира. – URL: <https://www.bfm.ru/news/>. – Текст. Изображение: электронные.
274. Lenta.ru. – URL: <https://lenta.ru/news>. – Текст. Изображение: электронные.
275. Life.ru . – URL: <https://life.ru>. – Текст. Изображение: электронные.
276. LiveJournal. Живой журнал. – URL: <https://www.livejournal.com>. – Текст. Изображение: электронные.
277. Newsland. Оперативные новости. – URL: <https://newsland.com>. – Текст. Изображение: электронные.
278. Sputnik Беларусь. – URL: <https://sputnik.by>. – Текст. Изображение: электронные.
279. Sputnik Таджикистан. – URL: <https://tj.sputniknews.ru>. – Текст. Изображение: электронные.
280. TikTok. – URL: <http://www.tiktok.com>. – Текст. Изображение: электронные..
281. YouTube. – URL: <https://www.youtube.com>. – Текст. Изображение: электронные.

282. X.com. – URL: <https://twitter.com>⁴⁹. – Текст. Изображение: электронные.

⁴⁹ Твиттер признан экстремистской организацией на основании ст. 15.3 закона об информации, информтехнологиях и о защите информации УК РФ от 24 февраля 2022 года и запрещен на территории России.